

2025

ТОМ: 6

■
ГОМЕР: 1

ЖУРНАЛ
КЛИНИЧЕСКОГО
И ПРИКЛАДНОГО
ПСИХОАНАЛИЗА

**«Журнал клинического
и прикладного
психоанализа
(Journal of Clinical
and Applied
Psychoanalysis)»
Национального
исследовательского
университета
«Высшая школа
экономики»
Том VI. № 1. 2025.**

Электронный журнал
<https://psychoanalysis-journal.hse.ru>

ISSN: 2687-1475

Адрес редакции:
НИУ ВШЭ,
Кафедра психоанализа
и бизнес-консультирования
департамента психологии,
ул. Мясницкая, д. 20, каб. 410,
Москва, 101001
Тел.: +7 (495) 772 95 90
E-mail: arossokhin@hse.ru

Электронный журнал «Журнал клинического и прикладного психоанализа» издается с 2020 года. Учредителями журнала являются Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» и Андрей Владимирович Россохин (<https://www.hse.ru/staff/rossokhin>) – главный редактор.

Миссия журнала – содействие развитию психоаналитического знания во всех областях его возможного применения, создание открытой творческой площадки для встречи российских и зарубежных психоаналитиков, психоаналитически ориентированных практиков и исследователей из разных клинических и прикладных сообществ и университетов.

Основные цели журнала:

- интеграция отечественных научных, клинических и прикладных психоаналитических исследований на базе Журнала;
- знакомство читателей с ключевыми зарубежными публикациями в клиническом и прикладном психоанализе;
- создание публикационного междисциплинарного пространства, позволяющего специалистам-психоаналитикам взаимодействовать с представителями других наук;
- поддержка научных теоретических и эмпирических исследований по клиническому и прикладному психоанализу;
- содействие интеграции современного российского психоанализа в более широкий контекст мировой психоаналитической теории и практики;
- открытие новых направлений в дискуссионном психоаналитическом поле;
- знакомство с новейшими тенденциями в российской и мировой психоаналитической практике.

Доступ к электронному журналу постоянный, свободный и бесплатный по адресу: <https://psychoanalysis-journal.hse.ru>
Каждый номер содержится в едином файле (в PDF).

Требования к авторам изложены на

https://psychoanalysis-journal.hse.ru/auth_req.html

Все статьи, поступающие в редакцию, проходят анонимное рецензирование. Все материалы проходят через полный цикл редакторской обработки и корректуры. Плата за публикацию статьей не взимается.

С публикационной этикой можно ознакомиться на

<https://psychoanalysis-journal.hse.ru/etika>

Редакция

Главный редактор Россохин А.В., доктор психол. наук, профессор, титулярный член Парижского психоаналитического общества (SPP)

Заместители главного редактора:

Чершинцева М.А., кандидат культурологии

Чекункова О.В., кандидат Парижского психоаналитического общества

Карпов А.Н., кандидат философских наук

Редактор выпуска: Чершинцева М.А.

Литературный редактор, корректор: Озерская Т.Ю.

Вёрстка: Михайлова Ю.С.

**«Журнал клинического
и прикладного
психоанализа
(Journal of Clinical
and Applied
Psychoanalysis)»
Национального
исследовательского
университета
«Высшая школа
экономики»
Том VI. № 1. 2025.**

Электронный журнал
<https://psychoanalysis-journal.hse.ru>

ISSN: 2687-1475

**Журнал выходит
четыре раза в год
(поквартально).**

Учредитель и издатель:

- **Национальный
исследовательский
университет
«Высшая школа экономики»**
- **А.В. Россохин**

Издается с 2020 года

Редакционная коллегия

Клинический психоанализ:

Барюк Кларисс (Франция), Ph.D., почетный профессор психологии университета Париж-Х – Нантер, титулярный член Парижского психоаналитического общества (SPP), Президент Парижского психоаналитического общества (SPP)

Евсеева М.Л. (Россия), канд. психол. наук, доцент кафедры психоанализа и бизнес-консультирования НИУ ВШЭ, член Международной Психоаналитической Ассоциации (IPA)

Дяткин Жильбер (Франция), Ph.D., титулярный член Парижского психоаналитического общества (SPP), экс-президент Парижского психоаналитического общества, директор восточно-европейского образовательного направления Парижского института психоанализа

Жибо Ален (Франция), Ph.D., титулярный член Парижского психоаналитического общества (SPP), экс-Президент Европейской федерации психоанализа (EPF), экс-Генеральный Секретарь Международной Психоаналитической Ассоциации (IPA), почетный директор Парижского центра психоанализа и психотерапии имени Э. и Ж. Кестембергов

Леви Руджеро (Бразилия), Ph.D., тренинг-аналитик Психоаналитического общества Порто-Алегре (SPPA), член Международной Психоаналитической Ассоциации (IPA), глава комитета по координации рабочих групп Международной психоаналитической ассоциации

Капсамбелис Василис (Франция), Ph.D., титулярный член Парижского психоаналитического общества (SPP), директор Парижского центра психоанализа и психотерапии имени Э. и Ж. Кестембергов, экс-генеральный директор Ассоциации психического здоровья 13 округа Парижа (AMS 13)

Майн Н.В. (Россия), канд. психол. наук, член Парижского психоаналитического общества (SPP), член Международной психоаналитической ассоциации (IPA)

Коротецкая А.И. (Россия), член Парижского психоаналитического общества (SPP), член Международной психоаналитической ассоциации (IPA), член Международной ассоциации психоаналитической психосоматики им. Пьера Марти (IPSO, Paris)

Миназье Николь (Бельгия), Ph.D., титулярный член Бельгийского психоаналитического общества, экс-Президент Бельгийского психоаналитического общества

Рибас Дени (Франция), Ph.D., титулярный член Парижского психоаналитического общества (SPP), экс-президент Парижского психоаналитического общества, экс-главный редактор «Журнала французского психоанализа» (Revue française de psychanalyse)

Ришар Франсуа (Франция), Ph.D., профессор Университета Париж-VII имени Дени Дидро, директор Центра исследований психопатологии и психоанализа Университета Париж-VII имени Дени Дидро, титулярный член Парижского психоаналитического общества (SPP)

Россохин А.В. (Россия), д. психол. наук, проф., рук. магистерских программ «Психоаналитическая психотерапия» и «Психоаналитическое бизнес-консультирование» НИУ ВШЭ, титулярный член Парижского психоаналитического общества (SPP), член Международной психоаналитической ассоциации (IPA)

Руссийон Рене (Франция), Ph.D., профессор клинической психологии и директор департамента клинической психологии Университета Люмьер Лион 2, экс-президент Лионской группы психоанализа, титулярный член Парижского психоаналитического общества (SPP)

Станкевич Т.Л. (Россия), Ст. преп. кафедры психоанализа и бизнес-консультирования НИУ ВШЭ, член Парижского психоаналитического общества (SPP), член Международной психоаналитической ассоциации (IPA)

Фусу Л.И. (Россия), канд. мед. наук, член Парижского психоаналитического общества (SPP), член Международной психоаналитической ассоциации (IPA), член Международной ассоциации психоаналитической психосоматики им. Пьера Марти (IPSO, Paris)

Шафер Жаклин (Франция), Ph.D., титулярный член Парижского психоаналитического общества, лауреат психоаналитической премии им. Мориса Буве (1987)

Чибис В.О. (Россия), Канд. мед. наук, доцент кафедры психоанализа и бизнес-консультирования НИУ ВШЭ, член Международной психоаналитической ассоциации (IPA)

Чивитарезе Джузеппе (Италия), Ph.D., обучающий аналитик и супервизор Итальянской психоаналитической ассоциации (SPI), член Международной психоаналитической ассоциации (IPA)

Эриль Ален (Франция), Ph.D., член Французской ассоциации психотерапевтов и Парижской ассоциации психоаналитического обучения и фрейдовских исследований «Espace analytique», профессор Université Paris XII, La Sorbonne (Paris III)

**«Журнал клинического
и прикладного
психоанализа
(Journal of Clinical
and Applied
Psychoanalysis)»
Национального
исследовательского
университета
«Высшая школа
экономики»
Том VI. № 1. 2025.**

Электронный журнал
<https://psychoanalysis-journal.hse.ru>

ISSN: 2687-1475

**Журнал выходит
четыре раза в год
(поквартально).**

Учредитель и издатель:

- **Национальный
исследовательский
университет
«Высшая школа экономики»**
- **А.В. Россохин**

Издается с 2020 года

Редакционная коллегия

Прикладной психоанализ:

Анжелло Елизабет (Франция), *Ph.D., профессор менеджмента международной бизнес-школы ИНСЕАД (INSEAD) во Франции, Сингапуре и Дубае, директор-основатель Института Кетса де Вриса (KDVT), психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант*

Евдокименко А.С. (Россия), *канд. психол. наук, доцент кафедры психоанализа и бизнес-консультирования НИУ ВШЭ, Главный внештатный психолог ФМБА России*

Кетс де Врис Манфред (Франция), *Ph.D., профессор международной бизнес-школы ИНСЕАД (INSEAD), основатель и экс-директор Центра глобального лидерства ИНСЕАД. Психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант. Член Международной психоаналитической ассоциации (ИПА). Экс-Президент и почетный член Международного общества психоаналитического исследования организаций (ISPSO).*

Кранц Джеймс (США), *Ph.D., профессор Йельского университета (Yale University). Управляющий директор консалтинговой компании Worklab (Нью-Йорк), экс-Президент и почетный член Международного общества психоаналитического исследования организаций (ISPSO), психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант*

Кречмер Томас (Германия), *Ph.D., основатель и директор Института психики (Mind Institute SE), член Международного общества психоаналитического исследования организаций, психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант*

Лейкина А.С. (Россия), *канд. филолог. наук, доцент кафедры психоанализа и бизнес-консультирования НИУ ВШЭ, психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант, психоаналитический психотерапевт*

Лонг Сьюзан (Австралия), *Ph.D., профессор менеджмента Университета RMIT в Мельбурне, экс-Президент и почетный член Международного общества психоаналитического исследования организаций (ISPSO), психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант*

Мамедов Шираз (Россия), *Ph.D., профессор кафедры психоанализа и бизнес-консультирования НИУ ВШЭ*

Медведев В.А. (Россия, Эстония), *канд. философ. наук, действительный член и глава российского отделения Международного общества прикладного психоанализа (ISAP), руководитель международного исследовательского проекта «RUSSIAN IMAGO». Директор образовательных программ Санкт-Петербургского психолого-аналитического центра*

Мерски Роуз (США, Германия), *Ph.D., экс-Президент Международного общества психоаналитического исследования организаций (ISPSO), международный почетный попечитель Фонда Лоуренса Гордона, психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант*

Морган-Джонс Ричард (Великобритания), *Ph.D., член Британского психоаналитического Совета, член Совета Международного общества психоаналитического исследования организаций (ISPSO), международный почетный попечитель Фонда Лоуренса Гордона, действующий супервизор и тренинг-терапевт общества British Psychotherapy Foundation, психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант, психоаналитический психотерапевт*

Рафаелли Дерек (Великобритания), *Ph.D., член-корреспондент Британского Психологического Общества, член Международной Общества Психоаналитического Исследования Организаций (ISPSO), член Британского психоаналитического Совета, член Совета Waiswater Institute, организатор и ведущий рабочих конференций по групповым отношениям в организациях, психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант, психоаналитический психотерапевт*

Рингер Мартин (Новая Зеландия), *Ph.D., профессор Edith Cowan University, член Международной Общества Психоаналитического Исследования Организаций (ISPSO), психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант, психоаналитический психотерапевт*

Россохин А.В. (Россия), *д. психол. н., проф., рук. магистерских программ «Психоаналитическая психотерапия» и «Психоаналитическое бизнес-консультирование» НИУ ВШЭ, титулярный член Парижского психоаналитического общества, почетный президент Ассоциации психоаналитического коучинга и бизнес-консультирования*

Сиверс Бурхард (Германия), *Ph.D., почетный профессор по Организационному развитию в Школе бизнеса и экономики им. Шумпетера, экс-Президент и почетный член Международного общества психоаналитического исследования организаций (ISPSO), психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант*

Стрижова Е.А. (Россия), *канд. психол. наук, доцент кафедры психоанализа и бизнес-консультирования НИУ ВШЭ*

Таккер Саймон (Великобритания), *Ph.D., проф., программы по орг. консультированию и стратегическому лидерству в Клинике Тависток, экс-исполнительный директор OPUS (Organisation for Promoting Understanding of Society and organisations within society), организатор и ведущий рабочих конференций по групповым отношениям в организациях, психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант*

Уорд Грэм (Великобритания), *директор программ в Глобальном Центре лидерства INSEAD, член Американской Психологической Ассоциации (APA), член Международного Общества Психоаналитического Исследования Организаций (ISPSO) и Международной Организации Клинического Коучинга (ICCO), психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант*

Шенкман А.И. (Россия), *Доктор эконо. наук, профессор кафедры психоанализа и бизнес-консультирования НИУ ВШЭ*

Хиршорн Ларри (США), *Ph.D., профессор Fielding Graduate University (Саппа Барбара, Калифорния), University of Pennsylvania и Wharton School. Основатель и партнер консалтинговой компании CFAR (Нью-Йорк), экс-Президент и почетный член Международного общества психоаналитического исследования организаций (ISPSO), психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант*

Шаповалова Е.В. (Россия), *ст. преп. кафедры психоанализа и бизнес-консультирования НИУ ВШЭ, управляющий партнер консалтинговой компании Subcon Business Solution, член Международного общества психоаналитического исследования организаций (ISPSO), член Совета Ассоциации психоаналитического коучинга и бизнес-консультирования (АПКБК)*

**Журнал клинического
и прикладного психоанализа
Том VI
№ 1.2025**

КЛИНИЧЕСКИЙ ПСИХОАНАЛИЗ

КЛЮЧЕВЫЕ КОНЦЕПЦИИ ПСИХОАНАЛИЗА

- Жаклин Шаффер**
Любовь и вина 6

КВАНТОВЫЙ ПСИХОАНАЛИЗ

- Россохин А. В.**
Новое прочтение классического кейса З. Фрейда: квантовый подход
к анализу маленького Ганса 15

ПСИХОАНАЛИЗ ПОДРОСТКОВОГО ВОЗРАСТА

- Руджеро Леви**
Объект, другой – выбор объекта в подростковом возрасте 21

ПСИХОАНАЛИЗ И ПСИХОПАТОЛОГИЯ

- Ф. Де Мази**
Психическое отчуждение: последствия у детей и взрослых 28

ИССЛЕДОВАНИЯ СНОВИДЕНИЙ

- Ванюков В. В., Сединина Н. С., Булатова И. А., Минхазева Э. М.**
Исторические аспекты изучения сновидений: основные теории 45

ПРИКЛАДНОЙ ПСИХОАНАЛИЗ

ПСИХОАНАЛИЗ ОРГАНИЗАЦИЙ

- Джеймс Кранц**
Управленческая пара: отношения начальника и подчиненного как предмет анализа 72

ПСИХОАНАЛИЗ КАТАСТРОФ

- Абалмасова П. Г.**
Психоаналитический взгляд на экстремальное поведение лидеров на примере батискафа «Титан» 89

ПСИХОАНАЛИЗ ИСКУССТВА

- Спирина Т. А.**
Фетишизация искусства как способ восполнения нехватки визуальной оболочки 106
- Барке К. А.**
Психоаналитики, пациенты: художники. Перформативные аспекты психоаналитического процесса 112

ПСИХОАНАЛИЗ ТЕХНОЛОГИЙ

- Стец Д. А.**
Страхи и стремления: эдипов комплекс в контексте взаимодействия с искусственным интеллектом 120

КЛИНИЧЕСКИЙ ПСИХОАНАЛИЗ

КЛЮЧЕВЫЕ КОНЦЕПЦИИ ПСИХОАНАЛИЗА

Любовь и вина¹

Жаклин Шаффер

(Пер. с фр.: О. В. Чекунова)

Жаклин Шаффер – психоаналитик, действительный член Международной психоаналитической ассоциации (IPA), титулярный член Парижского психоаналитического общества (SPP), тренинг-аналитик (SPP), лауреат психоаналитической премии им. Мориса Буве (1987).

В данной статье автор размышляет над причинами появления чувства вины в отношениях с объектом, рассматривая этот феномен с метапсихологической точки зрения. В статье представлены идеи автора относительно истоков различных проявлений чувства вины, в том числе: нарциссической вины, чувства вины в любви по опорному типу выбора объекта, чувства вины из-за ненависти, связанной с зависимостью, чувства вины из-за деструктивных аспектов любовной страсти, чувства вины, связанной с влюбленностью и идентификацией с объектом любви, в том числе при контридентификации с эдипальным объектом, источником зависти и конкуренции, чувства вины за ненависть к сепарации и принятию инаковости объекта.

Ключевые слова: чувство вины, нарциссическая вина, выбор объекта, выбор объекта по нарциссическому типу, выбор объекта по опорному типу, нарциссическая идентификация, истерическая идентификация, контридентификация.

¹ В статью вошли материалы семинаров, проведенных Ж. Шаффер на магистерской программе «Психоанализ и психоаналитическая психотерапия» в НИУ ВШЭ в 2024 году.

Как мы можем не чувствовать себя виноватыми из-за всего, что происходит с нами в человеческом мире, когда мы прошли через конфликты структурирующего перекрестка Эдипа? Сверх-Я никогда не является врагом сексуальности или любви, но оно решительно является врагом инцеста и инцестуозных желаний.

Таким образом, любовь с чувством вины – это любовь, которая хорошо обрамлена Сверх-Я, наследником эдиповой организации, защищающей и запрещающей инстанцией, возникающей из влечений Оно.

Так за что же нам чувствовать себя виноватыми, когда мы любим? Ведь любовь должна освободить нас от всех оков, поскольку она «богемное дитя, никогда не знавшее закона»? За то, что она питается свежей водой? За то, что она высмеивает все социальные запреты? За то, что ее спутник, сексуальное, когда оно не заблокировано вытеснением и всеми остальными защитными механизмами, является антисоциальным по своей сути?

В чем может быть виновата любовь?

– Слишком много нарциссизма?

– инцестуозные желания, которые проецируются на объект любви?

– мазохизм?

– страстная любовь-ненависть?

– желание кастрации или смерти, направленное на возлюбленного?

Фрейд предлагает нам ограниченный выбор:

– Мы любим только себя, в соответствии с нарциссическим типом.

– Или мы любим только мать, которая нас кормит, и отца, который нас защищает, в соответствии с опорным типом.

Нарциссическая вина

Во «Введении в нарциссизм», написанном в 1914 году, Фрейд перечисляет несколько вариантов нарциссического типа выбора объекта:

1. Человек любит то, что сам из себя представляет.

Первоначально либидо полностью содержится в Оно, которое направляет его часть на эрогенные объекты. Усиливая себя, Я присваивает себе часть этого либидо, чтобы предложить себя Оно в качестве объекта любви: «Нарциссизм Я, таким образом, является вторичным нарциссизмом, изъятым из объектов», – пишет Фрейд.

«Любовь моя, мы будем с тобой одним целым: Я», – говорит Вуди Аллен.

Чувство вины связано с этим отрицанием инаковости, с каннибалистическим присваиванием объекта. Это также самопожирание, аутофагия. Но кто кого пожирает? Можем ли мы найти субстраты этих процессов в таких патологиях, как анорексия и булимия? Связано ли чувство вины с этим каннибалистическим аспектом отношений с объектом?

2. Человек любит того, кем он когда-то был.

Леонардо да Винчи дает ключ к разгадке, по мнению Фрейда. Фрейд пишет: «Когда любовь к матери не может эволюционировать, следовать

курсу последующего бессознательного развития, она попадает под воздействие вытеснения, маленький мальчик вытесняет свою любовь к матери, ставя себя на ее место, идентифицируя себя с ней, а затем берет свою собственную личность в качестве идеала, по подобию которого он выбирает свои новые объекты любви... И он любит их так, как мать любила его в детстве».

Если инцестуозные влечения вытесняются, это позволяет отделиться от первичного объекта – в данном случае Фрейд имеет в виду недостаточно хорошо завершенное вытеснение, и по этой причине не удалось сменить объект и используется идентификация. Этот процесс позволяет избежать потери инцестуозного материнского объекта, так же как и потери инцестуозного объекта, которым ребенок был в детстве для своей матери. Эта тенденция может привести к гомосексуальности. Но также и к влечению к педофилии.

3. Человек любит то, кем он хотел бы быть.

Здесь Фрейд имеет в виду Я-идеал, наследник нарциссизма. Влюбленный субъект ищет в своем объекте лишь образ, идеал, фетиш. Переживание любви в какой-то степени не зависит от качеств объекта, в том числе от его присутствия. Влюбленный человек вкладывает в другого человека или в его образ воплощение своего идеала. По нарциссическим причинам он ставит другого в центр своей жизни и наслаждается его грандиозностью путем идентификации и проживая свою жизнь через другого, как будто по доверенности. Поскольку любая идеализация имеет противоположную сторону – ненависть, чувство вины связано с осознанием враждебных желаний, порождаемых этой ненавистью.

4. Человек любит того, кто был частью его самого.

Такую любовь можно найти почти у каждой матери.

В особенности это касается матерей, неспособных отделить себя от своего ребенка, которого они считают плотью от плоти своей, своей «эротической игрушкой», по выражению Фрейда, или заменителем фаллоса.

В «Трех очерках по теории сексуальности» Фрейд прямо описывает вред, наносимый страстной материнской любовью: «Избыток родительской нежности, несомненно, вреден, поскольку ускоряет половое созревание, а также потому, что портит ребенка, делая его неспособным в будущей жизни временно обходиться без любви».

Утверждение о том, что любовь матери к своему ребенку при определенных обстоятельствах может быть вредна для него, и сегодня является утверждением, подрывающим устои. Чрезмерная любовь может вылиться в страсть и захват, отрицая всякую структурирующую ценность инфантильного соблазна, инфантильной сексуальности и аутоэротизма. Чувство вины может быть связано с угрозой, которую эта любовь представляет для развития субъективности ребенка.

С другой стороны, ребенок также пожирает плоть матери, плоть утробы, которая его выносила, плоть груди, которая его питала. Как говорит

Винникотт, «жгучая любовь является любовью-кладовой, где хранятся припасы».

Мелани Кляйн, которая в своих теориях размышляла о вине из-за атак на материнскую грудь и частичные объекты, дает нам прекрасный пример проекции: маленький ребенок указывает на грудь матери, когда та кормит его младшего брата, и спрашивает: «Мамочка, это то, чем ты меня кусала?»

Может ли чувство вины быть виной, «позаимствованной» у чрезмерно любимого объекта и обращенной против самого себя?

Многие взрослые люди испытывают чувство вины за то, что они испортили свою любимую мать, за то, что из-за них она стала хрупкой и старой. А иногда они возвращают свой долг через идентификацию, что более заметно у женщин.

Чувство вины в любви по опорному типу

Объект пробуждает влечения, потому что именно опыт отсутствия, нехватки объекта вызывает активизацию влечения и позволяет осознать их требования.

Первые объектные инвестиции по природе своей амбивалентны, это всегда сосуществование бурных проявлений любви и ненависти. Первичный объект неизбежно является двойственным, противоречивым и конфликтным.

В состоянии любви объект всегда противоречив, он одновременно и заменим сам по себе, и незаменим в своей функции. Природа цепляния за любовь глубоко архаична и коренится в нашем самом раннем опыте и восприятии. Объект любви, который изначально является заменяемым объектом желания, трансформируется в объект основных потребностей и в ходе любовного переноса приобретает характеристики материнского объекта.

Оба влюбленных ощущают исчезновение своих границ, как в раннем детстве, когда ребенок еще не знает, что он существует отдельно от матери. Оба испытывают одни и те же ощущения, постоянно обмениваются друг с другом своими мыслями, понимают друг друга, угадывают мысли друг друга без слов, как это было в то время, когда мать и ребенок еще не говорили друг с другом. Они проецируют друг на друга все лучшее, что есть в них самих. Другой становится смыслом жизни, источником всего счастья и всего страдания. Мы знаем пары, в которых партнеры называют друг друга мамой и папой. Их дети делают возможными эти игры в опорный объект.

Чувство вины из-за ненависти, связанной с зависимостью

Этот тип любви создает зависимость от объекта, скорее в регистре потребностей, нежели желания. Обычно это долгосрочные отношения.

Чтобы существовать, объект должен быть потерян. Фрейд указывает на то, что объект выстраивается во время своего отсутствия, что он

обретается и становится другим только в случае потери. Положение объекта включает в себя как его присутствие, так и его отсутствие.

Доступ к целостному объекту сопровождается потерей объекта, а также вытеснением и торможением цели влечения. Это определяется признанием инаковости объекта, подчинением частичных влечений и приматом идентификации над сексуальным удовлетворением.

Свобода от власти объекта или желание пассивности поддерживаются только за счет ненависти и проекций. Объект всегда познается в ненависти, потому что разрыв в восприятии неизбежен. Другой – это тот, кто рождается в ненависти, тот, кто нарушает слияние.

Однако обратная сторона любви – это не ненависть, а отстраненность, как и безразличие. Ненависть поддерживает свой объект. То же самое можно сказать и о чувстве вины, которое поддерживает связность Я, а также инвестиции в объект.

Чувство вины, связанное с проекцией эдиповых объектов, включает в себя инстанцию, запрещающую инцест, которой является Сверх-Я. Но она также может напитывать и обогащать Я инвестициями, которые, возможно, могли бы быть сдержаны торможением цели влечения, приобретая качество нежности.

Варианты сплава нарциссизма и инаковости

Чувство вины, связанное с влюбленностью

Все становится сложнее, особенно в подростковом возрасте, когда мы сталкиваемся с инаковостью объекта, которую приводит в действие, в частности, сексуальное желание.

Желание подвергает всех нас риску столкнуться с радикально чуждым другим. После того как возбуждение и неодолимое притяжение тел, способствующие иллюзии слияния в одно целое, проходят, сексуальное желание может быть разъединено только различием между полами.

Юноша ищет в своей партнерше сексуальное удовольствие и прежде всего подкрепление его фаллической уверенности. Кастрационная тревога обязывает! Он, возможно, даст любовь в обмен на завоевание. Девушка ждет. Она ждет, что юноша полюбит ее. Она, возможно, отдаст свое тело в обмен на любовь. Оба быстро увидят границы этого обмена, и вскоре могут появиться неудовлетворенность и разочарование.

Чувство вины принимает форму разочарования, которое может перерастать во враждебность, если влечение не находит удовлетворения, которое оно ищет.

Чувство вины подпитывается не ошибками, а подавленной энергией влечений. Она обращает неудовлетворенную часть влечения против Я.

Это движение интериоризации подпитывает самообвинения, когда обнаруживается использование объекта: вина состоит в том, что мы не любим по-настоящему, слишком сильно любя себя, в том, что мы крадем качества любимого объекта для собственной выгоды. Женщина может чувствовать себя виноватой в том, что фантазм желания кастрировать

мужчину, завладев его пенисом во время полового акта, не может быть в достаточной степени преобразован через любовь в желание иметь ребенка.

Мужчина может избежать чувства вины за преждевременную эякуляцию, которая может быть признаком определенной агрессии, смешанной со страхом перед женским половым органом. Мы знаем, что мужчина не терпит фиаско, когда его желание полностью приводится в действие подчинением женщины.

Как говорит Фрейд, «что-то в самой природе сексуального влечения не способствует достижению полного удовлетворения». Действительно, влечение характеризуется постоянным напором и ненасытным, неудовлетворенным стремлением.

Чувство вины и идентификации

Влюбленный человек примиряет в себе фиксированность нарциссической идентификации и подвижность истерической идентификации.

Термин «заимствование», который Фрейд использовал в связи с истерической идентификацией, позволяет провести различие между истерической идентификацией по Фрейду и проективной идентификацией по Мелани Кляйн.

Заимствование – это не присвоение и не поглощение и захват другого. Этот термин определяет множественные, лабильные, императивные, противоречивые и обратимые аспекты истерической идентификации.

Истерическая идентификация – это внутренний процесс, который остается в пределах Я и аутоэротизма субъекта. Настоящий партнер может оставаться в полном неведении относительно того, что у него позаимствовано. Его инаковость не ставится под сомнение.

Однако именно идентификации с ненавистным объектом Фрейд приписывает «завершенный механизм формирования истерического симптома». Девочка, благодаря своему симптому, враждебно подменяет собой мать, чтобы фантазматически реализовать свое желание инцеста с отцом.

При истерии происходит идентификация «против», и именно агрессивный компонент этой идентификации «против» заставляет эротизацию сохраняться в неудовлетворенности, в виде желания неудовлетворенного желания. Это происходит потому, что идентификация в «сексуальном объединении», как выражается Фрейд, подразумевает наличие неудовлетворенного желания.

В данном случае речь идет об идентификации с желанием другого, вызывающего зависть и ненависть соперника. Поскольку это желание не может быть исполнено, мы лишаем себя его (см. описанный Фрейдом клинический случай «Прекрасная жена мясника»).

Учитывая, что идентификация бессознательна, должны ли мы тогда ссылаться на бессознательное чувство вины?

С другой стороны, проективная идентификация в понимании Мелани Кляйн – это межличностный, а не только внутриличностный механизм, в

котором другой используется для целей проекции, изгнания, а также спонтанности и отсутствия границ между собой и объектом.

Реальный партнер может действительно чувствовать, на уровне восприятия, что он захвачен, контролируется, находится под властью субъекта, используется и манипулируется как частичный объект, инаковость которого отрицается. Если только партнер не отрицает это ощущение и не отказывается от него.

Идентификация с утраченным объектом может происходить и во время процесса горевания. Появление и создание двойника может в данном случае быть репрезентацией смерти, потери объекта, страха потерять себя в смерти. Фрейд привел несколько подобных примеров.

Вина за ненависть к сепарации

Растворяясь в другом человеке, мы таким образом восполняем свой собственный дефицит, и даже недолгая разлука может вновь пробудить в нас страх потери.

Когда люди расстаются, самое трудное – это не расставание с другим человеком, а потеря того, кем мы были для другого, потеря не только любви, которую давал объект, но и любви, которую мы давали ему.

Если происходит резкое жестокое расставание, страдания оказываются невыносимыми, потому что мы проецировали в другого человека все лучшее, что в нас есть, и, отделяясь от нас, этот человек отрывает часть нашей души, часть нашей плоти.

Расставание переживается на уровне ощущения себя как разрыв в личности. Хуже того, это похоже на желание смерти со стороны другого человека. Другой занял место собственного Я субъекта. Потерять другого – значит потерять себя. Именно это отличает сепарацию от разрыва.

Опера подчеркивает асимметрию женской или мужской позиции при разрыве, когда объект бросает и уходит.

Дон Хозе кричит Кармен: «Если ты меня бросишь, я тебя убью!»

И мадам Баттерфляй говорит возлюбленному: «Если ты меня бросишь, я покончу с собой».

Брошенный мужчина убивает объект, обычно в фантазиях, в то время как брошенная женщина сама превращается в потерянный объект. Она берет на себя вину за разрыв.

Любовь и ненависть в страсти

В наши дни движущая сила влечений приписывается исключительно деструктивности. Про насильника, сексуального убийцу или педофила говорят, что у него были «влечения».

Насилие – это не только ненависть или деструктивность. Из-за переплетения, связывания влечений сексуальные отношения требуют столько же насилия и даже жестокости, сколько желаний или нежности.

Искоренение аспекта агрессии и трансгрессии из сексуального акта имеет пагубные, а иногда и катастрофические последствия для сексуальности. Сексуальное желание всегда жестоко, как для объекта, на который оно направлено, так и для человека, испытывающего его.

Деструктивность проявляется, когда связь превращается в смертельное поглощение другого, когда тот, кто претендует на любовь, становится архаическим пожирающим объектом. В страсти реализуются разрушительные или саморазрушительные тенденции. Ведь когда сепарация невозможна, невозможна и связь.

В этом случае сексуальная жизнь регрессивно вписывается в возвращение во времена первичных отношений. Эмоциональная перверсия находит здесь свое поле для маневра и прописывает все свои сценарии. Некоторые женщины не могут отделиться от мужчины, который их не любит или который их разрушает.

В опыте «потери себя в другом» действует влечение к смерти. Из всех форм любви страсть – это то, в чем влечение к смерти слышится громче всего.

Любая любовная страсть содержит в себе ядро деструктивности и смерти. Это проявляется в двух аспектах: контроль над другим и самопожертвование. Страсть также является саморазрушительной. Чувство вины сметается интенсивностью страсти.

Неспособность любить

Существует и другая, гораздо более серьезная проблема – неспособность любить, привязываться и принимать инаковость другого.

Как отмечает Фрейд в работе «Влечения и их судьбы», «ненависть, смешанная с любовью, возникает отчасти на предварительных стадиях любви... Любовь и ненависть, взятые вместе, противоположны состоянию безразличия».

Самое невыносимое проявление нелюбви – это безразличие. Дезинвестирование, как и дезобъективизация, – это своего рода угасание, которое служит питательной средой для влечения к смерти.

Опыт любви также можно рассматривать как путь инициации. Она заставляет нас пересечь физические и психологические границы Я, к которым у нас не было доступа, и помогает нам вновь соединиться с источниками нашего существования как субъектов, найти связь с другими и с самим собой, воссоздать себя, вновь обрести себя в любви и признании другого. Этот опыт похож на опыт переноса в кадре психоаналитического лечения.

Заключение

Анализ пытается ослабить повторение, уменьшить зависимость от имago, от внутренних захватывающих объектов. Но можно ли стать полностью независимым от своих первичных объектов, следов, оставленных ими, их идентификационной поддержки?

В этом можно усомниться. И, кроме того, желательно ли это?

Богатство влечений питается за счет инфантильной сексуальности, инфантилизма сексуальности, игр инвестирования и идентификаций, инфантильных сексуальных теорий.

Разве независимость не заключается в том, чтобы иметь возможность сказать себе: «Я не виновен и не жертва, но я несу ответственность за свои влечения и за все, что со мной происходит, – это моих рук дело».

Love and guilt

Jacqueline Schaeffer

(Translation from French: O. V. Chekunkova)

Jacqueline Schaeffer, psychoanalyst, full-time member of the International Psychoanalytic Association (IPA), titular member of the Paris Psychoanalytic Society (SPP), training analyst of SPP, winner of the Maurice Bouve Psychoanalytic Prize (1987).

Summary: In this article, the author reflects on the causes of guilt in object relations, examining this phenomenon from a metapsychological perspective. The article presents the author's ideas regarding the origins of various manifestations of guilt, including: narcissistic guilt, guilt in love by reference type of object choice, guilt due to hatred associated with addiction, guilt due to the destructive aspects of love passion, guilt due to falling in love and identification with the object of love, including counter-identification with the oedipal object, the source of envy and competition, guilt due to hatred of separation and acceptance of the otherness of the object.

Keywords: guilt, narcissistic guilt, object selection, narcissistic object selection, reference type object selection, narcissistic identification, hysterical identification, counteridentification.

КВАНТОВЫЙ ПСИХОАНАЛИЗ

Новое прочтение классического кейса З. Фрейда: квантовый подход к анализу маленького Ганса¹

А. В. Россохин

Россохин Андрей Владимирович – титулярный член Парижского психоаналитического общества (SPP), доктор психологических наук, профессор, зав. кафедрой психоанализа и бизнес-консультирования НИУ ВШЭ, руководитель магистерских программ «Психоанализ и психоаналитическая психотерапия» и «Психоанализ и психоаналитическое бизнес-консультирование» НИУ ВШЭ, действительный член Международной психоаналитической ассоциации (IPA), президент Московской психоаналитической ассоциации (МПА), почетный президент Ассоциации психоаналитического коучинга и бизнес-консультирования (APCBC), главный редактор Журнала клинического и прикладного психоанализа.

Автор применяет квантовый подход к исследованию психоаналитического процесса для изучения случаев маленького Ганса и Человека-Волка. Мы можем наблюдать, что множество различных психических сцен разворачиваются одновременно на разных уровнях идентификации. В обоих случаях пациенты, несмотря на различную патологию, демонстрируют амбивалентную идентичность, одновременно классически-линейную и квантово-волнообразную. Идентификации при этом развиваются не одна за другой согласно линейному времени, но сосуществуют в нелинейной, волнообразной временности.

Ключевые слова: идентификация, идентичность, маленький Ганс, Человек-Волк, квантовый подход.

¹ Материал статьи был представлен на 84-м Конгрессе франкоязычных психоаналитиков (Париж, 2024) и сначала был опубликован на французском языке, см.: Rossokhin A. V. Le petit Hans et ses identifications cachées // Revue française de psychanalyse. 2024. No. 88. P. 357–362.

Исследуя два типа идентификации – транзитивную и рефлексивную, которые происходят на эдиповом уровне, Клод Баразе задается вопросом: не является ли это «тем же процессом, что лежит в основе "тотемной трапезы"?» (Баразе, 2024, с. 145). В этом вопросе, который он оставляет открытым, проявляется игра идентификации на архаическом уровне – тема, поднятая Фрейдом в случае маленького Ганса, а также в связи с Человеком-Волком.

Я вернусь к этим двум случаям, чтобы исследовать игру идентификации в архаической сцене. Материал, связанный со страхом быть укушенным лошадью, появляется уже на первых страницах эссе Фрейда «*Анализ фобии пятилетнего мальчика*». Первая реакция Ганса, которому было три с половиной года при рождении его младшей сестры, напрямую связана с зубами, которые могут кусать. «*Но у нее еще нет зубов*» (Фрейд, 1909b/1998, с. 9), говорит он насмешливо, как бы выражая желание отменить новорожденного. Тем не менее для Ганса важно иметь зубы, в отличие от его сестры, которая их лишена. Не указывает ли это на начало идентификации с объектом, способным кусать – кусание как первый этап возможного процесса пожирания, – одновременно с проекцией на лошадь своего желания пожирать? Все это развивает страх быть укушенным?

В связи с окончанием пятого месяца беременности матери Ганс рассказывает о своей фантазии пребывания в «*ящичке*» – материнской утробе, по мнению Фрейда – вместе с сестрой, чей невероятный аппетит он описывает так: «*Ей дали бутерброд с маслом, селедку и хрен (ужин в Гмундене), и, пока Ханна путешествовала, она намазала маслом свой бутерброд и ела 50 раз*». И добавляет: «*Я и Ханна даже путешествовали в ящичке, я спал в ящичке всю ночь... Мы тоже ели все время... Это был праздник*» (Там же, с. 68). Таким образом, в отличие от своей первой реакции, он приписывает зубы своей еще не родившейся сестре и идентифицирует себя с ней, чтобы также оказаться в утробе матери. В этом фантазме о пожирании его прожорливая сестра, которой он завидует, имеет доступ к материнской пище *ad libitum*... Не является ли эта идентификационная игра с сестрой фантазмом о пожирании, в котором он стремится инкорпорировать мать, чтобы она принадлежала ему?

Кроме того, эта сестра с ненасытным аппетитом использовала для своего обеда нож, который она оставляет в материнской утробе: «*Она оставила их в ящичке, листья двух хренов и нож, чтобы резать хрен*» (Там же). Этот объект позже становится центральным элементом, когда Ганс играет с резиновой куклой. Он рассказывает об этом своему отцу и дает свою версию событий: «*Я раздвинул ей ноги, знаешь почему? Потому что внутри был нож, который был маминым. Я положил его туда, где пицал пупок, а потом раздвинул ноги, и он выпал*» (Там же, с. 75). Этот материнский нож, являющийся одной из репрезентаций, одним из инструментов фантазма о пожирании, заставляет Ганса вообразить историю о курице и яйце, которая разворачивается в примитивной орально-каннибалистической сцене.

Фрейд описывает фантазии Ганса, связанные с представлением мальчика о родах. Сначала он утверждает, что его отец «*снес яйцо в траве,*

и вдруг из него вылупилась маленькая курочка»; затем он сразу же поправляет себя: «Но я уже однажды снес яйцо, и тогда вылупилась маленькая курочка»; он снова меняет свою историю: «Я лег в траву, нет, встал на колени»... «Я снес яйцо»... «Дети нашли его... Они посмотрели и вдруг увидели яйцо, и вдруг появился маленький Ганс». Он сразу же спрашивает отца: «Папа, когда из яйца вылупляется маленькая курочка? Когда его оставляют там? Нужно ли его съесть?» (Там же, с. 76). Эта безличная фраза следует за фантазией, в которой он играет роль матери и ребенка. Но в вопросе «Нужно ли его съесть?» также проявляется бессознательное желание Ганса съесть это яйцо, пожирая таким образом и мать, и себя, чтобы найти их в своем собственном животе. Это сделает его матерью. Только так он сможет идентифицироваться с ней и с ее способностью рожать, которая вызывает у него сильную зависть.

Что касается отцовской роли, Ганс присваивает ее себе, сам снося яйцо. Однако он сомневается в своей способности идентифицироваться как с отцом, так и с матерью. В обоих случаях он должен получить разрешение отца: «Нужно ли его съесть?» Идентифицируясь здесь с отцовской функцией, которая отделяет ребенка от матери, ищет ли Ганс защиты отца от страха быть проглоченным материнским объектом? С другой стороны, желая съесть это яйцо, чтобы стать матерью, он как бы просит у него разрешения.

Эта сложная игра идентификаций, которая происходит главным образом в эдиповых и доэдиповых сценах, продолжается в другом эпизоде, где Ганс снова выражает фантазм о пожирании. Он «так хочет иметь детей» (Там же, с. 83), но он также знает, что он сам ребенок. Тогда Ганс воображает, что он сам мать, которая рождает девочек и мальчиков. Они носят имена реальных детей, которых он знает, за исключением одной маленькой девочки, которую он выделяет: она вымышленная и зовется Лоди. Ее имя происходит от слова, обозначающего его любимую еду «саффалоди», потому что он «так любит есть колбасу, салями тоже». Эта «саффалоди» ассоциируется с «лумпфом», который он испражняет в горшок, представляя, что у него есть ребенок. На вопрос отца: «Но от кого ты получил этих детей?» – Ганс отвечает: «Ну от меня» (Там же). Таким образом, мы можем также наблюдать здесь фантазм о первосцене, где, стремясь идентифицироваться с обоими родителями, маленький Ганс играет как отцовскую, так и материнскую роль. На самом деле он не знает, откуда он взял имя Лоди, хотя считает, что «это красивое имя» (Там же, с. 84). У нее «черные глаза, черные волосы» (Там же, с. 83). Этот образ, уточненный Гансом, отсылает нас одновременно к «черноте», которая пугает его вокруг глаз и рта лошади, к черному цвету лошади, которая упала, к черному лумпфу и также к черным штанам матери, на которую Лоди кажется похожей.

Ассоциативная связь имени вымышленного ребенка Лоди с саффалоди, которую Ганс так любит «есть», возвращает нас к фантазму о пожирании, который мы исследовали ранее. Фрейд ссылается на немецкого художника Гейне: «Одна странная идея, на первый взгляд сбивающая с толку, гениального рисовальщика Т. Т. Гейне – изображающая на странице

Simplicissimus ребенка мясника, который падает в колбасную машину и, превратившись в маленькие колбаски, затем оплакивается и благословляется родителями и улетает на небо, – находит свое объяснение благодаря эпизоду с Лоди в нашем анализе, в инфантильных фантазиях» (Там же, с. 115). В отличие от рисунка Гейне, маленький Ганс также прибегает к фантазии превращения ребенка в колбасу, но не для того, чтобы оплакивать его, а чтобы съесть этого «ребенка-колбасу», – чтобы вновь обрести его в своем животе и затем, став материнским объектом, родить его.

Ганс не может удовлетвориться идентификацией с матерью в эдиповой сцене и фантазийным использованием реальных детей в качестве своих собственных, так как это слишком противоречит реальности. Поэтому он придумывает своего любимого ребенка, Лоди, которого он съедает в виде своей любимой салями. Таким образом Лоди окончательно оказывается в его животе, и первичная материнская идентификация становится устойчивой к испытанию реальностью. В то же время Ганс идентифицируется с Лоди, так как после рождения только маленький Ганс должен появиться на свет и никто другой – ни его сестра, ни другие дети, как в примере с яйцом.

В своих различных работах (Россохин, 2010; 2020), посвященных разработке квантового подхода к психоаналитическому процессу, я показал, что квантовый взгляд подчеркивает одновременное существование бесконечного множества нелинейных и многомерных сцен во внутреннем пространстве человека.

Представим, что перед нами не одна трехмерная театральная сцена, а бесконечное число таких сцен, расположенных на разном расстоянии от главной. На каждой сцене идет свой спектакль, и он никогда не прекращается, а длится в соответствии со своим сценарием и своим собственным временем. Тогда наиболее ярко освещенная, расположенная на переднем плане привычная для нас классическая пьеса будет представлять собой только одну, хотя и наиболее вероятную, возможность.

Одновременно с этой классической сценой освещенность (прожектор сознания) позволит нам наблюдать за происходящим лишь на некоторых из бесчисленного числа квантовых сцен. Они различаются не только своими сюжетами, персонажами, героями и декорациями, но и степенью освещенности различных частей сцены, наличием на них собственного времени, которое не совпадает с линейным временем внешнего мира.

Остальные сцены с происходящими на них психическими постановками будут постепенно погружаться в темноту. На некоторых из них мы еще можем что-то увидеть, о чем-то догадаться. На других будут видны лишь очертания персонажей. Но все остальное окажется полностью скрыто в бессознательном.

Этот квантовый подход кажется мне особенно подходящим для изучения и другого классического случая Фрейда, Человека-Волка, где также наблюдаются несколько уровней идентификации. На архаическом уровне маленький Сергей идентифицируется с Няней, которая является очень важным материнским объектом в бессознательном ребенка. В сцене

соблазнения его сестра рассказывает «ужасные вещи» (Фрейд, 1918b [1914]/1988, с. 18) своему маленькому брату, где Няня ставит садовника на голову и берет его гениталии в рот. Сестра добавляет, что она делает то же самое «со всеми» (Фрейд, 1918b [1914]/1988, с. 17).

В своих статьях о Человеке-Волке (Россохин, 2021a; 2021b) я показал, что это не могло не породить множество фантазий в бессознательном маленького мальчика. Эта сцена с Няней и садовником является проявлением фантазма о первоцене, который также разыгрывается на нескольких уровнях: архаическом, доэдиповом и эдиповом. Слушая свою сестру, маленький мальчик идентифицируется не только с садовником, но и с самой Няней. Мы наблюдаем тогда два идентификационных движения у Сергея Панкеева на архаическом уровне. В одном он идентифицируется с отцом, матерью и сестрой, которых пожирает Няня, так как она пожирает «всех». В другом он одновременно идентифицируется с объектом, который был съеден, и с объектом, который пожирает, то есть с Няней-Волком.

Это психическое движение также обнаруживается и в истории маленького Ганса, где последний идентифицируется с пожирающим материнским объектом, когда он ест салями. В своей бессознательной фантазии именно после этого пожирания он и получает маленькую девочку, Лоди. Мы можем связать этот эпизод с эпизодом с яйцами, где Ганс оказывается внутри яйца – как объект пожирания, – одновременно являясь объектом, который пожирает, когда он спрашивает отца: «Нужно ли его съесть?»

Анализируя случай маленького Ганса, Фрейд отмечает: «У Ганса [...] идет процесс вытеснения, который касается почти всех компонентов эдипова комплекса» (Фрейд, 1926d [1925]/1992, с. 224). В отличие от этого, в случае Сергея Панкеева тревога, которую он испытывает от страха быть съеденным, относится скорее к области оральной регрессии, связанной с отрицанием и расщеплением Я.

Исследуя эти два случая, мы можем увидеть, что различные психические сцены сосуществуют в бессознательном на разных уровнях и что одновременно на них разыгрываются различные идентификации. Они не следуют друг за другом в линейном времени, но сосуществуют в нелинейной, волнообразной временности. Используя квантовый подход для исследования игры идентификаций на различных психических сценах маленького Ганса, мы наблюдаем на некоторых из них материал, указывающий также на существование примитивных архаических тревог, которые реактивируются, так как они все еще присутствуют и не переработаны.

В заключение

Можно поразиться множеству репрезентаций, принадлежащих к самым разным психическим уровням, которые несет в себе образ лошади у маленького Ганса. В нем можно обнаружить эдипова отца, эдипову мать, фаллическую мать, объект, который пожирает, и объект, который пожирается в фантазме о пожирании, а также репрезентации фантазма о первоцене. В одной из моих предыдущих статей (Россохин, 2020), где я применил

квантовый подход, исследовалась игра идентификации между аналитиком и пациентом. Я показал, что идентичность обладает амбивалентной природой, одновременно классически-линейной и квантово-волнообразной.

Аналогично мы можем предположить, что идентичность имеющих разные патологии знаменитых пациентов Фрейда, маленького Ганса и Человека-Волка, столь же амбивалентна, одновременно классически-линейная и квантово-волнообразная. В каждый момент, когда мы наблюдаем материал, связанный с процессом идентификации, на конкретной психической сцене, например на эдиповом или доэдиповом уровнях, мы также можем обнаружить множество других психических сцен, материал которых более скрыто разворачивается одновременно с ясно видимой сценой.

A new view at the classic case of Z. Freud: a quantum approach to the little Hans analysis

A. V. Rossokhin

Rossokhin Andrey V., Titular member of the Paris Psychoanalytical Society (SPP), Doctor of Science in Psychology, Professor, Head of the Department of Psychoanalysis and Business Consulting at the National Research University "Higher School of Economics", Head of the Master's Programs "Psychoanalysis and Psychoanalytical Psychotherapy" and "Psychoanalysis and Psychoanalytical Business Consulting", member of the International Psychoanalytical Association (IPA), President of the Moscow Psychoanalytical Association (MPA), Honorary President of the Association of Psychoanalytic Coaching and Business Consulting (APCBC), Editor-in-Chief of the Journal of Clinical and Applied Psychoanalysis the Association of Psychoanalytic Coaching and Business Consulting (APCBC).*

The author applies a quantum approach to the study of the psychoanalytic process to examine the cases of Little Hans and the Wolf Man. We can observe that multiple different psychic scenes unfold simultaneously at various levels of identification. In both cases, the patients, despite their differing pathologies, exhibit an ambivalent identity, simultaneously classical-linear and quantum-wave-like. Identifications do not develop one after another according to linear time but coexist in a nonlinear, wave-like temporality.

Keywords: identification, identity, Little Hans, Wolf Man, quantum approach.

* Doctor of Sciences – a post-doctoral degree called Doctor of Sciences is given to reflect second advanced research qualifications or higher doctorates in ISCED 2011.

ПСИХОАНАЛИЗ ПОДРОСТКОВОГО ВОЗРАСТА

Объект, другой – выбор объекта в подростковом возрасте

Руджеро Леви

(Пер. с фр.: О. В. Чекунова)

Руджеро Леви – бразильский психоаналитик, психиатр, тренинг-аналитик SPPA («Психоаналитическое общество Порто-Алегре»), глава комитета по координации рабочих групп Международной психоаналитической ассоциации (IPA).

В данной статье рассматривается выбор объекта в подростковом возрасте, в частности с точки зрения теории объектных отношений. Автор рассматривает вклад таких авторов, как Кляйн, Бион, Винникотт и Мельцер, в тему роли и функций объекта в развитии субъекта. В данной статье используется клинический случай, иллюстрирующий нарциссические убежища, которые могут возникать в подростковом возрасте и которые, согласно теории клауструма Мельцера, рассматриваются как защита от примитивных тревог, возникающих в этот период. Клинический пример показывает, как в конце аналитического процесса возникает фантазия покинуть замкнутое пространство, «уйти из монастыря», для того чтобы совершить более творческие идентификации с первичными объектами.

Ключевые слова: выбор объекта; подростковый возраст, интрузивная проективная идентификация; психоаналитическая техника при работе с подростками.

Чтобы говорить о каком-либо понятии в психоанализе, его необходимо поместить в метапсихологический контекст, но это не относится к понятию объекта, которое сильно менялось на протяжении всей истории психоанализа. По причине недостатка времени и места я не буду подробно рассматривать всю эволюцию этого понятия, но приглашаю вас ознакомиться с моей работой под названием «От тени объекта к эстетическому объекту», опубликованной в 2014 году.

В книге «Живой мир сновидения» (*Le monde vivant du rêve*, 1984/1995) Дональд Мельтцер рассматривает вклад Кляйн и Биона в психоаналитическую метапсихологию. В дополнение к четырем классическим метапсихологическим измерениям, обозначенным Фрейдом, – генетическому, динамическому, топографическому и экономическому, – Мелани Кляйн вводит географическое измерение, а Блон – эпистемологическое.

Благодаря вкладу этих двух английских авторов анализ психического события выходит за рамки классических измерений: необходимо понять географию явления, увидеть, находится ли оно во внутреннем мире субъекта или спроецировано на объект; но также необходимо понять его с точки зрения знания (связь К), понять, служит ли оно для познания психической реальности субъекта или объекта или же его функция заключается в том, чтобы препятствовать этому познанию.

Я думаю, что Винникотт располагается на стороне географического измерения, поскольку он определяет новое пространство. Он говорит не о психических явлениях, происходящих исключительно во внутреннем пространстве субъекта и/или объекта, а о том, что происходит между ними, в известном всем промежуточном, или переходном, пространстве.

Таким образом, понятие объекта и его функции варьируется в зависимости от теоретического подхода. Мелани Кляйн определила несколько типов фантазмов, присущих объектным отношениям с различными типами объектов: хороший, плохой, идеализированный, преследующий, разрушенный, восстановленный, контролируемый маниакальными защитами и так далее. Блон описал невозможность субъективации вне связи, вне объектных отношений с контейнирующим объектом, который выполняет структурирующие функции в психическом пространстве субъекта, без которых в психике субъекта не развиваются основные функции, такие как символическая функция, так называемая альфа-функция. В работах Биона (1962, 1963, 1965, 1970) подчеркивается процесс познания «истины» эмоций, переживаемых в человеческих отношениях, во встречах с другим, где эмоции являются связующим элементом, в то время как Винникотт также подчеркивал основные функции в процессе субъективации – триаду «холдинг – хэндлинг – предъявление объекта».

Я считаю, что Мельтцер внес решающий и блестящий вклад в понимание функций объекта в субъективации субъекта, описав эстетический конфликт и эстетический объект.

Позвольте мне теперь перейти к интересующей нас сегодня теме – вопросу объектных отношений в подростковом возрасте. Каков выбор объекта в подростковом возрасте? Как другой вмещивается в этот процесс своим взглядом?

Учитывая, что человеческий субъект по сути своей символичен (*Cassirer*, 1964), подростковый процесс включает в себя конструирование новой субъективности для учета нового опыта субъекта. Этот новый процесс субъективации представляет собой развязывание прежних систем репрезентаций, построенных Я (*Cahn*, 1999) на протяжении всего детства, и создание новой системы репрезентаций, способной учитывать новое тело, Я в себе, объекты и мир. В ходе этого мучительного процесса

деконструкции и реконструкции системы репрезентаций в символической вселенной субъекта возникает новая субъективность со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Процесс полового созревания сталкивает подростка с тревожащим незнакомцем (Cahn, 1999), репрезентацию которого необходимо создать внутри, чтобы воссоздать ощущение знания себя. Согласно Пьере Оланье (Castoriadis-Aulagnier, 1975), символизировать означает сделать однородными чужое тело и данную систему репрезентаций. Чужое тело, о котором я здесь говорю, очевидно, трактуется двояко: это чужеродный элемент, который должен быть ассимилирован, и биологическое тело, чуждое субъекту.

Это явление разрушает привычное равновесие, поскольку тревожащий незнакомец не знаком не только самому субъекту, но и окружающим. В результате удивленные взгляды окружающих еще больше усиливают ощущение чуждости, столь характерное для этого этапа жизни. По мнению Кан (1999), именно это ощущение чуждости, испытываемое самим собой и другими, определяет глубину и специфику присущих подростковому возрасту психических трансформаций. А поскольку происходит реорганизация системы репрезентаций Я и объектов, разрушение одной системы и восстановление другой, то помимо чувства странности возникает глубокий страх уничтожения и, очень часто, ощущение неминуемой смерти. Самость чувствует угрозу, исходящую от символической конструкции.

Другими словами, тревоги, связанные со смертью или распадом самости, занимают важное место наряду с тревогами, которые уже изучались в подростковом возрасте: эдипальными тревогами, депрессивными и параноидными тревогами (Aberastury, 1971; Bronstein, 2008), конфузионными тревогами (Meltzer, 1972) и сепарационными тревогами (Blos, 1981).

В отличие от эротического тела детства, появление сексуализированного тела, способного совершить инцест, приводит подростка к поиску новых объектов. Первоначально это касается собственного тела подростка, которое используется для реализации функции по реорганизации влечений – от аутоэротизма к объектной любви. И на фоне этой нарциссической регрессии активизируется деструктивность. Частые атаки на кожу, от пирсинга до самоповреждений, показывают, насколько перестройка телесных инвестиций также отмечена деструктивностью и агрессией. Обряды инициации в подростковом возрасте, как правило, подвергают риску физическую интеграцию и заставляют молодого человека расплачиваться собственным телом. В этом смысле ритуалы, существующие в культуре, присоединяются к психическим трансформациям подростка и помогают их организовать.

Однако для того, чтобы защититься от тревог, связанных с распадом самости, конфликтами между ее аспектами и противоречивыми идентификациями, обусловленными инфантильной сексуальностью, которые еще не интегрировались в личность, подростки используют проективную идентификацию особым образом. С помощью проекции они идентифицируют те части Я, которые вызывают тревогу, в объектах и вступают

с ними в особые отношения: либо объекты временно «несут в себе» части субъекта, либо субъект «присваивает» себе идентичность объекта из желания быть, существовать и облегчить тревогу, связанную с уничтожением Я. Можно сказать, что подростки обычно проходят период использования более или менее переходных идентификаций с объектами, с которыми они вступают в отношения.

В своей книге «Клауструм» (*Le claustrum*) Мельтцер (1992) описывает последствия воздействия фантазма вторжения на психику. Он различает проективную идентификацию, которая имеет более адаптивные и коммуникативные цели, и интрузивную проективную идентификацию, которую труднее обратить вспять. В фантазме субъект вторгается в объект, захватывает его, «присваивает» его, и это пространство становится не контейнером, а клауструмом, который заключает его в тюрьму. Когда в функционировании Я доминирует фантазм внедрения, все чувство идентичности индивида оказывается под угрозой.

Применительно к подросткам автор пишет, что образ клауструма подсвечивает эти изменения в чувстве идентичности, позволяя им осознать, что они не такие, как раньше; их психические качества изменились и они изменились по отношению к миру, в котором живут (*Meltzer, 1992, p. 147*).

Фантазматическое вторжение в объект и обитание в зоне тела, по видимому, занимает центральное место в психопатологии подростков, для которых зональная и объектная путаница особенно важны в силу эволюционного процесса.

Но давайте теперь обратимся к клинической виньетке.

Клиническая виньетка: Ирис и «большой босс»

Наша встреча произвела на меня неизгладимое впечатление: Ирис, высокая брюнетка с растрепанными волосами, была одета во все черное, обута в грубые черные сапоги, ее лицо частично закрывали волосы, а в глазах при ближайшем рассмотрении затаилась какая-то тень. Она явно пыталась повлиять на меня своим нигилизмом. Она задавала мне вопросы о смысле жизни, о целесообразности существования в обществе, что навело меня на мысль об идеализации путаницы с симулякрами творческой мысли. Она также идеализировала божественный образ жизни, быть наполовину бродягой, не выполняющей жизненные задачи «буржуазных» девушек. Страх, который я ощутил в контрпереносе, подсказал мне, что помимо истерического намерения вызвать у меня реакцию изумления – что заставляло ее чувствовать себя реальной и присутствующей, – существовал и реальный риск саморазрушения. Она гуляла со своим парнем ночью в районах, кишящих проститутками, шпаной и бомжами, употребляла дорогие, но опасные для жизни наркотики.

В начале встречи она рассказала мне о своей растерянности: в глубине души она не знала, хочет ли она учиться, хочет ли продолжать отношения со своим парнем или хочет быть лесбиянкой, хочет ли продолжать общаться с друзьями, которые у нее были до этого момента, или присоединиться к более опасной компании старшеклассников, в которую ее

звали. Мне было ясно, что перед лицом ее дезориентации темное, негативное представляло собой облегчение, потому что тогда появлялось хоть что-то. Это была попытка избавиться от путаницы, вызванной незнанием того, кем она на самом деле является. В то время я пыталась понять, какие тревоги она ощущала и как она защищалась от них. Она защищалась от ощущения нереальности, создавая реакции других людей на свою внешность или свои бессмысленные комментарии. Другими словами, она появлялась и говорила что-то, а когда другой человек реагировал, она убеждалась, что это реально, что это есть, что это факт.

Она начала рассказывать мне о своих приключениях с подругой, своим двойником, которая была безумной. Вместе с Карлой, ровесницей Ирис, дочерью наркоманов, которые интенсивно употребляли наркотики, причем не только марихуану, но и стимулирующие таблетки и алкоголь, они вместе совершали всякие мелкие нарушения правил в школе. Мы начали анализировать чувства одиночества, покинутости и ненависти у Карлы, двойника Ирис, персонажа в нашем промежуточном аналитическом пространстве. Другими словами, мы исследовали эту подругу – и я понял, что это был диссоциированный аспект ее личности – все те чувства Ирис, которые в то время были диссоциированы и проецировались вовне.

Я думал, что должен сохранять спокойствие и, вспоминая Биона, уметь идти впереди военной колесницы, которой угрожает вражеский огонь, защищенный сзади решетчатым ограждением, контейнирующим и трансформирующим тревоги. Я смотрел на Ирис, спрятавшуюся в нарциссическом убежище, переполненную ощущением всемогущества и деструктивностью, которое, с одной стороны, создавало ей ощущение надежной идентичности, негативной, но идентичности, а с другой – угрожало ее целостности. Я должен был войти в это убежище вместе с ней, описать его в деталях, понять его на основе нашего опыта на сессии, помочь ей выбраться из этого мира симулякров, в котором она была заточена. Она жила в этом мире, в который погрузилась, как в тюрьме, много раз она испытывала глубокое чувство нереальности, ощущала себя далекой от всего и всех, отсутствующей. Иногда она бессвязно рассуждала о реальности и фантазии. В другое время она с мукой рассказывала мне, что люди разговаривают с ней, а она чувствует себя далекой, отстраненной и ей приходится делать мимические движения, чтобы собеседнику казалось, будто она следит за тем, что он говорит. Я вспомнил, как Мельтцер описывал мир проективной идентификации. Я пытался успокоить ее и объяснял, что это произошло потому, что она замкнулась в себе, искала себя и отделилась от других. В другие моменты мне удавалось показать ей, что она стала слишком похожа на Карлу и больше не чувствует себя самой собой.

Но я сразу перейду к сну, полусну, полудневному сну, довольно творческому, который Ирис передала мне в конце своего анализа, который приснился ей недавно, в виде текста.

«Мне приснилось, что я нахожусь в каком-то лабиринте, темном, грязном, с капающей водой. Это было похоже на подвал заброшенного здания, полный бездомных людей, как в фильме о Бэтмене, который я недавно смотрела. И, как в фильме, вдалеке слышалась музыка, которая звучала

как некий культ, поклонение владыке подземного мира. Внезапно я обнаружила, что стою перед направленной на меня канализационной трубой. Я знала, что оттуда может быть выпущена какая-то пуля. Я была в ужасе и могла только смотреть на черную дыру этой трубы. И я поняла, что это его работа, работа тех, кто его окружает. Этот сукин сын, возомнивший себя всемогущим в этом подземелье, управлял жизнями всех, развращал всех, политиков, полицию, всех. Я пробиралась по туннелям лабиринта и вдруг наткнулась на него. Он пытался убить меня. Как и в фильме, он пытался меня задушить.

Не знаю как, но мне удалось сбежать и скрыться в лабиринтах. Я продолжала пробираться и пришла к своего рода командному центру, центральному узлу, откуда он творил все свои делишки. Из этого подземного хода он управлял городом и жизнями всех людей. Я поняла, что это сердце всего, сердце этого дерьма. Тогда я поняла, что нужно сделать, чтобы покончить с его властью и с ним самим. Я вылепила из этого дерьма куклу из глины, почти натурального размера, меньше меня. Я превратила большого босса, который управлял жизнью всего города из подземного мира, в инертную глиняную статую. Невероятным было то, что все замолчали и музыка прекратилась.

Я ушла и отправилась домой, но совесть моя была чиста. Но странное дело: несмотря на то что я закончила, я была спокойна, думаю, от ощущения, что сделала то, что должно было быть сделано».

Я думаю, этот сон говорит сам за себя. Он иллюстрирует анальную и смертоносную среду, в которой жила Ирис, ее подчинение «большому боссу», главе ректальной обители, но прежде всего ее бунт против этого извращенного, властного и жестокого объекта, который завладел частью ее Я. Под угрозой смерти она отправляется в самую сердцевину монстра, в «командный центр», и кладет конец ему и его власти. С точки зрения эдиповых тревог, можно также сказать, что ей нужно было «убить» своего жестокого, властного отца детства, который, вместо того чтобы соблазнить ее к жизни, душил ее... «Убить» его было способом выжить и развить свой творческий потенциал.

Но, пожалуй, самым значимым является то, как она кладет конец его власти и господству: она превращает его в глиняную репрезентацию! И, что примечательно (как подсказала мне коллега и друг Клаудиа де Карли), глина, когда она влажная, мягкая, податливая, подвержена последовательным трансформациям, которые, возможно, говорят сами за себя: старая система репрезентаций воссоздается в более гибких формах. Другими словами, в той мере, в какой в ходе анализа она смогла создать репрезентации об этой тюрьме, которые заставили ее вести себя конкретно в соответствии с этим начальником и запутаться в своей идентичности, она может выйти из нее и увидеть «большого босса» как глиняную репрезентацию. В той мере, в какой она способна его олицетворять, злой вождь, кажется, не только утратил свою силу и власть, но и может восприниматься как нечто меньшее, менее грандиозное и менее величественное. Очевидно, что ирония, сарказм и определенное маниакальное настроение помогают ей в противостоянии с этим жестоким и смертоносным

отцовским внутренним объектом, в котором она была заключена, ее дилеммой совести, но и отпущением грехов в том смысле, что ничего не поделаешь: чтобы выжить, она должна «убить» разрушительного отца и отождествиться с его творческими объектами.

Что ж, думаю, я проиллюстрировал, как я понимаю выбор и использование объектов в подростковом возрасте. Я не считаю возможным, за неимением времени, комментировать насыщенный сон, который Ирис подарила мне в конце своего анализа, когда я имел счастье видеть, как она поднимает занавес из волос, закрывающий ее лицо, покидает темный мир, в котором она укрылась в поисках себя, и постепенно восстанавливает образ себя, основанный на ее самом творческом потенциале, хотя полисемия этой символической продукции все еще может предполагать большое расширение ее значения. Например, как только путаница с жестоким объектом будет устранена и ею перестанет руководить «большой босс», она сможет сама определять свою судьбу в соответствии с желаниями своего истинного Я. Мне же оставалось только сопротивляться давлению «большого босса» и вести ее по своим «аналитическим лабиринтам». В наших отношениях мне пришлось создать с ней несколько «глиняных репрезентаций», чтобы помочь ей выбраться из подземного мира, в котором она была заперта.

The object, the other – the choice of object in adolescence

Ruggero Levy

(Translation from French: O. V. Chekunkova)

Ruggero Levy, a Brazilian psychoanalyst, psychiatrist, SPPA («Sociedade Psicanalítica de Porto Alegre») training analyst, and head of the International Psychoanalytic Association (IPA) Working Group Coordination Committee.

This article examines object choice in adolescence, particularly from the perspective of object relations theory. The author reviews the contributions of authors such as Klein, Bion, Winnicott, and Meltzer on the topic of the role and function of the object in the development of the subject. This paper uses a clinical case to illustrate the narcissistic refuges that can occur during adolescence, based on Meltzer's theory of claustrum, which is seen as a defence against the primitive anxieties that arise during this period. The clinical example shows how at the end of the analytic process a fantasy arises of leaving the enclosed space, of 'leaving the monastery' in order to make more creative identifications with primary objects.

Keywords: object selection; adolescence; intrusive projective identification; psychoanalytic technique in working with adolescents.

ПСИХОАНАЛИЗ И ПСИХОПАТОЛОГИЯ

Психическое отчуждение: последствия у детей и взрослых

Ф. Де Маззи

(Пер. с ит.: Р. Ф. Сахле)

Франко Де Маззи – психоаналитик, психиатр, действительный член Итальянского психоаналитического общества, бывший секретарь миланского отделения Национального психоаналитического института и президент Миланского центра психоанализа.

В этой работе я пытаюсь дать определение концепции психического отчуждения, особенно выделяя инфантильное психическое отчуждение. В первой части я развиваю свою гипотезу о том, что инфантильное психическое отчуждение, которое отделяет ребенка от мира отношений, вызывает психическое состояние воображаемо-чувственного типа, которое во взрослом возрасте может привести к психическому отчуждению психотического характера. Инфантильное отчуждение отличается от расстройства аутистического спектра, которое развивается иначе и идет иными путями. Во второй части работы я кратко описываю длительный анализ психотического пациента, жившего в инфантильном отчуждении долгое время. Постоянная работа над его особым способом создания диссоциированной реальности (чувственной в детстве и бредовой позднее) постепенно привела к разрешению психотического состояния и хорошему развитию эмоциональных навыков и способности к отношениям.

Ключевые слова: аутистический спектр, психоз, психическое отчуждение, синдром Аспергера.

В определенный момент, в процессе моих долгих размышлений о природе психотического состояния и о возможном аналитическом лечении, я думал о создании рабочей группы из детских психоаналитиков и психотерапевтов, у которых на попечении были трудные дети. Я был убежден, что для того, чтобы понять природу психоза, необходимо было исследовать жизнь тех детей, которым, казалось, было суждено стать психотиками во взрослом возрасте.

Постоянное внимание к случаям тяжелобольных детей позволило мне понять, что в некоторых из них уже присутствовали те психопатологические конструкции, которые могли вызвать разрушение, порой необратимое, во взрослом возрасте.

В то время как обычный ребенок постепенно расширяет свой кругозор и знания, тот, кому суждено стать психотиком, идет по обратной дороге: он уединяется в *психическом отчуждении*, в мире, созданном из чувственных фантазий, которые его вознаграждают и отделяют от реальной жизни. Такой ребенок использует разум не столько для понимания самого себя и окружающей действительности, сколько, наоборот, для создания приятных ощущений и восприятий.

Впоследствии мои взрослые пациенты дали мне тому подтверждение. Их история помогла мне понять, что в детстве они жили частично в диссоциированной реальности, в чувственном мире, который постепенно колонизировал их разум, вплоть до построения во взрослом возрасте грандиозной и преследующей психотической реальности. В результате длительного пребывания в отчуждении психика более не была ориентирована на мир отношений, а приняла на себя роль органа чувств по производству образов и повествований, переживаемых как реальные.

Для такого типа пациентов инфантильное психическое отчуждение не соответствовало миру игр и фантазий, в который входят и из которого выходят все дети, а было связано с построением альтернативной реальности, которая имела способность захватить их и изъять из мира отношений.

В их случае речь шла не только о действиях, воплощенных в жизнь в целях защиты от вторгающейся либо эмоционально неблагоприятной семейной среды, но и о построении активной структуры, которая гарантировала им состояние превосходства и самодостаточности, а также отсутствие потребности в человеческих отношениях.

Мелани Кляйн (1930) очень близко подошла к разработке этой концепции, когда говорила о детях, живущих исключительно в фантазиях; они полностью исключают реальность из своих игр, чтобы суметь сохранить мир чистой фантазии. Кляйн подчеркивает, что такие дети не выдерживают фрустрации, поскольку она возвращает их в реальность, и не способны сосредоточиться на занятии, которое имело бы отношение к реальности. Как мы знаем, Мелани Кляйн позднее придерживалась иной теоретической мысли о психозе, но это ее наблюдение остается ценным.

Винникотт (1971) в работе «Сновидеть, фантазировать и жить» утверждает, что в жизни некоторых пациентов существует расхождение между фантазиями, с одной стороны, и снами и реальностью – с другой. В этой связи он описывает пациентку, которая начиная с двухлетнего возраста создала четкое разделение между фантазийной жизнью и отношениями с реальными объектами, и говорит о ней как о девочке, которая, играя в чужие игры, всегда занята фантазированием.

В этой связи Винникотт отмечает, что в то время, как фантазия и сон наяву относятся к одному порядку, сновидения и жизнь в реальности относятся к другому порядку.

Сновидение соприкасается с эмоциональной реальностью: «Сон проникает в реальный мир в отношении с объектами, а жизнь в реальном мире проникает в мир сновидений». Напротив, «фантазирование остается отдельным феноменом, который поглощает энергию, но не способствует ни снам, ни реальной жизни» (р. 26).

Если сны и реальный жизненный опыт имеют тенденцию к вытеснению, то с фантазиями дело обстоит иначе: «Недоступность фантазий связана скорее с диссоциацией, чем с вытеснением» (*Ibid.*).

О'Шонесси (1992) также говорит об инфантильном психическом отчуждении, когда описывает ребенка, способного преодолевать фрустрацию, предвосхищая мыслительный процесс (например, плача до тех пор, пока мать не прибежит, чтобы его утешить), и менее удачливого, который эвакуирует фрустрацию (и реальность), вместо того чтобы ее преобразовывать. Этот второй ребенок не плачет, он молчит и концентрирует свое внимание на каких-то чувственных деталях. И таким образом начинается отчуждение, которое, опираясь на каналы восприятия, создает новую приятную реальность, освобождающую ребенка от зависимости от взрослого, необходимой для эмоционального развития и развития в сфере отношений.

Эмоционально-коммуникативные функции отсутствуют в начале жизни, они развиваются постепенно, когда и если появляются подходящие условия окружающей среды, то есть когда разум ребенка находится в контакте с разумом другого компетентного человека – матери или человека, который занимается его развитием.

Речь идет о неосознанных функциях, тесно связанных с эмоциями, которые относятся к бессознательному восприятию переживаний (*De Masi, 2000*), делающему возможными эмоциональную коммуникацию между людьми и понимание собственного душевного состояния и состояния других. Очевидно, в случае детей, которые живут в отчуждении, развитие этих эмоциональных функций отсутствует либо искажено.

Диссоциированная реальность

Что касается построения отдельного мира и диссоциации ребенка от коммуникативной реальности, я хочу подчеркнуть, что диссоциированная реальность функционирует в силу присутствия *новой чувственной реальности*, управляемой совершенно другими законами и принципами действия. Умственные действия в отчуждении не подчиняются законам нормального психического функционирования, они не могут быть ни вытеснены, ни «увидены во сне», чтобы трансформироваться в мысли, поскольку они имеют не психическую природу, а скорее чувственную. Другими словами, ввиду того что процессы, позволяющие репрезентировать и распознавать психическую реальность, искажены, бессознательное, как мы привыкли его представлять в его интуитивном потенциале, не может функционировать.

На самом деле человеческий разум можно использовать для разных целей: для понимания переживаемой эмоциональной реальности, для

создания эмоциональных связей, но также и для ухода от реальности мира отношений и создания личного мира чувственной природы. Дети в отчуждении, которых я наблюдал, не смотрят мультфильмы так, как это делают другие дети, которые, как только заканчивается просмотр, возвращаются к играм или другим занятиям. Эти дети остаются привязанными к событиям мультфильма, одержимо создавая последующие события, как будто они создают фильм, который продолжается в их сознании и главными героями которого могут стать они сами. Использование разума таким образом имеет существенные последствия для их социальной активности, их внимания в школе и их способности устанавливать дружеские связи со сверстниками. В каждом случае речь идет о создании чувственной умственной реальности, не символической и связанной с отношениями, а конкретной.

В предыдущей работе (*De Masi, 2006*) я провел различие между интуитивным воображением и побегом в воображаемое и подчеркнул, насколько важно дифференцировать творческую функцию воображения, необходимую для будущего, и построение параллельных миров, оторванных от реальности, как это происходит в отчуждении. Различные случаи таких детей приведены в некоторых моих книгах, например в «Уязвимости к психозу» (2006).

Ребенок, находящийся в плену отчуждения, не испытывает удовлетворения в отношениях с другим и не учится через эмоциональный опыт. Даже если он еще и не явно болен, ему суждено не узнать самого себя, не понимать эмоциональных реакций других и бояться опыта отношений, которого он не желает, не понимает и который причиняет ему страдания.

Даже если некоторые способы действия позволяют ему явно адаптироваться к реальности, в его эмоциональном развитии активизируется и укрепляется патогенное ядро, призванное помешать развитию его личности. В этой связи мы могли бы говорить о психотическом ядре личности, то есть о том, что в действие приведен некий беззвучный процесс, который будет беспрепятственно усиливаться.

Психическое отчуждение и психоз

Психопатологическая структура отчуждения, на мой взгляд, имеет сходство с психотической частью личности (*Bion, 1967*), цель которой – завладеть здоровой частью. Психоз завоевывает пациента, поскольку убеждает его в том, что альтернативный чувственный мир, новая реальность, значительно превосходит мир отношений, которые подразумевают зависимость, сложность и фрустрацию.

По этой причине, в отличие от кляйнианских авторов, я думаю, что ребенок, обреченный стать психотиком, движим не столько желанием уничтожить объект, сколько стремлением изолироваться от мира отношений, чтобы построить параллельный и бредовый мир, «в котором можно быть и делать то, что хочешь и что доставляет удовольствие» и в котором не нужно считаться с порой болезненной реальностью мира эмоций.

Дети, предрасположенные к развитию психоза, попадают в диссоциированный мир не только для того, чтобы защитить себя от страданий, но и ради удовольствия испытать иллюзорную самодостаточность и всемогущество, приносящие удовлетворение.

Часто психологически отсутствующие родители не понимают, что их ребенок не просто является мягким и спокойным, каким кажется, а уже замкнулся в альтернативном мире, в котором он формирует свою психопатологию. Некоторые из этих детей могут построить убежище, чтобы избежать эмоционально сложного или травматичного опыта, как, например, отсутствующая, тревожная или интрузивная мать. В таких случаях вмешательство окружающей среды приводит к невозможности испытать хорошую зависимость, необходимую для развития.

В процессе терапии со взрослыми пациентами, у которых развилось психотическое состояние, зачастую удается реконструировать наличие инфантильного отчуждения и понять, как их прогрессирующая диссоциация от реальности оставалась без внимания или даже неосознанно поощрялась родителями. Чтобы продемонстрировать эту гипотезу, во второй части своей работы я делаю отсылку к очень длительному анализу психотического пациента.

Психические убежища

Джон Стайнер (1993) написал очень вдохновляющую книгу «Психические убежища», о структурах, которые создают психические состояния защиты от страданий и боли, а также для избегания контакта с другими и с реальностью.

Психическое убежище может принимать на себя различные аспекты, которые простираются от укрытия в романтическом и сказочном мире, где все идеализировано, до мастурбационного уединения, характеризующегося порнографическим возбуждением.

Пациент, говорит Стайнер, может осознавать, что созданное убежище является безумным убежищем, жестокой и преследующей установкой, но тем не менее он предпочитает его тем страданиям, которые он испытывал бы, находясь вне его. Напротив, «пациент будто бы привык и даже свыкся с существующей ситуацией в убежище и извлекает из нее своего рода первертное удовлетворение» (Steiner, 1993, p. 30).

Стайнер описывает психические убежища как защитные действия во взрослой психической жизни; я, расширяя концепцию, рассматриваю их также как изначальное и раннее патогенное условие. По этой причине в то время, как Стайнер говорит об *убежище*, используя пространственную метафору для того, чтобы подчеркнуть его защитное значение, я использую термин *отчуждение*, чтобы главным образом подчеркнуть *чувственное использование* разума, то есть трансформацию психического функционирования в психопатологическую модальность, направленную против отношений, призванную постоянно развиваться.

Другими словами, я подчеркиваю тот факт, что в отчуждении создается воображаемый мир на чувственной основе, который поэтому

представляется реальным. Это две реальности, одна психическая, а другая чувственная, отдаленные и отделенные друг от друга, которые могут оставаться устойчивыми даже в течение длительного времени, но, как правило, воображаемая чувственная реальность склонна к расширению и подчинению себе здоровой части личности.

Отчуждение по своей натуре противостоит и подменяет собой психическую реальность отношений, которая является символической, эмоциональной и нечувственной. Два мира, альтернативный чувственный и психический, непримиримы; в некоторых случаях, согласно моей гипотезе, чувственное инфантильное отчуждение – это очаг развития психотического расстройства у взрослых.

В отчуждении все возможно и все может случиться. Искажая восприятие, можно настроить собственные чувства на всемогущее изменение психической реальности.

Концепция *инфантильного психического отчуждения*, которую я описал, сочетается, по моему мнению, с понятием *уязвимости к психозу* (De Masi, 2006) как набор психических действий, которые постепенно приводят «предрасположенного» ребенка к психозу во взрослом возрасте.

Аутистический спектр

По моему мнению, понятие инфантильного психического отчуждения мало используется концептуально специалистами, занимающимися эмоциональными проблемами в детстве, например нейропсихиатрами и сотрудниками территориальных центров. На самом деле эта патология зачастую диагностируется как расстройство аутистического спектра.

Аутизм также является нарушением развития у детей, которое ставит под угрозу социальное взаимодействие и вербальную коммуникацию ребенка, замкнутого в узком и однообразном мире. Родители, как правило, замечают первые признаки в течение первых двух лет жизни, а диагноз обычно ставится на третий год. Причины возникновения этого расстройства в настоящее время неизвестны, однако предполагается наличие проблем, связанных с развитием нервной системы и/или с окружающей средой.

В DSM-5 широкое распространение получило использование термина *расстройства аутистического спектра* (РАС или, на английском, ASD, *Autistic Spectrum Disorders*), которые включают ряд патологий или синдромов, имеющих в качестве общего основания некоторые общие поведенческие характеристики с разной степенью интенсивности. Такой диагностический подход приводит к некоторым очевидным угрозам. В первую очередь это объединение патологий, которые, даже если и связаны общими симптомами, имеют разное происхождение и развитие. Часто случается, что в так называемый аутистический спектр (диагноз чаще всего – синдром Аспергера) включаются дети с высоким уровнем психического функционирования, имеющие трудности с социализацией и успеваемостью в школе.

Я привожу здесь некоторые соображения, которые помогли мне отличить инфантильное психическое отчуждение от расстройства аутистического спектра. Например, в то время как аутистическое расстройство проявляется весьма рано, часто в возрасте около шести месяцев, психическое отчуждение проявляется запоздало, когда ребенок начинает вступать в контакт со сверстниками. Поначалу отчуждение не мешает общению с родителями, но влияет на обучение из-за трудностей с вниманием и концентрацией при выполнении школьных заданий.

Помимо этого, инфантильное психическое отчуждение в отличие от настоящего аутизма излечимо, если направить ребенка на аналитическую психотерапию, цель которой – выманить ребенка из-под чар отчуждения и открыть его для эмоциональных связей.

Теперь я хотел бы кратко представить материал ребенка, за которым наблюдала коллега-аналитик и который мне кажется соответствующим диагнозу психического отчуждения, нежели расстройства аутистического спектра¹.

Джованни – ребенок почти семи лет, у которого предполагается наличие расстройства аутистического спектра.

С первых лет жизни у него появились проблемы при приеме пищи: ест все, но за столом почти всегда «рассеян» и ест очень медленно, иной раз вообще не ест. Та же проблема возникает и в школе, поскольку в отличие от товарищей он медлителен и, когда они заканчивают есть, он начинает играть один и даже не доедает свою еду.

Засыпание также всегда было проблематичным, поскольку Джованни не удается «отключить» свой разум, всегда занятый фантастическим миром, который его постоянно будоражит.

С раннего возраста Джованни выполняет ряд быстрых стереотипных движений, которым он дал название «выстрелы ракет». Даже когда он очень взволнован или восторжен, он стреляет ракетами; например, когда выходит из душа, он стреляет ракетами, потому что ему очень нравится вода и ему никогда не хочется прекращать с ней играть. Впоследствии такие стереотипии умножились.

У него мало друзей, и, по словам родителей, ему «достаточно самого себя», поскольку он сам организует игры и строит из конструктора Lego.

По-видимому, он обладает высоким чувством морали, настолько, что даже критичен по отношению к товарищам, которые используют нецензурную лексику или не соблюдают правила. Он утверждает, что, когда вырастет, станет ученым или гением и изобретет ручку, которая, будучи подключена напрямую к мозгу, будет способна нарисовать все, что задумает человек. Очень любит математические операции.

Аналитик предлагает родителям завести «тетрадь ракет», то есть тетрадь для рисования историй/фантазий, побуждающих Джованни «стрелять ракетами», и строить с ним более чуткие отношения и эмоциональную связь: например, когда он выйдет из душа, сказать ему, что они

¹ Я обсуждал этот случай с коллегой Мануэлой Мориджа.

понимают его огорчение по поводу окончания занятия, которое его воодушевляло, и что ракеты можно заменить на объятия мамы.

На первой консультационной сессии Джованни показывает рисунок из тетради ракет, на котором он представляет себя Гоку (главным персонажем известной манги «Жемчуг дракона»), который, пока полицейский помещает руки внутрь робота, передавая ему необходимую энергию, поражает плохого персонажа мощнейшей ракетой, которая выстреливает из отверстия в его животе.

Во время первых двух сессий он не стреляет ракетами и говорит, что ему не скучно. Однако часто он теряет нить разговора и переключает свой взгляд и мысли на другие вещи. Аналитик зовет его и говорит, что нельзя делать две вещи одновременно, нужно делать что-то одно, чтобы хорошо это понимать и иметь возможность разделять это с другими. Джованни охотно соглашается, и его речь становится временами более связной.

Если бы я давал краткий комментарий по данному материалу, я бы сказал, что в фантазийном мире Джованни существует глубокое расщепление на добро и зло. Он, представитель добра, сражается со злом разрушительными средствами. Это ядро, которое может развиваться дальше в параноидальную форму, когда враги, представители зла, могут обратиться против него. Интересно наблюдать, что тело не переживается Джованни как часть Я, а как объект или оружие для запуска в космос всемогущим образом.

В случае Джованни власть фантазийного мира порождает утрату связи с миром отношений.

Однако это не относится к детям с расстройствами аутистического спектра. Они отделяются от остального мира, поскольку контакт с внешней реальностью усугубляет состояние потерянности и того страдания, которое им присуще. Взрослые люди с аутизмом, которые смогли описать свое психическое состояние, говорят о спутанном и хаотичном внутреннем мире, угрожающем и пугающем: «Представьте себе состояние гипервозбуждения, в котором вас преследует опасный агрессор в мире тотального хаоса» (*Grandin, 2011, p. 66*).

Люди, страдающие аутизмом, описывают свою изоляцию от мира разными способами: Пьер Карло Морелло приводит такую аналогию: это как «закрыться внутри стеклянного купола, размещенного над заледеневшей лагуной» (*Morello, 2016*); Тэмпл Грандин в свою очередь использует сходство со стеклянными дверьми или панелями, внутри которых она чувствовала себя как в ловушке (*Grandin, 2011*); Донна Уильямс описывает аутистическую замкнутость как поиск психического состояния, наполненного светом, красками и волшебством, для того чтобы сбежать из тягостной реальности, в которой она жила, то есть обрести необходимое и нужное утешение (*Williams, 2013*).

Чувственный разум

При отчуждении и в психотическом состоянии разум функционирует как *орган чувств*, который не подчиняется законам нормального психического процесса, не является инструментом мышления, а подобен *органу чувств*, который производит непрерывные чувственные образы, переживаемые как реальные.

Появление галлюцинаций свидетельствует о крайнем развитии психического отчуждения, в котором существовавшая внутренняя чувственная реальность выносится наружу со всем содержанием страдания и ярости, которые ее сопровождают. Наделенные «чувственным» и конкретным качеством, галлюцинации легко обманывают пациента, поскольку они схожи с восприятием, которое в обычных условиях описывает окружающий нас мир.

Конечно, не всякое отчуждение заканчивается психозом; иногда этот процесс остается ограниченным и представляет собой утешительное бегство от реальности, которая ощущается слишком фрустрирующей.

Я помню одну свою пациентку, которая очень страдала во многих отношениях и которая фантазировала о любовной связи вместо реальных отношений. Если она встречала мужчину, который ей нравился, она проводила с ним время и, вернувшись домой, начинала фантазировать: путешествовала с ним, они страстно любили друг друга, и все это в фантазии. Пациентка не отвечала на возможный телефонный звонок от мужчины, а ограничивалась мечтами до тех пор, пока фантазия не иссякала. В таком случае она решалась снова встретиться с тем мужчиной, но не для того, чтобы развивать с ним реальные отношения, а чтобы продолжать подпитывать свою фантазию.

Я думаю, что отчуждение в фантазию, даже в тех случаях, где нет столь явно чувственного характера, мешает развитию личности и создает предпосылки для нестабильной структуры личности, лишенной смысла.

Хорошее описание психического отчуждения у взрослых мы видим на примере Обломова из одноименного романа Гончарова. Все повествование вращается вокруг неспособности Обломова встречаться с реальной жизнью и того очарования, которое вызывает в нем фантазия, заставляя поверить в проекты, которые никогда не осуществляются и раздражают его немногочисленных друзей, пытающихся вывести его из апатии.

Пациент

Я хотел бы представить случай психотического пациента, детство которого переживалось в состоянии явного и продолжительного психического отчуждения.

В работе «Разгадать тайну психоза» (2018) я подробно описал развитие этого длительного анализа. Однако здесь я сосредоточусь только на той части клинического материала, которая связана с гипотезами, о которых я только что рассуждал.

Франческо

Когда Франческо пришел в терапию, ему было около тридцати лет. Он уехал за границу, чтобы получить степень магистра, и там у него случился психотический эпизод, который привел его к госпитализации; вернувшись в Италию, он проходил курс медикаментозного лечения у психиатра с умеренной дозировкой психотропных препаратов.

До психотического эпизода он был убежден в том, что его ждет грандиозная карьера и он совершит такие открытия, что его будут считать спасителем человечества. Чтобы подтвердить самому себе реальность своих идей, он решил, что ему нужно завоевывать девушек. В один из таких случаев одна из них, несомненно, раздраженная его настойчивостью, покинула вечеринку, которую он организовал у себя дома, уехав с молодым человеком арабского происхождения. На следующий день Франческо выступил против этого молодого человека, который, по его словам, «украл» у него девушку. Чтобы казаться более устрашающим, он привел с собой знакомого сицилийского происхождения, пытаясь заставить поверить соперника в то, что его поддерживает мафия. Самый настоящий бред вспыхнул несколько недель спустя, когда Франческо, отправившись в другой город на конференцию, заметил присутствие трех участников-арабов. Он тотчас же подумал о заговоре: три араба пришли, чтобы убить его и отомстить за своего соотечественника. С этого момента бред заполнил каждое мгновение дня.

Вернувшись в Италию после непродолжительного пребывания в больнице в Германии, Франческо продолжил повсюду видеть врагов; его перевели под наблюдение психиатра, который в определенный момент порекомендовал ему аналитическую терапию, и, поскольку его мать проходила анализ, совет был встречен благосклонно.

Когда я его встретил, я сразу подумал о тяжелом психотическом состоянии и понял, что не смогу начать настоящую аналитическую терапию (он откровенно бредил и галлюцинировал). Тем не менее я решил встречаться с ним раз в неделю, чтобы попытаться понять, что может развиваться между нами и как я мог бы ему помочь.

Во время первых сессий Франческо, испытывая тревогу, описывал свои персекуторные ощущения беспокойно и фрагментарно. Помимо бреда, о котором говорил Франческо, он рассказывал мне, хоть и так же обрывисто, о своей жизни и поведал некоторые эпизоды своего детства и юности. Я продолжил видеться с ним раз в неделю: для меня было важно понять, как произошел психотический эпизод, и попытаться восстановить события хронологически.

Впоследствии, я начал видеться с ним два раза в неделю, по-прежнему лицом к лицу. Через несколько месяцев Франческо попросил меня приходить три раза в неделю, и в этот момент я предложил ему лечь на кушетку, что он сделал без затруднения; в итоге мы работали с периодичностью четыре сессии в неделю.

На протяжении длительного периода я внимательно слушал то, что он мне сообщал; я ограничивался тем, что пытался найти смысл в его

опыте, его чувстве ужаса и прежде всего в его мегаломании, из-за которой он ощущал себя всемогущим и убивающим своих преследователей.

Иногда я мог комментировать его персекуторные видения, которые состояли из внезапных обнаружений скрытых истин. В таких случаях я осознавал, что Франческо не использовал мышление, а рассказывал о непрерывных и внезапных озарениях. Вещи и люди вокруг него включались в уже созданные структуры мышления: вначале возникала идея сюжета, а затем восприятия формировались в соответствии с этой первичной структурой, изначально существовавшей. Озарение формировало его мысль, которая таким образом становилась антимыслью, местом, уже переполненным, в котором факты приспособлялись к озарению, а не наоборот.

Особенность этой терапии заключалась в том, что, хотя мои интерпретации, сосредоточенные на его грандиозном психическом состоянии, принимались, ситуация не менялась. Бред продолжал оказывать влияние на ведущие аспекты его жизни. Франческо не удавалось сохранить приобретенные на сессии осмысления: как он только он выходил, все перечеркивалось.

Я начал замечать, что вторжение бреда происходило также посредством вербальных связей: слова, вербальные созвучия, связи смежности занимали место реальных вещей, создавая соединения, которые расширяли его бредовое видение до бесконечности. Каждый раз, когда бред возвращался, я пользовался возможностью поделиться своими наблюдениями о его конструкции и трудностях выхода из него.

В этот период он приходил на сессию, рассказывая мне, что за день до сессии у него был бред, либо рассказывал мне о сне, который называл психотическим; во время сессии нам удавалось деконструировать бред, и сессия заканчивалась чувством облегчения. Трансформация опыта бреда, происходившая на сессии, которая могла напоминать работу сновидения, к сожалению, была мимолетной. На сессии Франческо чувствовал облегчение от тревоги, вызванной опытом бреда, который, к сожалению, вновь возникал после сессии и заканчивался тем, что он забывал всю проделанную работу.

Таким образом, бредовые конструкции были лишь внешне трансформированы аналитической работой; в реальности они оставались отпечатанными в психике, готовыми к немедленной повторной активации. Франческо временно освобождался от бреда, но не был способен реально его трансформировать. Для него бредовые фантазии были реальными фактами.

На пятый год анализа наступил период более регулярных осмыслений, в результате чего для него стало возможным переосмыслить качество своего детского опыта и реконструировать инфантильное происхождение психоза.

На одной из сессий он ясно увидел, что в детстве создал всемогущий воображаемый мир, который заменил реальность; он понял, что психическое отсутствие родителей, которых он тем не менее любил и которыми восхищался, заставило его почувствовать себя во власти фантастического мира, который не позволял ему научиться чему-либо на реальном опыте.

Он даже считал себя не ребенком, который должен вырасти, а мудрецом, который должен вести, ругать и направлять родителей.

В этой связи он принес очень знаменательный сон.

Он в кино со своими родителями и несколькими их друзьями. Во время фильма ему хочется испражниться, что он и делает немедленно и с большим удовольствием. Взрослые чувствуют неприятный запах, громко сетуют, но в конце фильма начинают отчищать экскременты. Никто из них не ругает его и не говорит, что он не должен делать подобное.

Франческо связал сон с тем фактом, что его родители никогда его не сталкивали с реальностью и оставляли его в его всемогуществе, свободным жить так, как он хотел. Во сне его поразило то, что никто из взрослых не посчитал его ответственным за то, что он сделал, и не отругал его.

Летом седьмого года анализа у Франческо случился тяжелый психотический эпизод во время отпуска с молодой иностранкой, с которой у него начались отношения. Предбредовое состояние началось еще до отъезда. Так мне удалось реконструировать ситуацию после того, как пациент вернулся в анализ.

Франческо идеализировал отношения с этой молодой женщиной, считал, что они были идеальной парой, и хотел, чтобы их отношения длились вечно. Девушка приехала в Италию на работу и, уверенная в том, что рано или поздно вернется домой, хотела познакомиться с людьми, полезными для ее профессии. Ее пригласили на вечеринку, и она попросила Франческо составить ей компанию, что он сделал с неохотой. Во время вечеринки он заметил мужчину, явно сексуально возбужденного (он увидел его эрегированный пенис!), который начал болтать с его молодой подругой. Во время отпуска Франческо убедил себя в том, что его девушка находится в состоянии сексуального возбуждения и что она встречается с другими мужчинами, когда ночью встает, чтобы сходить в туалет. Франческо держал эту идею при себе, пока однажды вечером, когда они ужинали в маленьком ресторанчике, ему не стало ясно, что официант, который казался ему довольно навязчивым, пришел убить его.

Вернувшись в Италию, он оставался в той же ситуации около месяца; он отказывался видеться с молодой женщиной, поскольку в тот единственный раз, когда он снова встретился с ней, Франческо опять бредил: когда девушка дала ему послушать песню из своей страны, он посчитал, что в этой песне содержится послание о его смерти.

Важный этап в жизни Франческо начался на десятом году анализа: он познакомился с новой женщиной, Анной, которая, казалось, обладала многими положительными чертами. Спустя несколько месяцев после знакомства они решили начать жить вместе. Присутствие Анны имело благотворный эффект на его жизнь: девушка побудила его быть активным, подтолкнула к поиску работы и отдала его от той атмосферы пассивности и отчуждения, которая держала его запертым дома.

«Свободные интервалы» стали длиннее, и общая персекуторная тревога снизилась, что позволило ему развить большую способность к отношениям. Однако в определенный момент даже отношения с подругой были отравлены бредом. Франческо стал очень подозрительным и думал,

что Анна была с ним только из-за денег (которых у него не было, учитывая, что именно его родители платили за анализ и содержали его). Когда Анна сказала ему, что забеременела, он услышал выстрелы с улицы и был убежден, что это был сигнал преследователей, праздновавших свой триумф – его девушке удалось обмануть его, чтобы завладеть его богатством и убить его с помощью семьи (он только что посмотрел фильм, в котором главного героя убили).

Теперь я хочу сфокусироваться на этом последнем опыте бреда, сосредоточенного на семейной жизни, на женщине, с которой он жил и с которой у него был ребенок, – бреда, который также распространился на семью его подруги. Отмечу, что она сицилийского происхождения и поддерживает очень сильную эмоциональную связь со своими братьями и сестрами, которые, как и она, давно эмигрировали в Милан. Франческо никогда не скрывал своих трудностей при встречах с этими родственниками, которых он не понимал и которые заставляли его чувствовать себя неуютно: они принадлежали к социальному и культурному кругу, отличному от его, и это ему мешало развивать с ними эмоциональный контакт.

В определенный момент эти родственники, такие таинственные и далекие, стали главными действующими лицами заговора против него: они решили его убить, чтобы завладеть его «богатством», и Анна согласилась с ними. Казалось, что действительно в этот момент Франческо одновременно жил в двух отдельных реальностях, одной – бредовой и другой – нормальной.

На одной из сессий он признался мне в том, что не спал всю ночь, что боялся, что его убьют, что бесконечно наблюдал, как энтомолог, за лицом своей подруги, чтобы понять, была ли она убийцей или хорошей матерью, которая знала, как позаботиться о своем ребенке. На пике тревожности он спросил, можем ли мы провести пятую сессию до конца недели, и я ответил ему, что да; вскоре предстояли пасхальные каникулы, я беспокоился о нем и надеялся, что с помощью еще одной сессии я смогу ему помочь выйти из этой тревожной ситуации. Однако на этот раз я сильно в этом сомневался; хотя в предыдущие годы я много раз анализировал динамику бреда, в тот момент я чувствовал себя по-настоящему беспомощным.

Я не знал, что ему сказать. Подумав об этом, я попытался еще раз описать ему характер его бредового мира. Когда он впадал в бред, больше не существовало эмоциональных связей, которые удерживают людей вместе. Жизнь становилась джунглями, которыми управляли власть и жадность (две характеристики его преследователей).

Я сказал ему, что, когда он говорил о своей подруге, которая заботилась об их ребенке, он мыслил о реальном эмоциональном мире, но затем создавал другой мир, в котором она становилась бесчеловечной, убийцей. Я добавил, что он постоянно переходил из одного мира в другой и таким образом сосуществовали два противоположных и несовместимых восприятия (хорошая мать и подруга-убийца). Разница между реальным человеческим миром и бредовым бесчеловечным миром должна была помочь ему отличить реальность от бреда.

Я не знаю, воспользовался ли Франческо этой моей попыткой отличить бред от реальности, но на следующей сессии он мне сказал, что прошлой ночью он оставил постель, в которой спал один, чтобы вернуться к своей подруге и быть рядом с ней, рядом с ребенком, чтобы немного почувствовать человеческое тепло.

На последующих сессиях я подчеркивал тот момент, который всегда считал важным: одновременное существование двух несовместимых реальностей. Так же и в других случаях бреда я настаивал в разговорах с Франческо на этом аспекте, но в этот раз я снова взялся за него с большей решимостью. Во время этих встреч Франческо подтвердил, что он осознает наличие у него биокулярного видения реальности. Он выразился с большой точностью: он не сказал «биокулярное», но использовал термин «биокулярное», чтобы обозначить, что его видению не хватало интеграции, и таким образом два видения, бредовое и реальное, остаются отличными и разделенными. Оба имели одинаковый характер реальности. Бред характеризовался не только спутанностью между внутренним и внешним, но также и тем, что он являлся конкретным фактом, который психика не могла трансформировать ввиду его чувственного характера.

Как можно видеть, особая трудность этой терапии заключалась в том факте, что бред мог временами исчезать, но всегда был готов реактивироваться с вирулентностью; несмотря на периоды покоя, психотическое функционирование сохраняло нетронутым свой патогенный потенциал. Важно, что Франческо и я, несмотря на присутствие бредовых тем, смогли реконструировать детский опыт и увидеть, что психотический процесс был связан с грандиозным инфантильным отчуждением.

Франческо вырос в состоятельной семье среднего класса без каких-либо видимых травм, но он не был «нормальным» мальчиком. В детстве случались эпизоды, которые порой беспокоили как учителей, так и родителей: он убежал из школы (иногда с товарищем по приключениям), чтобы совершать исключительные поступки и бросать вызов взрослым; однажды он спрятался на такое продолжительное время, что встревоженные взрослые позвонили в полицию.

Когда я встретил его впервые, Франческо рассказал мне, что у него были замечательные родители, которые никогда его не ругали и тем более не наказывали. Я обнаружил позже значение этой информации: речь шла о родителях, неспособных к присутствию, к тому, чтобы вызывать у него необходимую фрустрацию и структурировать его личность.

Франческо жил в грандиозном инфантильном отчуждении, не замеченный родителями; в некоторых случаях, однако, казалось, что они беспокоились о нем, поскольку водили его к психологу, которому ребенок рассказывал, что он их ругал и бил. Психолог не посчитал ребенка проблемным и вместо этого посоветовал матери обратиться к кому-нибудь за помощью.

Я был убежден в том, что Франческо, долгое время проживший в фантастическом и нереальном мире, не был способен по мере взросления выдерживать фрустрацию и трудности жизни. Когда он стал взрослым, существование оказалось более тяжелым, чем он мог вынести в состоянии

прежней постоянной эйфории, и в определенный момент ненависть к фрустрирующей жизни трансформировала его мир из идеального-мегаломанического в мегаломанический-преследующий.

Вера в свою исключительность была лейтмотивом его детства и подросткового возраста; он должен был побить все рекорды: он устраивал турниры с младшими кузенами, которые, естественно, проигрывали, или прежде, чем пойти в школу, заставлял отца объяснять ему математику, чтобы удивить преподавателей и товарищей. Разумеется, он не переносил замечаний взрослых, и тогда, когда это случалось, он реагировал яростным гневом.

Я также много работал над неспособностью Франческо понимать реальность, особенно его собственные эмоциональные переживания и переживания других. Он как будто привык наблюдать за миром со стороны, без реального участия, или классифицировать его по простым признакам морального характера: хороший – плохой, эмпатичный – неэмпатичный, знакомый – незнакомый и так далее.

Важно то, что в ходе этой длинной и сложной терапии Франческо и я, даже когда наступал очередной кризис, которой перечеркивал всю проделанную работу, не потеряли веру в аналитическую работу. Во время каждого кризиса я старался понять, что случилось, что вызвало ухудшение, как функционировала его психика. Франческо был действительно хорошим пациентом, он оставался вовлеченным в анализ и всегда взаимодействовал, делая возможным обсуждать и понимать происходящее.

Один факт, который меня очень поразил во время анализа последнего периода, – это то, что, пристальнее вглядываясь в первые годы своей жизни, Франческо осознал, что не помнит ничего о своем детстве. До возраста семи или восьми лет он не помнил ни о детском саде, ни о первых годах начальной школы; у него не было воспоминаний о товарищах по играм, не считая нескольких эпизодов буллинга, жертвой которого был он. Сравнивая себя с сыном, о котором он продолжал заботиться, эту разницу он ощущал еще более радикальной.

Было очевидно, что Франческо, долгое время живший в воображаемом мире по разным причинам, сохранил очень детский и наивный характер: казалось, что он не смог развить силу характера в постоянном опыте отношений с другими значимыми людьми.

Однажды я спросил Франческо, что было причиной его частых рецидивов бреда. Он мне сказал, что чувствует себя как река, берега которой разрушены и наводняют прилегающую равнину. Благодаря терапии дамбы были восстановлены, но оставались еще каналы, в которые продолжала затекать вода реки. Он также добавил, что в детстве и подростковом возрасте он много и подолгу уединялся в своем фантастическом мире и что его рецидивы бреда в итоге стали почти обыкновением.

В заключение я приведу два сна, которые Франческо принес в последней части анализа, в которых он сосредоточился на том, чтобы понять причины своего психотического заболевания.

В первом сне он должен был примирить партии американских демократов и республиканцев, которые обе находились у власти, но продолжали

оставаться парализованными своими конфликтами. Во сне Франческо сидел во главе стола и беседовал с ними, чтобы привести их к преодолению трудностей.

Во втором сне он встретил президента республики, которого он приветствовал с уважением. В ответ президент широко ему улыбнулся, как будто знал его и был с ним знаком, что его взволновало и осчастливило.

Рассказывая эти сны, Франческо отметил, что это были психотические сны. Я поправил его, сказав, что мне они показались снами его детского психоза, когда он считал себя родителем отца и матери. На самом деле он мне рассказал, что его родители часто ссорились и однажды разбудили его во время сна. Он встал и отчитал и отца, и мать. Затем вернулся спать, и тишина, последовавшая за его вмешательством, убедила его в том, что ему удалось вернуть родителей на правильный путь.

Мы оба согласились с тем, что второй сон воспроизводил его связь с волнующим родителем, как случилось в его раннем детстве, когда он был нарциссически соблазнен отцом. Отсюда началась его мегаломания, в которой он был уверен, что ему уготованы великие дела. Психическое отчуждение в его случае подкреплялось психическим отсутствием родителей, сопровождавшимся их нарциссической поддержкой.

По причине затянувшегося надолго психотического состояния сразу же работать с детским опытом Франческо не представлялось возможным. Только во второй части его анализа я смог связать психотическое развитие с грандиозным инфантильным отчуждением.

Хотя у пациента однажды развился бредовый перенос на меня, который был сконтейнирован за короткое время, преобладающий перенос был по типу нарциссического слияния, что повторяло привилегированные и волнующие отношения с отцом в детстве. Но помимо анализа переноса я считаю, что в случае Франческо было необходимо работать над структурированием отношений между аналитиком и здоровой частью пациента, чтобы проанализировать третью вершину треугольника, его психотическую и бредовую часть.

Я надеюсь, что благодаря описанию этого клинического случая мне удалось существенно усилить мою идею о том, что, только придя к пониманию происхождения и природы психотического процесса, можно разработать способ лечения этого психического состояния. Я постарался также показать, насколько важно проводить раннюю динамическую диагностику детям, живущим в уединении. Начав аналитическую терапию, они смогут развивать здоровые части своей личности и избежать опасности возможного психотического развития.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Bion W. (1967) *Analisi degli schizofrenici e metodo psicoanalitico*. Roma, Armando, 1970.
2. De Masi F. (2000) The unconscious and psychosis. Some considerations on the psychoanalytic theory of psychosis. *Int. J. Psychoanal.*, 81, 1–20.
3. De Masi F. (2006) *Vulnerabilità a la psicosi*. Milano, Raffaello Cortina.

4. *De Masi F.* (2018) Svelare l'enigma de la psicosi. Fondamenti per una terapia analitica. Milano, Mimesis.
5. *Freud S.* (1910) Osservazioni psicoanalitiche su un caso di paranoia (dementia paranoides) descritto autobiograficamente (caso clinico del Presidente Schreber). O.S.F., 6.
6. *Freud S.* (1924) Nevrosi e psicosi. O.S.F., 9.
7. *Goncharov I. A.* (1859) Oblomov. Milano, Garzanti, 2000.
8. *Grandin T.* (2011) Pensare in immagini. Trento, Erickson, 2011.
9. *Klein M.* (1930) La psicoterapia delle psicosi. In: Scritti 1921–1958. Torino, Boringhieri, 1978.
10. *Morello P. C.* (2016) Macchia, autobiografia di un autistico. Milano, Salani.
11. *O'Shaughnessy E.* (1992). Psychosis: Not thinking in a bizarre world. In: R. Anderson (a cura di). Clinical Lectures on Klein and Bion. London, Tavistock, 89–101.
12. *Steiner J.* (1993) I rifugi de la mente. Torino, Boringhieri, 1996.
13. *Williams D.* (2013) Nessuno in nessun luogo. Roma, Armando.
14. *Winnicott D.* (1971) Sogno, fantasia e vita reale. In: Gioco e realtà. Roma, Armando, 1974.

Psychic Withdrawal: Consequences in Children Children and Adults

F. De Masi

(Translated from Italian by Rosa Sakhle)

Franco De Masi, psychoanalyst, psychiatrist, ordinary member of the Italian Psychoanalytic Society, he was Secretary of the Milan Section of the National Training Institute and President of the Milanese Center of Psychoanalysis.

In this paper I will try to define the concept of psychic retreat giving particular space to the infantile one. My hypothesis is that the infantile psychic withdrawal, which splits the child from the relational world, induces a mental state of a sensory imaginative type that can lead to psychotic alienation in adulthood. Childhood withdrawal should be differentiated from the autistic spectrum disorder which develops differently and takes different paths. In the second part of the paper I briefly describe the long analysis of a psychotic patient who had lived for a long time in a childhood retreat. The ongoing work on his particular way of creating a dissociated reality (sensory in childhood and then delusional) gradually led to the resolution of his psychotic state and to the development of emotional and relational skills.

Keywords: Asperger's syndrome, autistic spectrum disorders, psychic withdrawal, psychosis.

ИССЛЕДОВАНИЯ СНОВИДЕНИЙ

Исторические аспекты изучения сновидений: основные теории

**В. В. Ванюков, Н. С. Сединина,
И. А. Булатова, Э. М. Минхазева**

Ванюков Владислав Витальевич – студент 5-го курса лечебного факультета Пермского государственного медицинского университета имени академика Е. А. Вагнера, председатель Пермского регионального отделения Совета молодых ученых Российского общества психиатров, член Российского общества исследователей сновидений, член Российского общества сомнологов.

Сединина Наталья Степановна – доктор медицинских наук, доцент, заведующая кафедрой психиатрии, наркологии и медицинской психологии Пермского государственного медицинского университета имени академика Е. А. Вагнера.

Булатова Ирина Анатольевна – доктор медицинских наук, заведующая кафедрой нормальной физиологии, профессор кафедры факультетской терапии № 2, профпатологии и клинической лабораторной диагностики Пермского государственного медицинского университета имени академика Е. А. Вагнера.

Минхазева Эльвина Марселевна – студентка 5-го курса лечебного факультета Пермского государственного медицинского университета имени академика Е. А. Вагнера.

Сновидения – феномены человеческой психики, которые до сих пор полностью не изучены, более того, их этиология, физиология, характеристики и влияние на поведение, эмоции и психическое здоровье человека являются одной из загадок человечества. Единственное, что мы достоверно знаем о сновидениях, – это образы, которые возникают в момент активного торможения умственной деятельности и частично физической активности, то есть во сне. Они сопровождаются телесными ощущениями, эмоциональными переживаниями, появляются как у здоровых, так и у страдающих психическими и соматическими болезнями людей. Интерес вызывает и наличие сновидений у индивидов, находящихся в состоянии не только естественного сна (разлитого коркового торможения), но и у людей во время парциального сна (частичного, локального торможения умственной активности в коре

головного мозга) – гипноза. Целью данной работы являлись изучение и анализ всей возможной литературы, в которой содержится как российский, так и зарубежный опыт изучения сновидений за последние пять лет. По ключевым словам «сновидения», «сон», «толкование сновидений», «психоанализ», а также по тематическим рубрикам и кодам в свободном и опосредованном поиске научных баз данных Scopus, Web of Science, РИНЦ (eLIBRARY.RU), Google Scholar, PubMed были найдены и изучены достоверные литературные источники. Заключение: в результате анализа литературы показано, что сновидения – сложная структура человеческой психики со своими особенностями и тайнами, которые ученым еще предстоит раскрыть. Показано, что сновидения влияют на эмоции человека, его психическое и физическое состояние, но и сам сновидец может влиять на качество своих сновидений путем получения тех или иных эмоций, имея определенный темперамент и соблюдая график бодрствования и сна. Раскрыты аспекты толкования сновидений в разных школах психологии.

Ключевые слова: сновидения, сон, психоанализ, аналитическая психология, индивидуальная психология, бессонница, бессознательное, осознанные сновидения, образы сновидений, анализ сновидений.

Введение

По И. П. Павлову, сон – это разлившееся торможение, охватившее всю кору больших полушарий, а при глубоком сне – спустившееся и на некоторые нижележащие отделы мозга. Сон возникает в условиях, благоприятных для победы торможения над возбуждением.

Сон является главным фактором целостности нашей нервной системы, ведь именно в процессе разлитого торможения происходит комплектация полученной в ходе бодрствования информации, производятся систематическая модернизация и обновление биологических энергетических ресурсов организма, поддержание сохранности и улучшение стабильности таких когнитивно-познавательных функций, как память, внимание, мышление.

Во сне теряется интерес к процессам, окружающим человека, но реакция сенсомоторных анализаторов сохраняется, что может обеспечить резкое повышение психического возбуждения в момент опасности или наличия фактора цели в виде активации безусловных, а затем и условных рефлексов (Козлов, 2019).

Сон является важным фактором и неотъемлемой частью последующего бодрствования. Это связано с тем, что в процессе разлитого торможения происходит восстановление затраченных на осуществление психической и интеллектуальной деятельности ресурсов. Так, например, при длительном и полном лишении человека сна на три-пять дней произойдет резкий спад психической активности, появится интеллектуальная утомляемость и произойдет снижение скорости психических реакций

(Козлов, 2019; Гибадуллина и др., 2023). Не зря психиатры всегда говорят о том, что расстройства сна являются предвестником (признаком) психического заболевания (Губская, 2019; Гибадуллина и др., 2023).

Сон возникает в 80% случаев естественно, то есть в связи со сменой дня и ночи, циркадным ритмом. Все же существуют и другие причины, такие как психическая, эмоциональная и физическая усталость, накопленная в течение рабочего дня (15%), а также «уход из бодрствования» может быть условным рефлексом в ответ на психически травмирующую ситуацию, неблагоприятные условия среды (Гибадуллина и др., 2023).

Решающим этапом в изучении физиологии сна стало биоэлектрическое исследование деятельности мозга животных и человека, что привело к пониманию нейрофизиологических механизмов сна (Губская, 2019; Козлова и др., 2018). В физиологии принято выделять две основные фазы сна: медленный и быстрый сон. Медленный, или ортодоксальный, или NREM-сон, характеризуется постепенным торможением коры головного мозга начиная с чувства дремоты, которая затем переходит через легкий и умеренный сон в самый глубокий и крепкий. При этом происходит полное расслабление скелетно-мышечного аппарата и снижение сенсомоторных проявлений, а одним из главных его признаков является отсутствие резкой и быстрой подвижности глазных яблок. Эта фаза сна длится до 90 минут. Быстрый же сон, он же парадоксальный, или REM-сон, характеризуется полным расслаблением мускулатуры с сохранением высокой активности головного мозга. В эту фазу сна можно заметить хаотичное и быстрое движение глазных яблок. Вместе медленный и быстрый сон длятся примерно 1,5–2 часа. И именно в фазу быстрого сна человек может видеть образы, которые называются сновидениями (Козлов, 2019; Губская, 2019; Гибадуллина и др., 2023; Козлова и др., 2018).

Кроме фаз выделяют также и стадии сна, которые можно отследить на электроэнцефалографе. На первой стадии на электроэнцефалограмме уменьшается альфа-ритм и появляются низкоамплитудные медленные тета-ритмы, а также волны, превышающие амплитуду альфа-ритмов. Характеризуется эта стадия субъективно полусонным состоянием с наличием мечтаний, абсурдных мыслей и сноподобных галлюцинаций. Снижаются частота дыхания и мышечная активность, понижаются температура тела и метаболизм, глаза совершают незначительные, плавные движения (Козлов, 2019; Гибадуллина и др., 2023; Козлова и др., 2018). Вторая стадия, или легкий сон, характеризуется продолжением снижения тонической мышечной активности. Третья стадия знаменует переход организма в фазу медленного сна, дельта-колебания на электроэнцефалограмме (около 2 Гц) занимают менее 50%. Четвертая стадия – самый глубокий дельта-сон. Быстрый сон считается пятой стадией, он наступает после медленного и длится 10–15 минут, при этом на электроэнцефалограмме наблюдаются близкие по значению к бета-волнам пилообразные волны (Козлов, 2019; Губская, 2019; Гибадуллина и др., 2023; Козлова и др., 2018).

В фазу быстрого сна при бурной мозговой активности происходит синтез образов и символов с их продукций в комплексное сновидение. В эту

фазу происходит решение сложной ситуации, с которой столкнулся человек в окружающем его мире. Исследователи считают, что во время появления образов сновидения происходит закрепление путей решения трудной ситуации, некое запоминание верных решений, модели поведения. И, наконец, в период парадоксального сна блокируется входящая неприятная для человека информация (Губская, 2019; Савоткин, 2020). Кроме того, причиной сна является оптимальная недостаточность мозга для полного одновременного управления внутренними процессами и внешней деятельностью при бодрствовании (Савоткин, 2020).

Согласно психоанализу, именно сновидения способствуют анализу окружающей ситуации, помогают прийти к верным решениям и отказаться от неблагоприятным путей исхода. Сновидения, безусловно, нечто большее, чем просто фантастическое «кино», как это ошибочно предполагается. Именно научное изучение сновидений приоткрывает еще одну тайну человеческого мозга. Следует воздержаться от ненаучного метода познания сновидений через сонники, приметы, догадки, предположения, псевдотолкователей и антинаучных мистиков-экспертов. Гипотеза, теория, клиническое психиатрическое интервью, исследование – вот чем ученые должны руководствоваться при попытке понять природу и роль сновидений в жизни человека. Образы и символы сновидений при правильной попытке их интерпретации помогают психологам и психотерапевтам не только понять переживания человека, его эмоции, раздумья о своей жизни, но и изучить их индикаторную роль в клинике психических болезней, а также выстроить грамотную превентивную терапию и психокоррекцию.

Историческая справка

Согласно современному определению, сновидение – это субъективное восприятие образов (зрительных, слуховых, тактильных, вкусовых, обонятельных), возникающих в сознании у спящего человека. Исторически сновидения толковали по-разному. Сновидение – это первичное явление, не требующее связи с реальностью вне человека (М. Фуко). Оно определяется как состояние сознания, при котором отпечатки образов и фантазий временно смешиваются с внешней реальностью (Р. Л. Аткинсон, Р. К. Аткинсон, Э. Е. Смит) (Лукаш, 2022). Сновидение – отражение истинных желаний человека, которые подавляются цензурой сознания (Корсакова и др., 2023). Они являют собой результат борьбы бессознательного и сознательного (З. Фрейд) (Белоцерковец, 2022). Сновидение – «прямая манифестация бессознательного» (К. Г. Юнг) (Волкова и др., 2023). Эти феномены психики являются фантомами прошлых ощущений или скрытой стороной воображения (Т. Гоббс). Сновидения служат порождением органов чувств, отвечающих человеческим желаниям (Р. Декарт). Сновидения – всего лишь бессмысленный предрасудок и возникают вследствие расстройства пищеварения (И. Кант) (Меньшикова и др., 2022). Предполагается, что сновидение – это завуалированное стремление к господству. Одной из причин этого стремления

является комплекс превосходства, выражающийся в тенденции преувеличивать свои физические, интеллектуальные или социальные способности (А. Адлер) (Осипов, 2021). Кроме того, сновидение – иная форма существования, противоположная бодрствованию, оно связано с восприятием себя, а бодрствование – с действием (Э. Фромм) (Еремеева и др., 2019). Сновидения есть небывалое сочетание бывалых событий (И. М. Сеченов) (Курганов, 2018). Это некая сила, которая создает физическую реальность и дает возможность человеку рассмотреть что-либо до того, как он это осознает (А. Минделл) (Панчишина и др., 2018). Следующее определение гласит: «сновидение» – индивидуальное понимание образов (зрительных, слуховых, тактильных и прочих), рождающихся в сознании спящего человека (предположительно и некоторых других млекопитающих). Во время сна человек обычно не понимает, что спит, и воспринимает сновидение как реальность» (Р. Мавлютов) (Дубровина, 2018).

Много ученых-исследователей, психотерапевтов, психоаналитиков, сомнологов и неврологов высказывались о сновидениях с разных точек зрения. Утверждалось, что они спасают человека от печальных событий реальности путем создания фантастического нереального мира, также говорилось о негативном влиянии сновидений на индивида. Фактом остается то, что сновидения человека – неотъемлемая часть психической деятельности, феномен, который помогает пережить эмоции разного характера и избавляет от груза раздумий в бодрствовании.

Из всего вышеперечисленного можно составить единое определение сновидения, которое будет отражать более полно его суть. Итак, **сновидение – это продукт процесса разлитого или парциального торможения коры больших полушарий головного мозга и его нижележащих отделов, феномен психической активности центральной нервной системы, проявляющийся появлением специфических искаженных образов реальных субъективных ощущений (зрительных, обонятельных, вкусовых, тактильных, слуховых), воспринимаемых от объектов окружающей среды, выполняющий самоаналитическую, психическую функцию защиты от психотравмирующих событий реальности и являющийся фактором построения идеальной (желанной) модели поведения на пути к достижению цели** (В. Ванюков, авт.).

История изучения сна и сновидений уходит в далекие времена. В древние века считалось, что через сновидения человек получает информацию от высших сил, вступает в контакт с духами божественной или демонической природы. Одним из древнейших источников, где говорится о смысле сновидения, является миф о сотворении человека в Книге Бытия, в котором рассказывается, как Бог погрузил Адама в сон, а затем отделил от него ребро, благодаря чему и появилась на свет женщина (Шипицын, 2023). Это в какой-то степени является первой символикой сновидения, оно выступает здесь в роли посредника между реальностью и вымыслом, через которого идет путь трансформации человеческой души и тела. Уже в древней легенде замечена главная суть сновидения – человеческая реализация и трансформация вкупе с самоанализом бытия.

Считалось, что сновидения нам даны божественными силами, фантастические образы приходят извне и представляют собой предзнаменования. Много сотен лет полагалось, что сновидения имеют скрытый, таинственный смысл. Однако также считалось, что сновидения – всего лишь плод воображения (Белоцерковец, 2022). Немало людей пыталось разгадать тайну снов. Греческий историк Артемидор Далдианский, живший во II веке нашей эры, рассуждал о том, что сны являются уникальными для человека и что то, как человек проживает свою жизнь, отпечатывается в его снах. Труд Артемидора «Онейрокритика» был самой распространенной работой по объяснению снов на протяжении веков (Белоцерковец, 2022; Панчишина и др., 2018; Щеглова и др., 2022; Кривцов, 2021). Он предполагал, что сновидения контактируют с душой человека и являются сообщением о предстоящих событиях. Историк делил сны на личные, ясные, чужие, иносказательные и родственные. В личных сновидениях с самим человеком происходили хорошие или плохие события. Ясные всегда сбываются. Родственные – сновидения о родственниках. Под чужими сновидениями понималось появление других, незнакомых лиц в фантазии спящего. Иносказательные же неопределенны и неоднозначны (Меньшикова и др., 2022; Панчишина и др., 2018; Фесикова и др., 2020).

Аристотель рассматривал сон как пограничное состояние между жизнью и смертью. Он заключил, что сон является составляющей животного мира, а значит, выполняет функцию самосохранения, а антагонистом сна является бодрствование, в котором человек, как живое существо, ежеминутно подвергается угрозе возможной гибели. Состояние сна характеризуется лишенностью ощущений, обладания и бездействием, но при этом сами сновидения – это результат полученных человеком ощущений (Панчишина и др., 2018, Каяшева и др., 2022; Фесикова и др., 2020). В своих трактатах «О предсказаниях во сне» и «О сновидениях» он рассуждает, можно ли гадать по снам и верить ли в вещие сны. Основываясь на чувственном опыте из реальной жизни сновидца и природе сновидений, Аристотель утверждает: «Причина – сновидение стало результатом каких-либо действий, событий во внешнем мире. В таком случае сны представляют проекцию размышлений человека, которые возникли у человека в период его бодрствования». Появление пророческих сновидений в те времена исключительно считалось посланием высших сил и божественным провидением (Романова и др., 2021). Греческий врач Гиппократ считал, что символы сновидений указывают на диагноз и являются индикаторами наступающих или уже наступивших заболеваний (Каяшева и др., 2022). В труде «Политика» Платон говорит, что «каждый человек, кажется, знает все в каком-то мечтательном виде, а затем снова просыпается и ничего не знает». Древнегреческий философ утверждал, что сновидения отражают уровень нравственности человека, независимо от того, что он думает о самом себе. Платон говорил: «Созерцаемое подобно созерцающему», – отсюда можно понять, что сны, которые нам снятся, их сюжет, настроение зависят только от нас и нашего отношения к миру. Размышления Платона о вещих сновидениях можно найти в трактате «Тимей». Из трактата мы узнаем, что сон наступает тогда, когда

заканчивается день и наступает ночь. Мы спим, и глаза как бы «бездействуют», показывая нам сны. Человек обретает покой, когда полностью отстраняется от внешнего мира и расслабляется. Если мы спокойны, а в голову не лезут посторонние мысли, то сон не прерывается и развивается так, как должен. Если же человек чувствует тревогу или ему что-то мешает, то вероятнее всего его сон будет иметь тревожную и неприятную окраску. Следовательно, развитие сюжета сна прямо пропорционально зависит от спящего. Платон уверял, что сновидения могут подчиниться тому, кто очистил свою душу от страстей и желаний, которые негативно сказываются на нашей жизни (Фесикова и др., 2020). В своем трактате «О сне» Филон Александрийский предлагает четыре различных толкования образа лестницы в небеса, которая появляется в сне Иакова. Григорий Богослов и Иоанн Златоуст в IV веке толковали этот образ как восхождение по пути добродетелей, который человек может одолеть «не материальными шагами, но улучшением и исправлением нравов» (Кривцов, 2021). Древнегреческий философ-материалист Демокрит считал, что сущность сна заключается в автоматической работе мозга, во время которой отсутствует восприятие внешнего мира (Козлова и др., 2018). Все они полагали, что сновидение – природный, животный элемент человека, который помогает защититься от угрозы извне и спрогнозировать будущее (Панчишина и др., 2018).

В Средние века и эпоху Просвещения сновидения рассматривались с религиозной точки зрения, многие ученые разделились на два лагеря. Кто-то считал сновидения проявлениями божественной природы, иные – дьявольской (Каяшева и др., 2022). Были и те, кто сторонился религиозного мышления. Так, например, в XVI веке Теофраст Парацельс утверждал, что причина происхождения сновидений кроется в дневном утомлении (Меньшикова и др., 2022).

С развитием естественных наук начали появляться различные теории объяснения сновидений и их роли в жизни человека, теперь за их изучение взялись психологи, психиатры и нейрофизиологи. Нейрофизиологи поставили точку в теории сновидений, заявив, что они, во-первых, не являются чем-то мистическим, а во-вторых, их характер и образы строго индивидуальны, в связи с этим изучить их практически невозможно. Философия, психология и психоанализ до сих пор пытаются найти разгадку тайны сновидений. Так, например, философы считают, что сновидения являются отражением бессознательного бытия человека. Отчасти этой же идеи придерживаются и психологи, психоаналитики, лишь немного изменяя ее и добавляя свои выводы (Белоцерковец, 2022).

Современная доказательная наука о сновидениях появилась на границе XVIII–XIX веков и вплоть до наших дней медленно, но верно развивается и немного подбирается к истине. Первая разумная теория о сновидениях была высказана французским врачом А. Мори в 1867 году в книге «Сон и сновидения». Он проанализировал три тысячи людей и пришел к выводу, что сон – это всего лишь неверная интерпретация человеческим мозгом происходящих во время бодрствования событий. В конце XIX века британский философ Бертран Рассел предложил другую

концепцию сна. Он полагал, что бодрствование есть кошмар, в то время как сновидение – истинная реальность. В 1907 году была сформулирована гипнотоксическая теория сна, согласно которой сон наступает вследствие отравления мозга особыми ядовитыми веществами (гипнотоксинами), вырабатываемыми в процессе бодрствования. Во время сна организм освобождается от этих ядовитых веществ. Теория сна швейцарского физиолога Гесса утверждает, что существует особый центр сна. Он опытным путем пытался установить его месторасположение в головном мозге. Оказалось, раздражение электрическим током определенного участка мозга вызывает у животного глубокий сон. Русский ученый академик И. П. Павлов создал научную теорию сна (Лукаш, 2022). Он показал, что действительной причиной сна являются особые нервные процессы, происходящие в головном мозге. В результате было установлено, что **за цикл сна и пробуждения в нашем организме отвечает такая структура лимбической системы, как гипоталамус.** Вся высшая нервная деятельность складывается из разнообразных процессов возбуждения и торможения, являющихся как бы двумя сторонами единого процесса. При осуществлении нервной деятельности процессы возбуждения и торможения непрерывно взаимодействуют, сменяют друг друга (Козлова и др., 2018). Немецкий психолог О. Зельц написал книгу «Законы продуктивной и репродуктивной духовной деятельности». Его теория гласит о том, что в случае невозможности выбора определенной модели поведения в той или иной жизненной ситуации наша нервная система актуализирует всю имеющуюся информацию для анализа исходных и предполагаемых данных с целью поиска и открытия новых методов решения с помощью антиципационной связи, проникающей в сознание в виде абстракции (Романова и др., 2021). Проведенные Моурли Воульдом в рамках экспериментальной психологии наблюдения показали, что сновидения отражают своеобразную реакцию психики на внешний раздражитель во время сна. Похожие эксперименты проводит и Гильдебранд, где раздражителем сна является будильник (Книжник, 2019).

Отдельно стоит обозначить период, который нельзя назвать новейшим в истории учения о сновидениях, но и отрицать его величайшую значимость нельзя. Вероятно, именно в этот этап существования человечество подобралось очень близко к сути сновидений. Учения этого периода стали поистине революционными. Речь идет о рассвете психоанализа и его становлении, по-другому это время можно назвать «фрейдовским». В 1900 году великий психоаналитик Зигмунд Фрейд создает свой революционный фундаментальный труд «Толкование сновидений». Основной потребностью в продукции сновидений выступает информационная потребность, тесно связанная с эмоциональными и сенсорными переживаниями. Существование сновидений – путь к реализации потаенных желаний: эмоциональных, духовных, психологических, физиологических, сексуальных. Фрейд предположил, что даже самые страшные и неприятные сновидения после их толкования могут оказаться отражением желания сновидца. В том случае, если желание сокрыто, тайно, психика формирует обходную стратегию, чтобы так или иначе сделать тайное явным,

и искажает образы желаний в сновидении. Главным механизмом, препятствующим осознанию неосознаваемых идей и желаний является цензура, она ограждает нас от переживаний о самых неприятных желаниях в реальности, как бы ставя блок-фильтр на пути мыслей в наше сознание (Волкова и др., 2023). Основатель психоанализа предлагал освободить все спрятанные в глубине психического аппарата человека нежелательные мысли и ослабить действие цензуры – фактора, регулирующего проявления у личности общественно осуждаемых желаний и мотивов (Булатова и др., 2023).

У изначального последователя З. Фрейда, а затем его оппонента и создателя аналитической школы психологии Карла Густава Юнга нет четкой системы толкования снов. Психолог считал, что основная функция сновидений – компенсаторная. Он предполагал, что в сновидениях важны не эмоции, не общий фон, а именно символы, которые связаны напрямую с жизнью человека и уходят корнями во времена зарождения человечества. Юнг утверждал, что каждый символ является интерпретацией образов и событий, происходящих или происходивших с человеком (Осипов, 2021).

Еще один ученик Фрейда и создатель индивидуальной психологии Альфред Адлер полагал, что сновидения помогают нам предугадать ситуацию. Главной движущей силой человека в его социальной активности ученый считал комплекс неполноценности, который движет личностью в совершенствовании своих психических, духовных и физических характеристик. Соответственно, комплекс неполноценности обуславливает комплекс превосходства, который является единственным, фундаментальным мотивом к достижению авторитета в социуме. Следовательно, сновидения индивида также отражают его желание достигнуть превосходства в обществе и строятся на комплексе неполноценности (Осипов, 2021).

1930-е годы. Людвиг Бинсвангер – ученик З. Фрейда – в своей работе «Сон и существование» настаивает на том, что в анализе требуется раскрывать «априорную структуру конкретного существования (Dasein)». Бинсвангер подчеркивает, что для этой структуры «эротико-сексуальная тематизация является особой, но все же вторичной реализацией». Психоаналитик предлагает отодвинуть тему сексуального в сновидениях на второй план и меньше ее объективизировать. Бинсвангер, следуя за Гуссерлем в его теории знака сновидений, различает знак как признак и знак как выражение. Знак как признак есть нечто, что «оповещает о существовании других определенных предметов и положений дел в том смысле, что убежденность в бытии одних переживается им (сознанием) как непроявленная мотивация». Л. Бинсвангер полагает, что сновидения имеют имагинативный характер, а это значит, что сновидец способен воображать во сне. Он также заключает, что наличие фобий у индивида отражается в сновидениях в виде образов и символов самонаблюдения и борьбы со страхом (Магун и др., 2022).

Последователем теории Юнга был Дж. А. Холл, который утверждал, что сновидения являются естественной частью психической жизни клиента. Они служат процессу индивидуации посредством компенсации

искаженных моделей реальности, структурированных и удерживаемых бодрствующим Эго. Приснившийся сон следует записывать как можно скорее после пробуждения сновидца. Необходимо сдерживать интерполяции (вставки) бодрствующего Эго. Даже сны, близкие к бодрствующей реальности, зачастую содержат символические нюансы (Фатахтинова, 2019; Губская, 2019).

Дочь Фрейда Анна Фрейд всю свою жизнь изучала вопросы детских страхов и толкование сновидений. Еще в 1926 году она писала, что интерпретация сновидений (по З. Фрейду) детей ничем не отличается от таковой у взрослых, однако позже она изменила свою точку зрения в связи с наблюдением, что дети не могут свободно ассоциировать (Аджиева и др., 2021). Психолог Мелани Кляйн соотносила сновидения с игрой и считала, что и одно, и другое – средства самовыражения. Франсуаза Дольто частично согласилась с этой позицией. В своей работе «Психоанализ и педиатрия» она говорит следующее: «Символы не служат психоаналитикам ключами к ребусам, как некоторые хотели бы думать. Появление символа недостаточно само по себе, чтобы позволить заключить, что речь бессознательно идет о том или этом. Нужен контекст, аффективная ситуация субъекта на тот момент, когда он дает его; слова, которыми он его окружает; роль, которую этот символ играет в игре, рисунке, сновидении, рассказанной истории». В процессе работы с детьми она выстраивала доверительное отношение к ней путем толкования сновидений ребенка, а также использовала игру и рисунок (Шапошникова, 2019).

Основоположник гештальт-терапии Ф. С. Перлз полагал, что сновидения – незавершенные, избегаемые ситуации и отрицаемые стороны личности. Исследователь рассматривал персонажей и неодушевленные предметы сновидений как проекции. Иначе говоря, элементы сновидений суть образы отщепленных частей человеческой самости – эмоций, состояний, личностных ролей. Отождествляясь с персонажами и даже неодушевленными предметами сновидения, сновидец может присвоить проецируемые качества и интегрировать внутренние конфликты, благодаря чему преодолевается разделение самости. В контексте гештальт-терапии запомнившиеся сны являются важными фигурами, а забытые сны представляются частью фонового процесса сознания. Организм продукцией сновидений как бы сообщает человеку о незавершенных делах, остановленном процессе саморегуляции (Кузнецова, 2022; Кузнецова, 2022).

Ж. Лакан, психоаналитик, последователь идей З. Фрейда, писал, что сон не вводит нас в непостижимое переживание, не является чем-то мистическим, он строится на символах, ассоциированных пациентом и интерпретированных психоаналитиком (Мелехин, 2021).

М. Босс, К. Роджерс в середине XX века в экзистенциальном подходе особое внимание уделяли целостности человека. Сновидения обеспечивают возврат к необходимой целостности, к бытию-в-мире и позволяют увидеть человека таким, какой он есть с его неразрешенными проблемами. Сновидения – это часть человеческого бытия, необходимая для получения человеком нового опыта, при этом нет необходимости перевода, интерпретации сновидений, как в психоанализе. Сновидения раскрывают

способы присутствия человека в мире и показывают скрытые, нереализованные возможности. В когнитивно-ориентированном подходе сновидения связывают с когнитивными процессами и искажениями. Сновидное мышление имеет определенную специфику (нелогично, символично, метафорично и т. д.), описание клиентом своих сновидений является субъективным, что приводит к когнитивным искажениям. Идея об ущербоности сновидений, их когнитивной недостаточности, нерелексивности и выраженной тенденции к забыванию по сравнению с бодрствующим сознанием длительное время подчеркивалась во многих исследованиях, но вследствие развития психологической науки и появления новых исследований в этой сфере была высказана мысль о возможности существования непрерывной связи между различными уровнями сознания. В 50-х годы XX века Дж. Адельсон было сделано предположение о том, что сны являются дологическим способом репрезентации и зависят от индивидуальных особенностей человека (Каяшева и др., 2022).

Э. Берн в книге «Психиатрия и психоанализ для непосвященных» 1947 года пишет: «Сновидения – это замаскированное исполнение желаний». Психолог также заключает, что сновидения исцеляют психику от эмоциональных ран и потрясших эмоциональных переживаний (Мелехин, 2021).

После был период активного исследования сновидений с точки зрения психофизиологии. Такими исследованиями занимались Н. Винер (информационная теория), В. С. Роттенберг, А. Хобсон и Р. Маккарли (активационная теория), И. Пигарёв (висцеральная теория сна) и другие. С точки зрения психофизиологии работа Ю. Азерински и Н. Клейтмана лучше всего описывает причину того, почему мы запоминаем или забываем сновидение – из-за особенности работы нашего мозга в период сна, а конкретно все зависит от фазы, в которую человек проснется (Волкова и др., 2023).

Р. Гринсон, последователь З. Фрейда, в 1999 году указывает, что в отличие от вышеперечисленных феноменов сновидение является самым доступным способом приближения к бессознательному, так как сновидения случаются гораздо чаще, чем иные его проявления (Шендрик, 2023).

Советский физиолог Петр Кузьмич Анохин ввел понятие «акцептор результата действия». Это физиологический аппарат предвидения и оценки результатов нашего действия. Благодаря акцептору результата действия наш мозг заранее знает, что хочет получить, до того, как это случится в реальности. Есть уже готовый проект в нашем подсознании про ту или иную действительность в перспективе. Эта теория также объясняет смысл сновидений как осуществление желаний (Великанова, 2021).

В 1974 году Артур Самуэльс в статье «Транзактноаналитический подход в работе со сновидениями» развивает идею Э. Берна. Он пишет: «Сон можно представить, как динамическую, символическую репрезентацию жизненной позиции человека в пределах его жизненного сценария... сновидение похоже на чрезвычайно детализированную картину того места, где на данный момент проживает спящий. Если отстраниться от деталей, мы можем видеть широкое течение – то, откуда клиент пришел и куда

он идет в своем сценарии или вне его. Это исследование демонстрирует метод, с помощью которого эта символика может быть передана в терминах транзактного анализа». В «Транзактноаналитическом журнале» в 1987 году появилась статья «Работа со сновидениями в терапии перерешений» Джорджа Томсона. По мнению автора, «сновидения, сохраняющиеся в памяти, аналогичны нашему прошлому, которое актуально для нас на данный момент; а окончание сна аналогично нашему настоящему, которое включает в себя фрустрацию, рэкетные чувства, привычные на данном этапе жизни; создавая новое окончание для сна, мы тем самым создаем аналогию будущего и делаем необходимые для изменения перерешения». В 1989 году Уллман и Зиммерман возвращаются к идее, что все сновидения – это попытки разрешения эмоциональных проблем. Интересно мнение Хартманна, который считал, что сновидения сами по себе являются природным психотерапевтическим процессом. Согласно его концепции, сновидение позволяет войти во взрослое Эго-состояние для того, чтобы решить и изменить реальную актуальную ситуацию, создать процесс перерешения – в терминах транзактного анализа. Содержание сна, выражая эмоционально актуальный материал бессознательного, включает Эго-состояние Взрослого для возможного анализа, сопоставления и осознания, подготавливая материал для обновления, принятия нового решения и исцеления (Волкова и др., 2023).

В 1933 году Дж. Аланом Хобсоном и в 1977 году Робертом Макларли была предложена модель синтеза активации сновидения. Согласно данной теории, элементы сновидений возникают вследствие обработки и синтеза информации, которая генерируется при активизации моторной коры и сенсорных систем головного мозга. Мозг первоначально активизируется, а после синтезирует информацию как некоторое отражение, формируя при этом сновидение. Согласно этой модели, сны являются субъективным интерпретированием сигналов головного мозга, находящегося в состоянии внешнего покоя. Современную историю в изучении сновидений открыла теория американского нейробиолога Эрика Хоэла, который выдвинул гипотезу об истинном назначении сновидений. В основе его теории лежит положение о том, что сны являются своеобразным инструментом для обобщения накопленного повседневного опыта. Ученый в подтверждение своей позиции приводит аргумент, что во сне всплывают моменты, многократно повторяющиеся в реальной жизни, следовательно, в данном случае происходит анализ и мозг пытается обобщить задачу, создавая сны (Меньшикова и др., 2022).

Активно развиваются теории сновидений в последние 20 лет, особый интерес к сомнологии появился и в России. Как утверждает Д. В. Сычев, в зависимости от пережитых позитивных или негативных событий человеку снятся разные по содержанию сны. Р. Фридман, изучая групповые сновидения, считает, что сновидения могут быть наведены на человека группой или подгруппой на бессознательном уровне, он рассматривает сновидения как проективную идентификацию. С. В. Авакумов и Н. В. Уланова в свою очередь пишут о наличии связи

между индивидуально-психологическими особенностями, биосоциальными характеристиками и содержанием сновидений. Авторы обращают внимание на то, что душевный дискомфорт приводит к появлению в снах образов, выражающих центральную проблематику личности, которая к тому же, в зависимости от ее характера, соответствует и определенному психотипу (Курганов, 2020; Герасименко, 2021). За рубежом в последнее время стало появляться все больше работ, связанных с данной темой. Н. Вайнштейн, Р. Кэмпбелл, М. Ванстенкисте были первыми, кто исследовал вопрос, отражается ли у человека во сне переживание психологической потребности и происходит ли потом удовлетворение ее в бодрствовании. Они пришли к тому, что расстройство психологической потребности может играть главную роль в выявлении негативных тем сновидений, а также подчеркивают, что само переживание психологической потребности связано с возникновением негативных сновидений. Еще одна группа ученых, в число которых входят П. Сикка, А. Песонен и А. Ревонсуо, занималась изучением того, как душевное беспокойство и спокойствие связаны с аффективным содержанием сновидения. Авторы считают, что первыми провели исследование, в котором душевное спокойствие рассматривалось как отдельный аспект благополучия. Многоуровневый анализ показал, что симптомы тревоги и другие симптомы душевного беспокойства были связаны с отрицательными сновидениями, а душевное спокойствие было связано с положительными сновидениями. Таким образом, авторы пришли к выводу о том, что отчеты людей о сновидениях могут служить своеобразными маркерами их психологического здоровья. С. Гилкрист, Дж. Дэвидсон и Дж. Шекспир-Финч обнаружили, что некоторые эмоции, которые человек может испытывать наяву, вызывают определенные эмоции в сновидениях. Например, любовь в сновидениях вызвана радостью, испытываемой человеком в бодрствовании. Исследуя самочувствие в состоянии бодрствования, М. Благров, Л. Фармер и Е. Вильямс изучили связь плохого самочувствия и тяжелых снов и пришли к заключению о том, что плохое самочувствие связано с частотой неприятных снов и негативной реакцией на кошмары, то есть коррелирует с тем, как часто снятся кошмары и насколько плохое эмоциональное состояние у сновидца (Герасименко, 2021). Т. А. Свиридченкова выявила взаимосвязь вторичных образов сновидений и тревожности. А именно яркие цвета, температурные ощущения, отрицательный эмоциональный фон, кошмары в сновидениях говорят об остроте переживания страха и также часто проявляются в снах; образы матери, родственников, дома символизируют защищенность, а наблюдение со стороны – снижение остроты страха; повторяющиеся сновидения указывают на проработку конфликта (Васькова и др., 2021).

В России изучением сновидений занимается Российское общество исследователей сновидений под руководством профессора Е. А. Корабельниковой, организованное в 2014 году, есть и зарубежные подобные организации. Среди работ ученых этой организации выделяются как особое направление исследования Е. А. Корабельниковой, посвященные сновидениям при невротических расстройствах. Хочется отметить

также труды, направленные на общее изучение понимания природы сновидений. Большой вклад в изучение сновидений внесла Т. Н. Березина. Исследованием измененных состояний сознания и использованием данных, полученных в ИСС, серьезно занимается в настоящее время А. В. Россохин (Курганов, 2018).

Концепция сновидений по З. Фрейду

Новая веха в истории изучения сновидений началась в конце XIX – начале XX века, когда великий венский психоаналитик Зигмунд Фрейд в 1900 году опубликовал свой революционный труд «Толкование сновидений». Эта работа произвела фурор во всем научном мире того времени, да и сейчас остается одной из главных в науке о сновидениях. Теорию сновидений З. Фрейда порицали, опровергали, к ней прислушивались, брали за основу, и даже в наши дни исследователи сновидений отталкиваются от фундаментального труда психоаналитика и строят свои гипотезы и концепции, проводят исследования на основе этой книги.

З. Фрейд считал, что основным мотивом появления продукции сновидений выступает информационная потребность, которая напрямую связана с получением сенсорных, эмоциональных переживаний и новых впечатлений. Существование человека в пространстве сновидений открывает дорогу к реализации биологических, психологических и духовных потребностей. Психоаналитик утверждал, что сновидение имеет скрытый смысл и, чтобы выяснить подлинное содержание сна, нужно попытаться расшифровать значение символов. Толкование сновидений – ключ к скрытому содержанию, которое находится в бессознательном. При толковании фантастических образов сновидца прежде всего нужно учитывать всю его жизнь, структуру личности, эмоции, переживания, психические травмы и т. д. Обращать внимание не на все сновидение целиком, а на его отдельные образы. Будучи правильно проинтерпретированными, символы сновидения позже можно собрать в логически выстроенную цепочку общей картины душевной жизни пациента. Сновидения – полноценные психические явления. З. Фрейд полагал, что они являются галлюцинаторным осуществлением желания, таковыми являются даже самые страшные и кошмарные из них. Там, где желание скрыто, замаскировано, проявляется тенденция, противоположная желанию, и вследствие этого желание находит выход из тьмы неизвестности исключительно в искаженном виде. В создании продукции сновидения играют роль две психические силы, одна из которых образует желание, а вторая выполняют цензурирующую функцию. Именно цензура допускает все наши мысли, чувства, сексуальные возбуждения, страхи в наше сознание (то есть в сновидение), туда, где мы осознаем себя и свои чувства (Волкова и др., 2023; Меньшикова и др., 2022; Каяшева и др., 2022; Трапезников и др., 2021). *Так, например, если человек думает на протяжении дня о желании съесть большой кусок вкусной пиццы, но засыпает с приходом полночи, так и не осуществив этого, сверхценная идея трапезы попадет в бессознательное, и, следовательно, человек не будет ее*

осознавать. Он забудет о том, что когда-то хотел кусок пищи, однако нереализованное и теперь уже неосознаваемое желание будет преследовать его в сновидениях вследствие пропускной работы цензуры. В сновидении этот человек будет с огромным удовольствием есть уже не кусок пищи, а всю пищу целиком. Так, сновидение дает индивиду возможность не только реализовать несбывшееся желание, но и увеличивает наслаждение от полученного в фантазии результата. Однако в случае социально осуждаемых, антиморальных желаний, таких, например, как раздумья о смерти, убийствах, развратных сексуальных действиях, сновидения будут иметь совершенно иной вид и тон. Желания будут ограничены цензурой и не будут направлены в сознательное. Таким образом, человек увидит страшные кошмары, искаженные лица людей, формы, в сновидениях будут присутствовать страх и тревожность. Это связано также с действием морально-нравственных, религиозных ограничений, скрытых в еще одной структуре – предсознательном. Основатель психоанализа предлагал освободить все спрятанные в глубине психического аппарата человека нежелательные мысли и ослабить действие цензуры – фактора, регулирующего проявления у личности общественно осуждаемых желаний и мотивов. З. Фрейд считал, что этиология сновидений сводится к восприятию человеком различных раздражений физической и психической природы. Также он обозначил основной принцип – сон есть исполнение желаний (Меньшикова и др., 2022; Каяшева и др., 2022; Булатова и др., 2023; Васькова и др., 2021; Трапезников и др., 2021).

З. Фрейд проанализировал и описал различные механизмы работы сновидения, такие как сгущение, смещение, вытеснение, вторичная обработка и т. д. Смещение, например, может быть двух видов: элемент скрытых мыслей замещается намеком (вместо исходного объекта появляется совершенно иной, однако некоторые детали первого объекта сохраняются), или эмоциональная окраска смещается с какого-то важного элемента на менее важный. При работе сгущения происходит объединение нескольких прожитых событий, испытанных эмоций и персонажей. Все элементы сновидения, имеющие общие черты, совмещаются. Получается так, что за одним элементом сновидения стоит несколько схожих в скрытых мыслях частей (Волкова и др., 2023). Например, в сновидении о близком человеке с голубыми глазами спящий видит в сновидении не только своего знакомого, но и других лиц с голубыми глазами. Другой пример. У юноши есть любимая кошка, которая всегда ассоциировалась у него с любящей матерью. Вот мать молодого человека заболевает и вынуждена передвигаться на инвалидной коляске, а он всеми силами пытается помочь ей выздороветь, давая ей прописанные врачом лекарства. По ночам ему снится любимая кошка в инвалидной коляске, он пытается накормить ее молоком, в кружке с которым плавают таблетки. Таким образом сновидение сгущает и смешивает несколько элементов в одно целое. Вытеснение – это процесс отрицания и отклонения желания, при котором изменяется объект желания, но сила эмоций сохраняется (Волкова и др., 2023). Вытеснение активнее всего проявляется в любовных и сексуальных сновидениях. Например, очень осторожная, немного невротичная

девушка с ранимой душой увлеклась юношей, и у нее завязались с ним романтические отношения. Через некоторое время она поняла, что ее чувства к юноше оказались ложными, но в связи со своим характером и патологической привязанностью она не может расстаться с ним, боясь навредить человеку. Ее любовь к нему угасла, остались лишь естественные сексуальные желания. Весь период внутреннего конфликта она видит сновидение, как испытывает интимную близость с молодым человеком, она ощущает те же эмоции, что и с уже нелюбимым ею юношей, однако лицо в сновидении у молодого человека совершенно иное, формы тела другие. Таким образом, она, испытывая то же самое сексуальное влечение, вытесняет образ уже нелюбимого человека из своей головы. Это говорит о том, что девушка искренне желает найти другого человека и испытать с ним любовные радости, но никак не может расстаться с молодым человеком, опасаясь клейма разрушителя отношений.

3. Фрейд при толковании сновидений советовал клиенту подумать над своим сновидением и предположить, что бы мог значить тот или иной символ. Таким образом, приходящие в голову пациента идеи не являлись чисто случайными, а были высоко детерминированы и отражали суть элементов сновидений. Оставалось лишь грамотно все сложить воедино и перевести на язык реальности (Волкова и др., 2023). Например, символ развалившегося дома в сновидении, по мнению клиента, может означать разбитость. И это будет верным предположением, если далее в контексте толкования и анамнеза жизни и заболевания мы узнаем, что в последнее время человек профессионально выгорел и даже дома ему приходится продолжать свою работу, а привычные домашние дела и вовсе больше не приносят ему счастья и удовлетворения. С точки зрения Фрейда, главная функция сновидения – обеспечение психологического комфорта путем осуществления в сновидной (символической) форме не осуществленных в период бодрствования желаний; сновидение – это относительно безобидный способ реализации бессознательных инстинктивных импульсов, а также разрешения внутриличностных конфликтов, их эмоционального отреагирования (Меньшикова и др., 2022; Каяшева и др., 2022; Шендрик, 2023; Васькова и др., 2021; Трапезников и др., 2021).

Согласно З. Фрейду, сновидения являются продуктом столкновения бессознательного и сознательного. Первое создает невероятные, фантастические образы, а второе пытается интерпретировать их согласно законам логики. Какие же этапы синтеза сновидения обозначил психоаналитик?

1. **Синтез отдельных элементов сновидения.** На данном этапе абстрактные понятия, мысли, эмоции, чувства, потаенные желания принимают вид конкретного образа, элемента, или объекта, сновидения. Можно условно сказать, что мы хотим из своей фантастической несообразной и нелепой выдумки создать грамотно выверенную книгу легенд по всем правилам повествования, с хорошим сюжетом. Весь процесс синтеза контролируется цензурой, которая днем фильтрует неприемлемые побуждения и желания, а ночью или в момент дневного сна их

пропускает в сознательное, при этом сильно их искажая (Белоцерковец, 2022; Панчишина и др., 2018).

2. **Сгущение.** Его роль заключается в воплощении нескольких элементов скрытого сновидения в одном (Белоцерковец, 2022; Панчишина и др., 2018). Так, например, ваш знакомый постоянно носит золотые часы на правой руке и очки с треснутой оправой. При работе сгущения вам может присниться совершенно другой человек, ни фигурой, ни лицом не похожий на вашего знакомого, однако вы сразу заметите те самые золотые часы на правой руке и/или очки с треснутой оправой, которые по законам логики этому человеку не принадлежат.

3. **Смещение.** Смысл смещения заключается в замене элемента скрытого сновидения намеком. При этом происходит смещение акцента с одних элементов сновидения на другие, таким образом, что важнейшие элементы скрытого сновидения становятся незаметными в явном сновидении, и наоборот (Белоцерковец, 2022; Панчишина и др., 2018).

4. **Вторичная обработка.** Этот механизм превращает явное сновидение в осмысленное (Белоцерковец, 2022; Панчишина и др., 2018). Таким образом, благодаря вторичной обработке мы видим не просто образы, а цельный логически выстроенный рассказ. Например, нам не снятся кошки с двумя головами и тремя ногами, надевшие на себя жакет и бессмысленно блуждающие в двумерном пространстве космоса, попивая молочный коктейль, при этом их ноги имеют разный размер и вообще отделены от тела. Нет, это больше похоже на бред. Благодаря вторичной обработке наше сновидение становится менее абстрактным и более логичным. Тогда мы видим, что у кошек две головы, но одна пришта в время биологического эксперимента, у них не по три ноги, а четыре, но одна поврежденная замотана бинтом, на животных не жакет, а темная шерсть, пьют они не коктейль, а молоко из миски и путешествуют не в космосе, а это просто мы смотрим на них снизу вверх и видим над ними звездное небо.

Все эти процессы идут друг за другом, и лишь изредка механизмы могут нарушаться. Тогда человек либо просыпается, либо сновидение не запоминается совершенно и определяется мозгом как бракованный продукт сна. Мыслитель разделял трансформацию реальной информации в сновидениях на три процесса:

1. Отдаленная ассоциация в процессе появления образа;
2. Сгущение образов с вероятностью наложения их друг на друга;
3. Символизация – преобразование мысли в зрительные образы (Белоцерковец, 2022).

3. Фрейд полагал, что сновидения – это регрессия (возвращение) к прошлому. Именно поэтому он рассматривал сновидения как диагностический способ в выявлении детских травм и переживаний.

Психоаналитик утверждал, что символы сновидений уникальны и личностно детерминированы. Все же если говорить об определенных образах, то разбойники, дикие животные, падающие здания, войны, конфликты, вулканы – все это искаженные символы наших настоящих фобий, страхов, переживаний. Все, что имеет негативную, тревожную

окраску в сновидении, угрожающую сновидцу внутри его сна, практически всегда является фактором жизненных беспокойств (Магун и др., 2022; Трапезников и др., 2021). Например, менеджер фирмы терпит угрозы и притеснения со стороны своего начальника, он боится увольнения больше всего на свете, это связано с тем, что он является единственным кормильцем в семье. В случае отстранения его от работы жена и дети останутся голодными. У мужчины нарастают стресс, страх быть уволенным, появляются апатия, симптомы нарастающего невроза. Рефлексируя дома в кругу семьи за обеденным столом, менеджер называет своего начальника «бешеным псом». Сам того не осознавая, он создает продуктивную ассоциацию. Тут же мужчину начинают мучить сновидения, в которых он встречается лицом к лицу со страшной собакой, которая скалит зубы и нападает на сновидца. Он пытается убежать от нее, но та все догоняет и догоняет, кусает его за ноги. Таким образом, мы видим работу смещения, сгущения и вторичной обработки. В сновидении этого человека начальник по-настоящему становится бешеным псом. А попытка убежать от собаки в сновидении отражает желание менеджера избавиться от притеснения со стороны начальника, но пока ему это не удастся, и он ощущает приближающуюся угрозу увольнения (собака кусает за ноги). Исходя из вышесказанного, мы можем заключить, что фрейдовский субъект всегда находится в тревоге и пытается застраховать самого себя через постоянное переживание тревоги (Магун и др., 2022; Трапезников и др., 2021).

Из теории З. Фрейда мы можем синтезировать несколько положений. Во-первых, сновидения представляют собой искаженную замену бессознательных желаний. Во-вторых, функция сновидения заключается в защите сна. Галлюцинаторное исполнение желаний оберегает наш сон. В-третьих, образы предметов, местностей и проч. в сновидении подвергаются сгущению, смещению, вторичной обработке. А мысли и идеи в виде желаний преобразовываются в зрительные образы (Меньшикова и др., 2021).

В статье «Метапсихологическое дополнение к учению о сновидениях» Фрейд пишет, что сновидение является одним из феноменов, которые могут быть названы «нормальными прообразами болезненных проявлений» (Великанова, 2021). Сновидения психоаналитик рассматривает наравне с парапраксиями, оговорками, описками, свободными ассоциациями и остроумием, которые также являются проявлением бессознательных стремлений. Метод Фрейда – сведение сложного к простому, примитивному и архаичному. Психоанализ представляет собой театр масок, где главным актером является желание (Осипов, 2021). Фрейд предполагает, что конечная ценность интерпретации сновидений для психоаналитика может заключаться в том, что она раскрывает понимание работы бессознательного пациента (Трапезников и др., 2021). Венский психоаналитик также описывает этиологию сновидений, он считает, что есть три основные причины наших сновидений:

1. Сновидения всегда черпают материал из нашей дневной активности: «артефакты» бодрствования и остатки дневных впечатлений остаются в

нашей памяти и являются субстратом, на котором позднее вырастают обработанные и логически выстроенные образы.

2. Содержание сновидения может быть извлечено из наших физических ощущений, то есть порождено соматическими источниками. Так, например, нам может сниться, что мы стоим голыми стопами на тонком льду реки в очень холодный зимний день. На самом же деле в этот момент с наших стоп сползло одеяло, и наш организм ощущает колебания температур (Трапезников и др., 2021; Браева, 2020).

3. Образы сновидений могут быть почерпнуты из детских страхов сновидца, которые давно забыты в бодрствовании (Трапезников и др., 2021).

Теория Фрейда относительно образов сновидений сводилась к отдельным символам, указывающим на запретные импульсы полового влечения. Такой взгляд упрощал и ставил жесткие рамки при анализе сновидений, что в свою очередь не могло не вызвать критику (Долматова и др., 2021).

3. Фрейд в своих работах освещает понятия витальности и танатальности, то есть бессознательных влечений жизни и смерти. Общая витальная ориентированность не исчезает даже в тех сновидениях, которые демонстрируют «танатальное» (картины смерти, падения в бездну, ощущения страха, тоски, безысходности и т. п.), поскольку, во-первых, пробуждение от таких снов чаще всего приносит радостное успокоение (увиденное и пережитое было не «на самом деле»), а во-вторых, может инициировать философскую рефлексию и стать источником формирования и переформирования смысложизненных установок человека и его жизненных проектов (Карпова, 2019).

Психоаналитик пришел к выводу, что все символы сновидений являются проявлением сексуальных инстинктов (эдипов комплекс, комплекс Электры, явление переноса и т. д.). Фрейд считал многие продолговатые предметы в сновидениях (ручка, зонт, нож) символом пениса, а округлые (яблоко, тарелка, чашка, кувшин) – маткой. Позже он сам сомневался в правильности толкования символов определенной формы как половых органов обоих полов (Ревазов, 2018).

Таким образом, по **З. Фрейду, сновидения – осуществление бессознательных желаний, подвергшихся искажению путем обработки цензурой и проявившихся в виде фантастических образов.**

Понятие сновидения в аналитической психологии К. Г. Юнга и индивидуальной психологии А. Адлера

В работах цюрихского врача, психолога, психотерапевта Карла Густава Юнга также прослеживается попытка анализа сновидений. Основатель аналитической школы психологии призывал сновидца не фиксироваться на свободных ассоциациях, а сосредоточиться на конкретном образе сновидения и дать ему как можно больше аналогий (Булатова и др., 2023). Он придерживался идеи о том, что сны раскрывают нам мотивы бессознательного, нежели содержат что-то тайное. К. Г. Юнг считал сновидения естественным выражением человеческого воображения, использующего

простейший язык из имеющихся у нас в распоряжении, чаще всего это мифическое представление. Он предполагал, что сновидения совершают работу по интеграции нашей сознательной и бессознательной жизни, этот процесс психолог назвал *индивидуацией*, выделением единичного и частного из чего-то общего. Ученый считал, что архетипические образы снов приносят равновесие в наше сознание. Суть сновидений по К. Г. Юнгу – сплошная алхимия. Это связано с тем, что психотерапевт брал информацию о сновидениях из средневековых текстов. Он предполагал, что архетипические образы, приходящие через сны, получены через различные органы и мыслительные центры в теле и представляют собой эволюционные двигатели. Позже Юнг ввел новые термины в свою теорию. Хотя на самом деле эта была все та же теория сновидений З. Фрейда, создатель аналитической школы психологии всего лишь немного переделал ее под себя и ввел новые, не совсем гармоничные и уместные понятия, такие как «перспективный уровень», «субъективный аспект», «компенсация», «метод усиления» (Меньшикова и др., 2022; Осипов, 2021; Васькова и др., 2021; Карпова, 2019; Еремеева и др., 2019).

По К. Г. Юнгу, сон является индикатором тех или иных изменений, которые указывают на развитие процесса индивидуации. Например, если девушка увидит во сне своего отца, то это вовсе не воспоминание о ее отце, а скорее мужская установка самой девушки. Он рассматривал сновидения как внутреннюю карту будущей психической эволюции человека к более сбалансированным отношениям между его Эго и бессознательным. Юнгианское сновидение стремится к целостности через равновесие и гармонию. Сновидение в понимании К. Г. Юнга – интеллектуальная оценка себя, не нуждающаяся в пересмотре, это сновидение подвижно. Ученый считал, что бессознательное может показывать спящему негативные аспекты его жизни, которые человек никогда не хотел бы вспоминать, поэтому образы сновидения, полученные от бессознательного, могут приниматься человеком очень болезненно (Меньшикова и др., 2022; Осипов, 2021; Васькова и др., 2021; Карпова, 2019; Гибадуллина и др., 2023).

Перспективные сновидения способствуют развитию личности, они появляются в момент, когда сознательная позиция слаба, а бессознательное пытается показать сновидцу возможные последствия его жизненного выбора. Перспективные сновидения являются неким предсказанием будущего. Их работа заключается в анализе всех полученных данных из окружающего мира, личных переживаний человека, его эмоций, страхов. Такие сновидения после должного анализа производят синтез необходимой идеальной модели поведения человека в сложившейся ситуации, взвешивают все риски и помогают просчитать ходы наперед, как в шахматной партии. **Предупреждающие сновидения** можно сравнить с планом действий на будущее. В таких снах очень часто бывают чрезвычайно абсурдные символы и знаки, но люди годами хранят память о них, им тяжело забыть такие сны, потому что в них есть живость образов, захватывающая внимание. Это архетипические сны, они богаты своей структурой, отличаются уникальностью. Такие сновидения чаще всего приходят

в самые важные и переходные моменты в жизни: во время душевного подъема или неуверенности, способствуя достижению большей целостности личности человека (Карпова, 2019; Гибадуллина и др., 2023).

К. Г. Юнг считал, что необходимо исследовать личное отношение сновидца к предметам, объектам, персонажам, которыми наполняется сновидение, немаловажно определить эмоциональный фон носителя сновидения (Романова и др., 2021; Карпова, 2019). Сам Юнг испытал «конфронтацию с бессознательным», скорее всего, это был психотический эпизод, в котором, как и мифологический герой, он отправился в бездонный подземный мир, чтобы противостоять и победить своих демонов. Там он беседовал с Саломеей, красивой женщиной, которую он считал образцом женственности, и Филимоном, стариком с белой бородой и крыльями зимородка, образцом мудрого старика. Саломея и Филимон – это не просто одноразовые видения, они обрели собственную жизнь и выразили то, о чем Юнг раньше не думал (Кривцов, 2021).

Психолог аналитической школы предлагал увидеть в сновидениях лечебное свойство психики. Он различал два типа компенсации. Одна наблюдается в индивидуальных сновидениях и компенсирует сложившиеся односторонние установки Эго, ориентируя его к всестороннему пониманию. А вторую можно увидеть в большой серии сновидений, в которых компенсация организуется в процесс индивидуации. Чтобы понять процесс компенсации, надо анализировать каждый образ, а чтобы разобраться в процессе индивидуации, необходимо знать мифологию, фольклор и историю древних народов. Первым шагом К. Г. Юнг считал личные ассоциации, связанные с образом сна, далее он выявлял культурный смысл этого образа. На более глубоком уровне трактовки определялся цельный архетип (Губская, 2019; Карпова, 2019). Например, вам приснился сон, в котором есть образ тигра. Первое, что необходимо сделать, – найти ассоциацию с собой. Вы так же быстры, свирепы, агрессивны к окружающим, чувствуете свое превосходство. Второй шаг – это поиск культурного смысла в образе тигра. Если вы живете в России, то самый ближайший в культурной оценке тигр – амурский тигр. Его почитание в культуре России достаточно велико. Народы Дальнего Востока восхищаются его великолепием, стойкостью, несгибаемым нравом. А далее вы можете проанализировать все вкуче и найти в себе целый архетип тигра, с характерным для него поведением, характером, особенностями.

Главный вывод Юнга заключался в том, что сны выражают аспекты личности, которые не полностью развиваются в бодрствующей жизни (Браева, 2020). Во сне неминуемо проявляются главные персонажи коллективного бессознательного, которые считаются архетипами: Эго – представляет собой облик Я. Во сне герой ведет себя, как правило, по схожим со сновидцем моделям. Персона (маска) – это образ человека, каким он непосредственно презентует себя в социуме. Через сон данный архетип проявляет себя в одежде, косметике, имиджевых атрибутах. Тень – архетип, связанный с особенностями Персоны, которые индивид прячет, потому что не хочет принимать их в себе или не способен отыскать в себе. Тень выражается во сне через предметы черного

цвета. Анима и Анимус – архетипы, которые воплощают в себе мужские и женские переживания. Они отображают взаимоотношения с противоположным полом в реальности. Самость – более непростой архетип, который выражает глубину духовной традиции. Во сне проявляется через атрибутику именно той духовной традиции, к которой принадлежит человек. Юнг выделял два подхода к рассмотрению сновидений: объективный и субъективный. Объективный подход означает, что любой образ и персонаж соотносятся с реалиями жизни сновидца. Субъективный подход свидетельствует о том, что любой образ считается составляющей самого сновидца, компонентом его души (Карпова, 2019; Агирбова и др., 2019).

По сравнению со своими коллегами-психологами Альфред Адлер имел совершенно другое представление о сновидениях. Он утверждал, что сновидения являются как бы «пророческими», они заставляют задуматься над жизненными трудностями будущего. В основе его теории лежало положение о том, что сновидения служат предпосылками или попытками к решению проблемы, а не указателем на их наличие в жизни индивида. Адлер полагал, что сновидения имеют стремление предсказать будущее, в котором человек прогнозирует трудности на его жизненном пути (Меньшикова и др., 2022). По А. Адлеру, жизнь человека, его поведение составляют основу целям и его желаниям, во сне человек прорабатывает планы, страхи, надежды. Он считал сновидения бессознательным приемом сосредоточения на важных деталях и целях сознательной жизни. В сновидении желания и цели акцентируются, возможно, и в преувеличенных формах, поэтому часто могут возникать не только сновидения с исполнением желаний, но и грандиозные образы исполнения самых невозможных и смелых фантазий (Романова и др., 2021). По мнению Адлера, непонятный сон – это завуалированное стремление к господству. Одной из причин этого стремления является комплекс превосходства, выражающийся в тенденции преувеличивать свои физические, интеллектуальные или социальные способности. Комплекс превосходства – единый, фундаментальный мотив; это стремление является общим для всех и в норме, и в патологии; как цель может принимать и негативное (слабая способность к адаптации), и позитивное (высокая способность к адаптации) направление. Стремление к превосходству связано с большими энергетическими затратами – уровень напряжения растет; это стремление проявляется как на уровне индивидуума, так и на уровне общества – человек стремится совершенствовать саму культуру общества (Осипов, 2021). Он также считал, что именно установки, психическое состояние и поступки могут бессознательно отражаться на процессе и результате сновидения (Агирбова и др., 2019). Так, например, если в сновидении человека присутствует командование армией, подчиненными, война, то это означает, что индивид пытается обозначить свою авторитетную позицию в обществе, с чем у него определенно имеются проблемы. Если же в сновидении вы учитесь, ведете занятие, занимаетесь исследованиями, то это означает, что вы задумываетесь над своей академической успеваемостью и осознаете проблему нехватки знаний, а значит, во сне предполагаете, как можно решить эту проблему.

Теория сновидений К. Г. Юнга и А. Адлера похожи своей направленностью на Эго и бессознательное человека, но имеют главные различия. **К. Г. Юнг предлагает обратиться к нашей культуре, человеческой памяти и коллективному бессознательному, отыскать в сновидениях смысл наших эволюционных моделей поведения, а Альфред Адлер ориентирует сновидения на осознание будущей модели поведения, поиск решения, выхода из наших личностных комплексов, согласно наличию предпосылок индивидуальных проблем.**

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Агирбова Д. М., Салпагарова М.* Научные представления по отражению психологического состояния человека в его сновидениях // *Инновационное развитие: потенциал науки и современного образования.* 2019. С. 244–252.
2. *Аджиева Г. Э., Колесникова В. И.* Анализ типологических особенностей сновидных образов в контексте аналитической психологии // *Образовательная среда организации: связь поколений в вопросах духовно-нравственного и патриотического воспитания человека и гражданина. Сборник трудов III Международной научно-практической конференции.* Ижевск. 2021. С. 84–92.
3. *Алгушаева А. Т.* Для чего нужны сновидения? // *Мавлютовские чтения. Материалы XVI Всероссийской молодежной научной конференции.* Уфа, 2022. С. 1217–1221.
4. *Белоцерковец А.* Сон как философско-антропологический феномен (на материале работ З. Фрейда) // *Переломные моменты истории: люди, события, исследования. Материалы международной научной конференции, посвященной 350-летию со дня рождения Петра Великого.* СПб., 2022. С. 151–155.
5. *Браева Д.А.* Загадки сновидений // *Аллея науки.* 2020. Т. 1. № 12(51). С. 258–260.
6. *Булатова И. А., Ванюков В. В., Тютюнищикова В. Д.* Связь индивидуально-типологических особенностей личности с характером сновидений // *Пермский медицинский журнал.* 2023. Т. 40. № 1. С. 5–15. doi 10.17816/pmj4015-15.
7. *Васькова Е. В., Зыкова Е. А., Подольская И. А.* Взаимосвязь образов сновидений с личностными характеристиками у старшеклассников // *Калужский экономический вестник.* 2021. № 2. С. 42–45.
8. *Великанова Л. В.* Место сновидения в структуре мышления: психоаналитический подход // *Антропология сновидений. Сборник научных статей по материалам конференции.* М., 2021. С. 271–279.
9. *Веселкова Е. А., Бродская Е. А.* Динамика сновидений в психологическом консультировании, как фактор эффективности работы // *The Scientific Heritage.* 2020. Т. 44. № 4. С. 49–51.
10. *Волкова С. Д., Щеголева Т. М.* Сновидения как феномен бессознательного в психоанализе // *Проблемы теории и практики современной психологии. Материалы XXII Всероссийской с международным участием научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых*

- ученых, посвященной 30-летнему юбилею факультета психологии ИГУ. Иркутск. 2023. С. 35–37.
11. Герасименко Я.А. Психологические характеристики сновидений и их влияние на самочувствие в состоянии бодрствования // Северо-Кавказский психологический вестник. 2021. Т. 19. № 3. С. 5–26. doi 10.21702/ncrb.2021.3.1.
 12. Гибадуллина Ф. Б., Ахметова Э. Ф., Мусина З. Р., Чужекова В. В. Сон и его значение // Научные исследования молодых ученых. Сборник статей XXIII Международной научно-практической конференции. Пенза, 2023. С. 335–338.
 13. Губская С. Б. Сон и сновидения // Путь России: экономические, социальные, культурные векторы и международный контекст. Сборник материалов XIV Международной научно-практической конференции. Ставрополь. 2019. С. 196–202.
 14. Долматова В. Н., Григорьев В. М. Антиципирующий характер сновидений в развитии личности с позиции психоаналитического подхода // Тенденции развития науки и образования. 2021. Т. 75. № 4. С. 50–56. doi 10.18411/lj-07-2021-126.
 15. Дубровина И. С. Роль анализа сновидения при описании концепта фрустрации // Язык и действительность. Научные чтения на кафедре романских языков им. В. Г. Гака. Сборник статей по итогам III международной конференции. М., 2018. С. 118–121.
 16. Еремеева Ю. В., Бар Н. С. Подходы к толкованию сновидений у представителей психоаналитического направления // XXIII Царскосельские чтения. Материалы международной научной конференции. СПб., 2019. С. 255–258.
 17. Карнова Л. М. Философские смыслы в психоаналитике сновидений // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2019. Т. 23. № 2. С. 15–17.
 18. Каяшева О. И., Доронкина Н. О. Типы рефлексии и рефлексивные аспекты содержания сновидений у студентов-психологов // Казанский педагогический журнал. 2022. Т. 154. № 5. С. 209–217. doi 10.51379/KPJ.2022.156.6.026.
 19. Книжник А. И. Трактовка феномена сновидений Зигмунда Фрейда // Интеллектуальные ресурсы – региональному развитию. 2019. Т. 5. № 2. С. 395–401.
 20. Козлов В. К. Сон и его физиология // Наука, образование, общество: тенденции и перспективы развития. Сборник материалов XVI Международной научно-практической конференции. Чебоксары, 2019. С. 203–205.
 21. Козлова Д. С., Гусарова Л. В., Ромбальская А. Р. Сон в жизни студента // Научная дискуссия современной молодежи: актуальные вопросы, достижения и инновации. Сборник статей VI Международной научно-практической конференции. Пенза, 2018. С. 282–285.
 22. Корсакова Л. В., Оплетева О. Н. Семиотика сна и сновидений: история вопроса // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2023. № 1. С. 76–79. doi 10.23672/HSCP.2023.53.10.001.

23. *Кривцов В. М.* Символистические значения сновидений // Весенние психолого-педагогические чтения. Материалы V Всероссийской научно-практической конференции, посвящённой памяти почетного профессора АГУ А. В. Буровой. Астрахань, 2021. С. 222–226.
24. *Кузнецова Ю. В.* Основные принципы работы со сновидениями в гештальт-терапии // Наука и техника: новые вызовы современности. Сборник статей IV Международной научно-практической конференции. М., 2022. С. 332–337.
25. *Кузнецова Ю. В.* Основные принципы работы со сновидениями в гештальт-терапии // Chronos. 2022. Т. 66. № 7. С. 88–89.
26. *Курганов С. А.* Сновидения в психологии: история и современность // Экономические, правовые и культурные аспекты реализации стратегии пространственного развития России и укрепления (раскрытия) ее человеческого потенциала. Сборник публикаций по итогам международной научно-практической конференции. М., 2018. С. 160–165.
27. *Курганов С. А.* Корреляционный анализ особенностей психической активности во сне и эффективности научно-исследовательской деятельности // Актуальные проблемы теории и практики психологических, психолого-педагогических и педагогических исследований. Сборник трудов Международной научно-практической конференции «XV Левитовские чтения». М., 2020. С. 139–146.
28. *Лукаш Д. И.* Сны в жизни человека // Наука и образование в условиях мировой нестабильности: проблемы, новые этапы развития. Сборник материалов II Международной научно-практической конференции. Ростов н/Д. 2022. С. 214–215.
29. *Магун А. В., Денисов А. А., Глуховский А. С.* Проблема экзистенциального формирования личности в психоанализе Зигмунда Фрейда и дазайн-анализе Людвиг Бинсвангера // Актуальные проблемы развития личности в условиях современных реалий. Сборник материалов III Международной научно-практической конференции. Ереван, 2022. С. 377–383.
30. *Мелехин А. И.* Лакановский подход к анализу работы сновидений // V Фрейдовские чтения: психология и психоанализ субъекта нашего времени. Сборник научных трудов по материалам международной научно-практической конференции. СПб., 2021. С. 67–79.
31. *Меньшикова К. А., Рудакова Е. С., Смирнова У. С.* Анализ теоретических подходов к изучению снов и сновидений // Наука, общество, культура: проблемы и перспективы взаимодействия в современном мире. Сборник статей VI Всероссийской научно-практической конференции. Петрозаводск, 2022. С. 77–82.
32. *Осипов Ф. М.* Толкование сновидений в различных школах // Труды международного симпозиума «Надежность и качество». 2021. № 2. С. 255–256.
33. *Панчишина К. А., Артемьев Т. М.* Теории феномена сновидений // Синергия Наук. 2018. № 30. С. 2089–2096.
34. *Ревазов В. Ч.* Сновидения как виртуальная композиция бывалых впечатлений // Актуальные проблемы развития современной науки и образования. Сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции. М., 2018. С. 176–179.

35. Романова Ю. В., Григорьев В. М. Антиципирующий характер сновидений в развитии личности с позиции психоаналитического подхода // Парадоксы образования XXI века: гуманизация – цифровизация, индивидуализация – индивидуализм? Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. Липецк, 2021. С. 189–195.
36. Савоткин Н. А. Сон в живом мире // Научные исследования: теория, методика и практика. Сборник материалов VI Международной научно-практической конференции. Чебоксары, 2020. С. 18–34. doi: 10.21661/r-530607.
37. Трапезников М. В., Елькина С. Э., Перминова А. В. Толкование сновидений Зигмунда Фрейда: ключевые понятия // Инновации. Наука. Образование. 2021. № 45. С. 1633–1638.
38. Фатахтинова Л. Ю. Анализ сновидений детей дошкольного возраста // Психология и педагогика в Крыму: пути развития. 2019. № 3. С. 293–300.
39. Фесикова О. В., Вилисова А. О. Феномен сновидения в представлении античных философов // Тенденции развития науки и образования. 2020. Т. 62. № 11. С. 58–60. doi 10.18411/lj-06-2020-241.
40. Шапошникова Д. В. Детские сновидения и их роль в современной психоаналитической практике // Детский психоанализ: прошлое, настоящее, будущее. Сборник научных трудов по материалам международной научно-практической конференции, посвященной 110-летию со дня рождения Ф. Дольто. СПб., 2019. С. 217–225.
41. Шендрик Е. А. Взаимосвязь частоты сновидений с выраженностью использования психической защиты вытеснения // Modern Science. 2023. Т. 1. № 1. С. 253–255.
42. Шипицын Е. Ю. Сновидение – это мир нашей внутренней бессознательной реальности // Методология современной психологии. 2023. № 19. С. 248–259.
43. Щеглова А. Д., Пойда Е. Е. Психология сновидений // World science: problems and innovations. Сборник статей LXV Международной научно-практической конференции. Пенза. 2022. С. 107–108.

Historical aspects of the study of dreams: basic theories

*V. V. Vanyukov, N. S. Sedinina,
I. A. Bulatova, E. M. Minkhazeva*

Vanyukov Vladislav V., 5th year student of the Faculty of Medicine of the Perm State Medical University named after Academician E. A. Wagner, Chairman of the Perm regional branch of the Council of Young Scientists of the Russian Society of Psychiatrists, member of the Russian Society of Dream Researchers, member of the Russian Society of Somnologists.

Sedinina Natalia S., Doctor of Medical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Psychiatry, Narcology and Medical Psychology of the Perm State Medical University named after Academician E. A. Wagner.

Bulatova Irina A., Doctor of Medical Sciences, Head of the Department of Normal Physiology, Professor of the Department of Faculty Therapy No. 2, Occupational Pathology and Clinical Laboratory Diagnostics of the Perm State Medical University named after Academician E. A. Wagner.

Minkhazeva Elvina M., 5th year student of the Faculty of the Perm State Medical University named after Academician E. A. Wagner of Medicine named after Academician E. A. Wagner.

Dreams are phenomena of the human psyche that have not yet been fully studied, moreover, their etiology, physiology, characteristics and influence on human behavior, emotions and mental health are one of the mysteries of mankind. The only thing we know for sure about dreams are the images that arise at the moment of active inhibition of mental activity and partially physical activity, that is, in a dream. They are accompanied by bodily sensations, emotional experiences, and appear both in healthy and in people suffering from mental and somatic diseases. Of interest is the presence of dreams in individuals who are in a state not only of natural sleep (diffuse cortical inhibition), but also in people during partial sleep (partial, local inhibition of mental activity in the cerebral cortex) – hypnosis. The purpose of this work was to study and analyze all possible literature, which contains both Russian and foreign experience in the study of dreams over the past 5 years. Using the keywords "dreams", "sleep", "interpretation of dreams", "psychoanalysis", as well as thematic rubricators and codes in a free and indirect search of scientific databases Scopus, Web of Science, RSCI (eLibrary), Google Scholar, PubMed, reliable literary sources were found and studied.

Conclusion: as a result of the analysis of the literature, it is shown that dreams are a complex structure of the human psyche with their own characteristics and secrets that scientists have yet to uncover. It is shown that dreams affect a person's emotions, his mental and physical condition, but the dreamer himself can influence the quality of his dreams by receiving certain emotions, having a certain temperament and observing the schedule of wakefulness and sleep. Aspects of dream interpretation in different schools of psychology are revealed.

Keywords: dreams, sleep, psychoanalysis, analytical psychology, individual psychology, insomnia, the unconscious, lucid dreams, dream images, dream analysis.

ПРИКЛАДНОЙ ПСИХОАНАЛИЗ

ПСИХОАНАЛИЗ ОРГАНИЗАЦИЙ

Управленческая пара: отношения начальника и подчиненного как предмет анализа

Джеймс Кранц

(Пер. с англ.: Т. Ежова)

Джеймс Кранц – ведущий эксперт в области организационных изменений, лидерства и повышения эффективных рабочих процессов. Основатель компании Worklab, работал консультантом Центра прикладных исследований Уортонской школы, США и Та-вистокского института, Великобритания. Был преподавателем Йельского университета, Уортонской школы, INSEAD, Университета Чили и Колумбийского университета, НИУ ВШЭ, Москва.

Отношения между начальником и подчиненным (обозначаемые как «управленческая пара» в данной статье) являются основополагающими и необходимыми в иерархических организациях. Через эту основную межличностную связь реализуются делегирование работы, разделение труда и ответственность. Оба члена управленческой пары должны совместно выполнять задачу, однако ни один из них не может контролировать задачу в одиночку. Как следствие каждый в паре должен доверять другому, одновременно сталкиваясь с ощущением зависимости. Степень, в которой каждый зависит от другого и может быть разочарован, часто затрагивает глубокие тревоги.

Ключевые слова: управленческая пара, начальник, подчиненный, взаимозависимость, делегирование, эмоции, проективная идентификация, конфликт, группа, ожидания, структура, динамика, общение, сотрудничество, взаимные отношения, управление, эффективность, доверие, организация.

Введение

Отношения начальник – подчиненный (называемые в этой статье «управленческой парой») широко распространены в иерархических организациях и необходимы для их эффективности. Благодаря этой первичной межличностной связи осуществляются делегирование полномочий, разделение труда и подотчетность. Вместе оба члена управленческой пары должны выполнять работу, но ни один из них не может контролировать ее по отдельности. Следовательно, каждый должен доверять другому, справляясь с чувством зависимости от другого. То, в какой степени каждый из них полагается на другого и в какой степени другой может его подвести, часто затрагивает глубоко укоренившиеся тревоги.

Управленческие пары в производственных организациях живут своей собственной жизнью, наполненной общими фантазиями, надеждами и разочарованиями, совместным диалогом и схематичными защитными моделями. На одном конце континуума находится продуктивная, творчески развивающаяся и взаимно стимулирующая пара. С другой стороны, это жесткие, зашедшие в тупик, иногда взаимно наказывающие отношения, характеризующиеся чрезмерным конфликтом, отупляющей отстраненностью или изнуряющей зависимостью.

Пара менеджеров – это предмет для анализа, который, как мне кажется, теоретики организаций обычно недооценивают. Это поле двух лиц имеет свои собственные системные свойства и, как и другие элементы системы, например подразделения или индивидуумы, находится во взаимных отношениях со своей системой и ее частями. Пара находится под влиянием контекста и влияет на него.

Рассмотрим следующую пару менеджеров. Сара, президент коммерческого городского медицинского центра, добилась больших успехов в деле внедрения инновационных программ в больнице. Ал, новый вице-президент по общественным программам, курировал два основных подразделения. Одно подразделение активно участвовало в реструктуризации и переориентации программ, и это вызвало широкий отклик и признание; другое подразделение в значительной степени находилось за пределами этой новой стратегии. Предшественник Ала чувствовал себя неспособным серьезно вмешаться в это подразделение. Частью нового задания Ала тогда было включение этого подразделения в программу общепольничных преобразований. Сара с нетерпением ждала начала этой работы и вместе с Алом понимала, что ему необходимо разработать концепцию, которая одновременно отражала бы стратегическую ориентацию больницы и могла бы служить планом развития отделения.

Следующий инцидент является типичным примером трудностей, с которыми столкнулась эта пара менеджеров. Руководство больницы привыкло разрабатывать стратегические планы коллективно, считая, что это дает хорошие результаты. Таким образом, Сара поощряла Ала использовать опыт других топ-менеджеров и опираться на него в планировании и реализации программ, соответствующих миссии больницы. Она так-

же осознавала, что со временем другие могли бы внести свой вклад в понимание будущего подразделения, каким видел его Ал.

Хотя Ал согласился с тем, что ему нужно «видение» подразделения, он отреагировал на ее предложения и подталкивания таким образом, что Сара почувствовала себя отвергнутой и ненужной. Она посоветовала ему организовать встречу с топ-менеджерами и предложила помочь ему спланировать ее так, чтобы она была эффективной и оживленной. Она чувствовала нежелание Ала, поэтому несколько раз предлагала ему обратиться к консультанту, которого больница использовала для помощи в организации рабочих встреч. И снова, хотя он и не сказал ей об этом, Ал своими действиями дал понять, что не хочет звонить консультанту.

Сара и Ал зашли в тупик. Ал утверждал, что на него оказывается все большее давление, в то время как Сара сообщала, что чувствует себя все более злой и агрессивной по отношению к нему. В конце концов Ал назначил встречу с крайне двойственным настроем. Он попытался в кратчайшие сроки согласовать расписание других сотрудников с учетом загруженности топ-менеджеров, выбрав день, когда вице-президент крупного сестринского отделения, человек, который мог внести неоценимый вклад, обычно отсутствовал в больнице. Более того, консультант больницы также был недоступен.

Однако важность мероприятия была признана всеми, и встреча была организована. Сара почувствовала, что из-за того, что Ал не «воспринял» ее руководство, он на самом деле не «владел» этой встречей. Вместо этого, угрюмый и обиженный, он, казалось, делал это из чувства долга перед Сарой, а не в духе сотрудничества и совместного развития. Его неспособность справиться со своей задачей была наглядно продемонстрирована тем, что он назначил встречу в офисе Сары, как будто это была ее встреча, а не его.

По мере приближения назначенной даты не было ни брифинга, ни подготовки к работе группы, и Сара почувствовала, что Ал еще не готов. Она беспокоилась о том, что встреча не принесет успеха не только проекту в целом, но и отразится на их отношениях и на вхождении Ала в руководящую команду. В тот момент прямое общение казалось невозможным, поэтому она косвенно передала Алу через другого члена команды, что, если он не готов, возможно, ему следует отложить встречу. Ал решил идти напролом, зная, по его собственным словам, что он не готов и что ему «надерут задницу». Именно это и произошло. По мере того как шло совещание, Ал демонстрировал, что совершенно не готов к нему, и у совещания отсутствовали план или направленность, в результате чего другие члены команды не имели возможности эффективно участвовать в нем. Это, в свою очередь, разозлило Сару, которая стала довольно суровой и критичной.

Что здесь происходит? Рабочие отношения между Сарой и Алом не удовлетворяют обоих, и работа, которую они выполняют, отличается низким качеством. У них сложились отношения, характеризующиеся определенными стереотипами, тревогами и защитами, что придает им повторяющийся системный характер. У каждого из них были какие-то

устойчивые тенденции, черты характера и способы исполнения своих ролей, которые были заметны в разных условиях. Тем не менее вместе они, казалось, проявляли худшее друг в друге и вместе создавали пару, которая постоянно выявляла пассивную угрюмую неумелость Ала и властную карательную неудовлетворенность Сары. Они зависели друг от друга: Сара от Ала в выполнении важной работы, которую она ему поручила, а Ал от Сары – в руководстве и полномочиях. Переживание этой взаимозависимости было пугающим, потому что оно влекло за собой уязвимость каждого в отношениях, включая восприимчивость к иррациональности и страхам других.

В данной статье предпринята попытка распутать некоторые нити, которые формируют эти важные взаимоотношения. Во-первых, я исследую основные характеристики управленческой пары в отличие от других парных отношений как в организациях, так и за их пределами. Затем я рассматриваю три психодинамических подхода к анализу, которые полезны для понимания сил, формирующих управленческую пару: межличностные отношения, пару, включенную в рабочую группу, и пару как функцию межгрупповых отношений. Затем рассматривается влияние структуры на управленческую пару.

Характеристики управленческой пары

Каждая управленческая пара имеет две общие черты, отличающие ее от других типов пар. Во-первых, каждая управленческая пара имеет иерархическую границу. Работа в иерархических организациях разделена на отдельные сегменты, что позволяет управлять подзадачами. Каждая последующая структурная дифференциация создает определенный уровень полномочий, при этом руководитель сохраняет за собой ответственность за первоначальную сферу деятельности, а подчиненному делегируется более ограниченная область для управления. Таким образом, руководитель и подчиненный встречаются в организации на том этапе, когда была создана внутренняя граница, и каждая пара должна управлять транзакциями через эту границу.

Ответственность начальника за результаты работы подчиненного – вторая особенность управленческой пары – является одновременно и проклятием, и благословением этой организации. С одной стороны, это позволяет организациям придерживаться основной миссии и эффективно наращивать усилия за счет последовательных уровней делегирования и подотчетности. С другой стороны, это связывает подчиненного и руководителя эмоционально заряженными, взаимозависимыми узлами: они нуждаются друг в друге для достижения успеха. Хотя уровни влияния, очевидно, различаются, каждый из них может навредить другому или усилить его. Что придает каждой паре особый характер, так это то, как подотчетность, авторитет и зависимость сочетаются в этих человеческих отношениях и определяют их внутренний процесс как элемент более крупной организации.

Подчиненному были делегированы задачи, а у вышестоящего руководителя есть обязанности. Эти обязанности включают те, которые делегированы подчиненному, но не наоборот. Это неперемutable условие управленческой пары – начальник, в свою очередь, отчитывается перед своим начальником за то, что делает подчиненный. Руководители могут быть привлечены к ответственности только в том случае, если они уполномочили своих подчиненных нести ответственность за какую-либо часть их собственных обязанностей и обладают достаточными полномочиями, чтобы привлечь подчиненного к ответственности. Таким образом, граница между ними является границей полномочий, а также границей задач, и эти двое должны решать вопросы, связанные с распределением полномочий между ними. В равной степени именно поэтому начальник уязвим перед подчиненным и зависит от него: неадекватная работа подчиненного угрожает положению начальника по отношению к его собственному начальству.

Влияние этой границы между задачами и полномочиями на взаимоотношения между людьми очень велико и отличает ее от других парных отношений в организации, таких как горизонтальные или коллегиальные. Эта граница и необходимость для каждого члена пары пересекать ее для выполнения работы вызывают сильные эмоции внутри пары. Устанавливается зависимость в обоих направлениях, и активизируется эмоциональная реакция каждого человека на авторитет. В результате управленческая пара становится средством выражения глубинных архетипических процессов.

Межличностный мир управленческой пары

Каждый член управленческой пары должен мириться с иррациональными основами сложных властных отношений, если он хочет быть творческим и продуктивным. Те, кто вовлечен в это, должны противостоять внутренним конфликтам, связанным с вопросами независимости и зависимости, соперничества, отдачи и получения, контроля и подконтрольности, конкуренции и сотрудничества, успеха и неудачи, оценки, доверия и подотчетности, совместного использования, взаимного признания различий и т. д. (*Gould, 1985; Levinson, 1959; Zaleznik, 1966*). И с такими дилеммами сталкиваются не только отдельные члены пары, но и сама пара, которая устанавливает устойчивые паттерны и склонности, определяющие поле взаимодействия двух человек как предмет анализа со своими собственными свойствами.

В то время как влияние межличностных отношений является всеобъемлющим, способы, с помощью которых пары устанавливают и поддерживают повторяющиеся паттерны, загадочны и неуловимы именно потому, что наиболее глубокое влияние неосознанно и не осознается ни одной из сторон (*Stern, 1989*). Однако важный ключ к разгадке можно найти в исследованиях групповой и организационной жизни, которые показывают, что тревоги и защитные механизмы, возникающие в таких ситуациях,

являются мощными и примитивными (например, *Bion*, 1959; *Jaques*, 1955; *Menzies*, 1961; *Kernberg*, 1980).

Групповая жизнь перекликается с самыми ранними и наиболее тревожными конфликтами членов группы, в том числе с теми, которые вновь возникают, когда авторитетные фигуры символически отождествляются с родителями. Подчиненные часто переживают и пытаются переработать те эмоциональные переживания в отношениях со своим начальством, которые они испытывали в детстве со своими родителями. По мере того как эти и другие важные, очень ранние чувства возрождаются, возникающая в результате этого тревога часто заставляет членов пары прибегать к психологическим маневрам, направленным на уменьшение болезненных ощущений, маневрам, которые часто создают трудности в совместной работе.

То, как эти защитные маневры связывают работающие пары друг с другом в своего рода совместном процессе принятия решений, было концептуализировано психоаналитиками как «проективная идентификация» (*Horowitz*, 1983; *Ogden*, 1979). Мучительные сомнения и тревоги заставляют одного или обоих из пары отречься от какого-то важного, но вызывающего беспокойство аспекта их собственной личности и проецировать его на другого. Реципиент, также более восприимчивый в стрессовых условиях, на самом деле воплощает эту спроецированную часть так, как если бы это был он сам, впитывая чувства и поведение, связанные с отвергнутыми частями. Как следствие каждый участник относится к какой-то раздражающей части себя, которая была отделена и спроецирована на другого, как если бы это на самом деле было чертой характера другого, который затем начинает вести себя подобным образом. Таким образом, человек может презирать, бояться или даже любить ту часть себя, которая была заложена в другом человеке, как если бы она действительно была его атрибутом.

Сара и Ал продемонстрировали тот тип взаимоусиливающей проективной идентификации, который приводит к созданию стабильной, но в то же время жесткой пары. Сара была смущена тем, что одно из отделений больницы не смогло приспособиться к широко признанным изменениям, и считала, что это неблагоприятно отражается на ее работе и репутации. Кроме того, как это обычно бывает в таких ситуациях, она беспокоилась о назначении Ала. Будет ли он таким компетентным и продуктивным, как она надеялась? Ал разделял дополнительные чувства беспокойства по поводу того, что он станет уважаемым членом этой руководящей команды и будет хорошо работать на этом новом и более высоком уровне.

Сара имела тенденцию отрицать собственное чувство неуверенности и сомнений, что придавало ей уверенности в себе и повышало ее лидерские качества во многих ситуациях. Однако в данном случае она спроецировала свои сомнения на Ала, чьи уже существующие опасения усилились; теперь он чувствовал себя особенно неуверенным и некомпетентным по отношению к Саре не только из-за своего собственного характера, но и из-за ее подавленных чувств, которые он тоже переживал. Она отдалилась от Ала, и ее общение с ним приобрело напряженный и

слегка подозрительный характер, отчасти потому, что она относилась так не только к Алу, но и к некоторым нежелательным частям себя, которые теперь поселились в нем.

По мере того как Ал становился все менее способным и все больше пугался, он становился все более пассивным, избавляясь от собственной агрессивности и чувства превосходства. Мысль о том, что в таких условиях ему придется действовать авторитарно и рисковать возможным провалом, заставляла его чувствовать себя чрезвычайно уязвимым и незащищенным. Как следствие он отсекся от этих своих черт и спроецировал их на Сару, которой теперь приходилось справляться не только со своей агрессивностью, компетентностью и доминированием, но и со своими подчиненными. Чувствуя, что она должна быть агрессивной ради них обоих, Сара чувствовала и вела себя чрезмерно ответственно. В отношениях с Сарой Алу теперь приходилось сталкиваться не только с ее пугающей самоуверенностью, но и с пугающими чертами самого себя, которые он проецировал на нее. Сара становилась все более агрессивной и критичной, в то время как Ал становился все более пассивным, склонным к самозащите и некомпетентным. Таким образом, устанавливаются стабильные, но дисфункциональные отношения.

В легкой форме проективная идентификация в управленческой паре, как и в любой другой паре, может способствовать развитию чувствительности, сопереживания и понимания, поскольку каждый способен поставить себя «на место другого» (*Gilmore and Krantz, 1985*). Но когда она придает отношениям большую интенсивность и жесткость, это может негативно сказаться на сотрудничестве. Взаимодействие нарушается не только из-за тревожной замкнутости, чрезмерного конфликта и презрения, но и из-за того, что люди становятся истощенными. Например, менеджер, который отрицает и проецирует свою агрессивность, не сможет решительно действовать в управленческих ситуациях, требующих активных действий. С другой стороны, если зависимость и уязвимость начальника были отделены и спроецированы на подчиненного, как в случае с Сарой, у начальника, скорее всего, возникнут проблемы с получением плохих новостей от подчиненного, а подчиненный, скорее всего, будет беспомощным и покорным. Результативное сотрудничество будет испорчено из-за совместного создания шаблона для двух человек.

Таким образом, управленческие пары заключают неосознанные соглашения, чтобы поддерживать взаимное неверное восприятие в качестве защиты от осознания глубинных проблем, конфликтов или различий (*Alderfer, 1986*), присущих достижению и поддержанию сотрудничества на всех уровнях власти. Хотя степень, в которой эти неверные представления используются и поддерживаются, частично зависит от индивидуального развития каждого члена (*Gould, 1988*), существует также множество организационных или системных факторов, влияющих на управленческие пары.

Пара в группе

Управленческие пары работают и взаимодействуют в рамках группового контекста, и поэтому динамика группы оказывает на них глубокое влияние. Разнообразные системные и групповые изменения могут привести к регрессу руководителей и подчиненных (*Kernberg, 1988*), что делает членов управленческой пары еще более уязвимыми перед воздействующими силами. Отдельные индивиды как члены групп исполняют определенные роли (*Redl, 1963; Rioch, 1979*) от имени всей группы. Таким образом, каждая пара имеет дело не только со своей собственной внутренней динамикой и взаимоотношениями, но и должна нести определенный эмоциональный груз для всей группы.

Важным вкладом в понимание пары в группе является описание Бионом (1959) того, как группы склонны создавать пары среди своих членов и использовать их в качестве проективных мишеней для бессознательных групповых эмоций. Он называет это базовым допущением о том, что объединяющаяся группа будет вкладывать свои надежды и творческий азарт в создание пары. В сложной организации труда этот эмоциональный фон может способствовать созданию многих творческих пар, поскольку в группе происходит смена руководства (*Gould, 1985*).

Управленческим парам часто приходится нести груз групповых фантазий. В группе с более высоким уровнем функционирования это может поддержать пару и способствовать желанному, стимулирующему сотрудничеству между парами внутри группы. Однако под воздействием усиливающейся тревоги возникает ее более примитивное проявление, при котором «парная группа» возлагает грандиозные надежды на одну из своих пар, которая затем становится хранилищем всех возможностей в группе. В таком случае руководящая пара может легко оказаться обремененной этими прогнозами и переполненной высокими ожиданиями, в то время как остальные пассивно ожидают волшебного сотворения пары. Например, идеализация группой пары и наделение ее чертами мессии будет оказывать сильное давление на пару, заставляя ее отрицать свою агрессивность и конфликтность, и это будет уменьшать способность пары к сотрудничеству. Далее, конечно, последует разочарование в этих ожиданиях. И наконец, пара, которая что-то создает, может вызывать ревность и разрушительную зависть.

Хороший пример обеих динамик можно увидеть в книге Мэри Каннингем «Игра за власть» (1984), в ее рассказе о событиях в компании *Vendix*, связанных с ее стремительным взлетом и объединением с председателем правления Уильямом Эйджи. Эйджи считали вундеркиндом, который спасет компанию, находящуюся под угрозой исчезновения. Его любили и презирали, но он изменил культуру управленческой работы в компании. Он нанял Каннингема, талантливого молодого человека с дипломом магистра делового администрирования Гарварда, в качестве своего исполнительного помощника, чьи аналитические способности неизменно превосходили аналитические способности руководителей, которые дольше работали в организации.

Каннингем с Эйджи становились все ближе, в то время как глубокие перемены, которые Эйджи совершал в беспокойной обстановке, вызывали огромное беспокойство. По описанию Каннингем (р. 98), казалось, что со временем они могли доверять только друг другу. Эта пара, согласно этой книге и другим источникам, стала объектом огромного интереса и озабоченности внутри компании (и за ее пределами), представляя собой как надежду, так и опасность в разное время. С точки зрения группы как целого некоторые фракции возлагали на эту пару большие надежды; они должны были создать Bendix как компанию будущего, фирму, производящую высокотехнологичную электронику, а не подержанные автозапчасти. И все же зависть, ненависть и негодование усиливались, пока наконец правление не вынудило Эйджи уволить Каннингема.

Хотя прочная связь между ними, возможно, частично не зависела от мощных эмоциональных сил, царивших в Bendix в то время, группа неосознанно использовала эту пару для того, чтобы сдержать или воплотить в жизнь надежду на волшебное обновление компании. Это, а также сопутствующие зависть и негодование по отношению к ним, явно пагубно сказались на их способности эффективно сотрудничать. И надежда, и зависть спланивали их; они постепенно отдалялись от других обиженных руководителей высшего звена и одновременно отвечали ожиданиям совета директоров, что они добьются невероятно грандиозных результатов. По мере того как они проигрывали эту иррациональную динамику, они постепенно теряли связь с компанией и становились все более нерезультативными.

Таким образом, в той мере, в какой управленческая пара контейнирует или управляет каким-либо аспектом эмоциональной жизни всей группы, она подвержена воздействиям, которые могут усиливать яркие эмоции. Когда рабочая группа находится во власти слишком мощного бессознательного процесса, руководящей паре приходится бороться с лежащими в ее основе фантазиями, которые используются в качестве защиты, чтобы избежать беспокойства, связанного с выполнением задания, и соответствующие эмоциональные состояния будут пронизывать сотрудничество.

Пара и межгрупповые отношения

Управленческие пары не только встроены в группы, но и могут служить связующим звеном между двумя организационными группами, например структурно-иерархическими и целевыми группами, такими как штаб-квартира и подразделения на местах или отделы маркетинга и продаж, а также группами социальной идентичности, такими как женщины и мужчины или чернокожие и белые. Начальник и подчиненный, хотя и являются членами одной и той же группы с одной точки зрения, с другой – являются членами двух разных групп, что, в свою очередь, подвергает их воздействию другого набора мощных факторов.

Как у начальника, так и у подчиненного есть свои группы равных по должности, которые сближаются управленческой парой. Представляя свои рабочие роли, каждый из них проникается мировоззрением и

неосознанными ориентациями членов своей группы и в равной степени символизирует свою группу для другого. Неизбежно, что исторические межгрупповые отношения между двумя единицами, которые представляет пара, будут реализованы в рамках ее собственных отношений.

Хорошей иллюстрацией является вертикальная цепочка из трех менеджеров в организации социального обслуживания, предоставляющей широкий спектр услуг подросткам. У управляющего, который курировал всю деятельность, были напряженные отношения с директором, возглавлявшим центр длительного пребывания для наиболее проблемных детей в учреждении. У директора, в свою очередь, были столь же напряженные рабочие отношения с начальниками общежитий.

Эти управленческие пары испытывали трудности в эффективной работе. По словам директора, пара управляющий – директор отличалась недоверием; общение и диалог были слабыми, и в результате управляющий сомневался в способностях директора. В конечном счете эти двое обнаружили, что их отношения отчасти являются следствием исторического недоверия и подозрительности между учреждениями на местах и штаб-квартирой.

Иерархическая группа, а также групповая идентичность формировали отношения в паре. Исторически сложилось так, что центральным офисом управляли белые менеджеры, которые отождествляли себя с государственными делами, в то время как учреждения на местах управлялись чернокожими менеджерами, которые больше заботились о детях и их бедственном положении. Задача принудительного помещения в специализированные учреждения бедных чернокожих детей, даже если это была попытка помочь тем, кого они курировали, вызывала беспокойство у социально озабоченных менеджеров, как черных, так и белых. Элементы социального угнетения и расизма неизбежно проявлялись в работе организации; чувства, которые они вызывали, должны были подавляться всеми подразделениями предприятия.

Тревога и боль часто смягчались благодаря процессу, в ходе которого «полевые» подразделения приписывали весь расизм и притеснения сотрудникам штаб-квартиры, которые в основном были белыми и принадлежали к более высокому социальному классу и, конечно же, были теснее связаны с более масштабными вопросами политического управления. Благодаря такому подходу сотрудники полевых подразделений смогли психологически освободиться от трудностей, связанных с работой на предприятии. Руководящий состав / высшее руководство штаб-квартиры по-другому справлялись со своими противоречивыми чувствами. Они отреклись от той части себя, которая была недовольна работой организации, и спроецировали это на руководителей на местах, полагая, что те озабочены своими собственными узкими интересами, а не заинтересованы в общем благополучии организации. Отношения между полевыми и штабными сотрудниками были напряженными и враждебными, как и следовало ожидать. Управляющий и директор воссоздали эту межгрупповую динамику в своих собственных отношениях, при этом каждый из них чувствовал непонимание и недоверие. Только когда они увидели связь

между своим опытом работы в паре и динамикой взаимоотношений между штаб-квартирой и отделениями на местах, они поняли хронические и, казалось бы, неясные корни их собственных напряженных рабочих отношений.

Пара и номинальная организация

Все человеческие взаимоотношения включают в себя иррациональные, неосознаваемые динамические процессы, более глубокие связи, в которых коренится смысл отношений. Иррациональные, неосознаваемые предпосылки для управленческой пары могут быть источником творчества, изюминки и возбуждения или источником деструктивности и отчужденности.

Традиционная теория организации исключает признание иррациональных эмоциональных аспектов ролевых отношений. Наследием веберовской теории бюрократии (1947) является ориентация на безличную, рациональную концепцию организационной жизни, основанную на фундаменте рационально определенных структур. В этой схеме, поддерживаемой тейлористскими подходами и традицией «научного менеджмента», рационально построенные структуры позволяют устранить иррациональность и нежелательные эмоции при исполнении ролей (*Levinson, 1989*).

Однако мы также знаем, что люди неизбежно привносят в свои рабочие роли нечто большее, чем просто те способности, которые требуются для выполнения их задач (*Rice, 1965*). Люди используют свои рабочие роли для того, чтобы справляться со своими тревогами и удовлетворять другие социально-эмоциональные потребности, а также для удовлетворения своих потребностей при выполнении работы в одиночку. Таким образом, иррациональные аспекты жизни переносятся на рабочее место и находят выражение в социальных отношениях. Действительно, делая акцент на безличности, организация может загонять эмоциональные потребности в подполье, тем самым усиливая иррациональное отношение людей к работе. В такой обстановке подчиненный, например, чувствуя себя наказанным оценкой начальника, может угрюмо уйти с работы или, в свою очередь, наказать своего подчиненного. «Подавленное возвращается».

Хотя рационально построенные структуры не могут устранить неконтролируемую сферу человеческих чувств и иррациональности из жизни организации, они могут формировать ее и направлять в нужное русло. Наличие иррациональной связи между управленческой парой определяется формальной структурой, в которую встроена эта пара, и частью структуры, которая встроена в эту пару, – границами полномочий и делегирования полномочий между ними. Структура может помочь связать иррациональные узы с работой управленческой пары и тем самым облегчить ее состояние, или же она может усилить потенциальное беспокойство внутри рабочей пары.

Когда определения ролей запутанны, расплывчаты или не соответствуют задачам организации, результатом является регресс на групповом уровне к дисфункциональным, антизадачным культурам (*Kernberg, 1980*;

Menzies, 1979; Hirschhorn, 1988). Нечеткое определение ролей также приводит к серьезным конфликтам между членами управленческой пары: люди могут легко присвоить себе полномочия, с одной стороны, или отрицать ответственность, с другой, что приводит к искажению внутренних границ.

Случай Дэвида, который руководил подразделением научно-исследовательской лаборатории фармацевтической компании, иллюстрирует, как неадекватно структурированная ситуация может вызвать глубокие и разрушительные межличностные отношения. Как руководитель подразделения он отвечал за эффективность работы подразделения, хотя и не имел полномочий отстранять подчиненных от занимаемых должностей. Он оказался в особенно сложной ситуации с Мэри, которая не выполняла установленных стандартов, но и не проявляла такой вопиющей некомпетентности, чтобы начальник Дэвида уволил ее. Тем не менее подразделение работало в соответствии с очень жесткими стандартами эффективности, и Мэри могла подорвать эффективность Дэвида, если бы он не был в состоянии эффективно реагировать. Это делало Дэвида уязвимым и незащищенным перед его боссом.

В результате Дэвид почувствовал, что Мэри его преследует, и выразил свою беспомощность и ярость, став подозрительным и склонным к наказаниям. Ситуация затронула некоторые из его очень глубоких переживаний по поводу контроля и зависимости. Взаимодействие пары переросло в жесткую схему подозрительности и сокрытия; оба были вынуждены заниматься личной защитой друг друга, потому что формальная структура не позволяла Дэвиду продуктивно справляться со своей зависимостью от Мэри. Если бы он обладал необходимыми полномочиями, он мог бы отстранить ее от должности или в качестве альтернативы повлиять на ее работу с помощью процесса подотчетности.

Структура организации не только влияет на управленческую пару, но и влияет на саму себя. Когда пара регрессивна, возникает давление, которое еще больше размывает или запутывает формальные ролевые отношения. Это приводит к тому, что мы все больше избегаем беспокойства и сталкиваемся с проблемами надежности, подотчетности и доверия, которые неизбежно становятся болезненными при неудачном сотрудничестве.

Случай с Сарой и Алом прекрасно иллюстрирует это. Сара хотела, чтобы Ал проявлял больше инициативы в процессе стратегического планирования. Со временем это событие стало вызывать у нее сильное беспокойство. Поскольку обе стороны, как правило, были вовлечены во взаимные проективные процессы и оказались в тупиковой ситуации, описанной ранее, границы ответственности стали размываться. Сара не чувствовала, что может доверять Алу в выполнении своих желаний, поэтому она подтолкнула его к выполнению задачи, фактически не делегируя ему ее. Ал тогда почувствовал себя униженным; ему не дали подлинного поручения, а он действовал механически, что привело к размыванию границ ответственности с его стороны. Это привело к странному набору действий, создавших путаницу в отношении того, чья это была встреча.

Например, приглашение на встречу от Ала было таким: «Сара хочет, чтобы я провел встречу». Таким образом, формальная структура, которая четко определяла подотчетность и ответственность, уступила место смутному, слитному чувству ответственности, поскольку пара защищалась от столкновения с болезненными реалиями сотрудничества в тот момент.

Инвестиции в формальную структуру не только создают условия, в которых люди могут продуктивно работать, но и обеспечивают постоянный подход к пониманию рабочих взаимоотношений. Продуманная формальная структура представляет собой модель, с помощью которой можно оценить реальное сотрудничество управленческой пары. Несмотря на то что у Сары сложились непростые отношения с Алом, она была исключительно способным менеджером и начальником. Она смогла понять, насколько запутанными стали ее отношения с Алом, когда увидела, насколько размытыми стали границы ответственности. Модель организации и четко очерченные границы, к которым стремилась и которых часто достигала их управленческая группа, резко контрастировали с запутанной, размытой системой подотчетности, которая была у нее с Алом. Это различие дало важную диагностическую информацию. Ее вклад в формальную структуру позволил выработать ряд принципов, которые помогли ориентироваться в отношениях и, таким образом, понять защитные процессы, что в свою очередь позволило им наладить более продуктивное сотрудничество.

Управленческие последствия

Все сотрудники любой организации состоят в управленческих парах и неизбежно подвержены влиянию сил, обсуждаемых в этой статье. Отношения между двумя людьми могут стать очень напряженными как из-за того, что происходит внутри них, так и из-за того, что на них проецируют другие. Менеджеры, стремящиеся улучшить функционирование организации, скорее всего, выиграют, если будут рассматривать управленческую пару как единицу анализа – как источник бесценной информации, а также как место для развития.

Это требует понимания многих факторов, которые проявляются в рабочих отношениях пары и формируют их. Разделение этих различных влияний может быть запутанным и трудным. Как показывает случай с Сарой и Алом, управление структурой и границами обеспечивает отправную точку для устранения различных влияний. Одной из ключевых функций руководства со стороны менеджера является создание условий, способствующих подотчетности.

Подотчетность и ее способность использовать социальную динамику для решения задач возникают только в сочетании с определенными структурами власти и могут быть достигнуты только тогда, когда формальная граница, через которую взаимодействуют члены управленческой пары, имеет определенные характеристики (*Jaques, 1976*). Четко определенные роли и согласованное распределение совместной ответственности позволяют членам рабочей пары понять свои межличностные отношения

в контексте общей задачи и ее человеческого значения. Формальная организация и рационально разработанная структура позволяют членам рабочей пары продуктивно использовать свои иррациональные аспекты, связанные с переживаниями. Структуры и границы, созданные в целях защиты, противопоставляют неизбежную иррациональную связь между парой требованиям задачи и таким образом выводят пару из строя.

В то время как неадекватные структуры часто являются источником трудностей в управленческой паре, благоприятствующие структуры могут быть подорваны в результате других регрессивных воздействий, которые коренятся в межличностной, групповой и межгрупповой динамике. Их труднее выявить и понять, хотя менеджеры часто повышают свою собственную компетентность, развивая рефлексивную способность видеть, как широкие системные силы воздействуют на рабочие пары. В изучении этих сил часто помогает внешняя консультация, т. к. мощные эмоциональные подводные течения имеют бессознательную природу и пара замыкается в паттернах, где доминирует проективная идентификация.

Вывод

Как и в случае с другими социальными реалиями, понимание управленческой пары требует учета множества уровней анализа. Индивидуальный, межличностный, групповой и межгрупповой аспекты помогают разобраться во многих детерминантах жизни управленческой пары. Аналогичным образом, чтобы оценить управленческую пару в контексте системного процесса, необходимо понимание влияния социальной и технической подсистем на изучение опыта этой пары.

Меняющаяся социальная, экономическая и политическая ситуация естественным образом отражается на развитии работающих пар, подвергая их все большему стрессу. Значительно возросшее разнообразие рабочей силы означает, что гораздо большему числу пар придется преодолевать тенденцию к проецированию и разделению, которой способствуют расовые, этнические и гендерные различия. Все более сложные и непредсказуемые условия делают ритуализированные, непроверенные парные договоренности неадаптивными (*Hirschhorn, 1988*). Турбулентная среда требует как от организаций в целом, так и от входящих в их состав пар менеджеров постоянной, активной адаптации и обучения.

Каждая граница между управленческими парами содержит в себе семена конфликта; они присущи потребностям организации принимать решения, основанные на функциональности и эффективности, а не на личных интересах сотрудников. Тем не менее в глубоком и подлинном сотрудничестве также есть возможность для творчества и взаимного роста (*Hirschhorn, 1988; Gould, 1988*). Достижение этого является сложной задачей для пары и для группы, в которой она находится.

Примечание

В данной статье рассматриваются взаимоотношения управленческой пары в организационном контексте, а также их основные компоненты с социально-технической точки зрения. Под социально-технической перспективой я подразумеваю систему взглядов, впервые разработанную Тристом и его коллегами из Тавистокского института (например, *Trist and Bramforth, 1951; Trist et al., 1963*), которая подчеркивает взаимосвязь функционирования социальной и технологической подсистем предприятия.

Социальная система относится к людям, работающим в данной сфере, и отношениям между ними, включая их особые физические и психологические характеристики и требования. Социальная система включает в себя культурные механизмы, которые регулируют социальные отношения. Техническая система относится к аспектам формальной организации, таким как процедуры, политика, методы, инструменты и структуры, которые используются социальной системой для выполнения работы. Социотехнические исследования показывают, что эти две подсистемы связаны друг с другом, служат ограничителями друг для друга и должны эффективно соответствовать друг другу для достижения оптимального функционирования.

Теория социально-технических систем, которая обычно используется для описания производственных систем (*Cummings, 1978*), проектирования рабочих мест (*Davis, 1978*), методов организации предприятий в целом, так же как философия организации труда (*Emery, 1982*), представляет собой концептуальную основу, позволяющую изучать взаимосвязи как внутри системы, так и между ее различными уровнями. Несмотря на то что были предприняты усилия по изучению межличностных аспектов трудовых отношений (например, *Bennis et al., 1979; Argyris, 1962; Baird and Kram, 1983; Gabarro, 1987*) и межличностных аспектов властных отношений (например, *Rioch, 1970; Kernberg, 1980; Levinson, 1969; Kets de Vries, 1979*), я впервые предлагаю использовать теорию социально-технических систем, для того чтобы пролить свет на управленческую пару.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Alderfer C.* "An intergroup perspective on group dynamics", in J. Lorsch (ed.) *Handbook of Organizational Behavior*. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1986.
2. *Argyris C.* *Interpersonal competence and organizational effectiveness*. London: Tavistock Publications, 1962.
3. *Bennis W., Van Maanen I, Schein E. and Steele F.* *Essays in interpersonal dynamics*. Homewood. IL: The Dorset Press, 1979.
4. *Bion W. R.* *Experiences in groups*. London: Tavistock, 1959.
5. *Cummings T.* "Sociotechnical experimentation: A review of sixteen studies", in W. Pasmore and L. Sherwood (Eds), *Sociotechnical Systems: A Sourcebook* La Jolla, CA: University Associates Press, 1978.

6. *Cunningham M.* Powerplay. New York: Simon and Schuster, 1984.
7. *Davis L.* “Sociotechnical systems: The design of work and quality of working life”, in W. Pasmore and L. Sherwood (Eds.), *Sociotechnical Systems: A Sourcebook*, La Jolla, CA: University Associates Press, 1978.
8. *Hirschhorn L.* The workplace within. Cambridge. MA: MIT Press, 1988.
9. *Horowitz L.* Projective identification in dyads and groups. *International Journal of Group Psychotherapy*. Vol. 33. 1983. P. 259–279.
10. *Jaques E.* “Social systems as a defense against persecutory and depressive anxieties”, in M. Klein, P. Heimann and R. E. Money-Kyrle (Eds.), *New Directions in Psychoanalysis*. London: Tavistock Publications, 1955.
11. *Jaques E. A.* General Theory of Bureaucracy. London: Heinemann, 1976.
12. *Kernberg O.* Internal a world and external reality: Object relations theory applied. New York: Jason Aronson, 1980.
13. *Kets de Vries, Manfred F. R.* Managers can drive their subordinates mad. *Harvard Business Review* July-August, 1979.
14. *Levinson D.* Role, personality, and social structure in the organizational setting. *Journal of Abnormal and Social Psychology*, 58. 1959. P. 170–180.
15. *Menzies I.* The functioning of social systems as a defense against anxiety. *Human Relations*, 13. 1961. P. 95–121.
16. *Menzies I.* “Staff support systems: Task and anti-task in adolescent institutions”, in R. Hinshelwood & N. Manning (Eds.), *Therapeutic Communities* London: Routledge & Kegan Paul, 1979.
17. *Newton P. and Levinson D.* The work group within the organization: A Sociopsychological Approach. *Psychiatry*. Vol. 36. 1973. P. 115–132.
18. *Ogden T.* On projective identification. *International Journal of Psychoanalysis*. 60, 1979. P. 357–373.
19. *Redl F.* Psychoanalysis and group therapy A developmental point of view. *American Journal of Orthopsychiatry* 33, 1963. P. 135–142.
20. *Rice A. K.* Individual, group and intergroup processes. *Human Relations* 22(6), 1965. P. 565–584.
21. *Rioch M.* All we like sheep (Isaiah 53:6]: Followers and leaders. *Psychiatry* 33, 1970. P. 56–66.
22. *Stern D. T.* The analyst’s unformulated experience of the patient. *Contemporary Psychoanalysis* 25(1), 1989. P. 1–33.
23. *Trist E. and Bramforth K.* Some social and psychological consequences of the Longwall Method of coal-getting. *Human Relations*, 4, 1951. P. 3–38.

The Managerial Couple: Superior-Subordinate Relationships as a Unit of Analysis

James Krantz

(Translation from English: Tatiana Ezhova)

James Krantz, leading expert in organizational change, leadership and improving effective work processes. Founder of Worklab, worked as a consultant for the Center for Applied Research at the Wharton School, USA and the Tavistock Institute, UK. Was a lecturer at Yale University, the Wharton School, INSEAD, the University of Chile and Columbia University, and the National Research University Higher School of Economics, Moscow.

The superior-subordinate relationship (called the “managerial couple” in this article) is pervasive in hierarchical organizations and essential to their effectiveness. Through this primary interpersonal link, the delegation of work, the division of labor, and accountability are all realized. Together, both members of the managerial couple must accomplish a job, but neither can control that job individually. Therefore, each must trust the other while coping with feelings of dependence on the other. The extent to which each relies on the other and can be let down by the other often touches upon deep-seated anxieties.

Keywords: Managerial Couple, Manager, Subordinate, Interdependence, Delegation, Emotions, Projective Identification, Conflict, Group, Expectations, Structure, Dynamics, Communication, Cooperation, Mutual Relationships, Management, Efficiency, Trust, Organization.

ПСИХОАНАЛИЗ КАТАСТРОФ

Психоаналитический взгляд на экстремальное поведение лидеров на примере батискафа «Титан»

П. Г. Абалмасова

Абалмасова Полина Германовна – магистр психологии ВШЭ, executive-коуч, психоаналитический бизнес-консультант.

Жизнь в современном мире – это не только работа, семья, дом и хобби. Это также и эмоциональная составляющая в каждой из сфер жизни. Современный человек перегружен информационным полем и внешними стимулами. Повышенный уровень внешней тревоги стал нормой, не говоря уже о внутреннем состоянии, в котором параллельно протекают свои процессы. Внутренние проблемы и бессознательные конфликты, с которыми человек не в состоянии справиться самостоятельно, могут толкать его на рискованное поведение, чтобы он мог снять напряжение и получить хотя бы временную разрядку. К таким способам разрядки можно отнести экстремальный спорт и в том числе глубоководные погружения.

Такого рода риски могут провоцировать лидеров и членов команды на необдуманные поступки и решения, связанные с потерей контроля над ситуацией, которые зачастую приводят к трагическим последствиям. В этом контексте мы можем сравнить глубоководные погружения с символическими «бессознательными погружениями», заключающими в себе скрытые смыслы и мотивы.

Одним из таких примеров погружения в глубины океана я считаю случай с батискафом Titan компании OceanGate, который закончился трагедией. В данной работе я рассматриваю эту катастрофу с психоаналитической точки зрения, анализируя историю компании OceanGate, ее подход к созданию глубоководных аппаратов и отношение к небезопасным погружениям, взаимодействие лидера компании OceanGate Стоктона Раиша и команды на борту Titan в момент последнего погружения, которое привело к разрушению судна и гибели всех членов экипажа 18 июня 2023 года.

Ключевые слова: психоанализ, символизм, нарциссизм, нарциссические травмы, уязвленный нарциссизм, влечение к смерти.

Психоаналитическое исследование трагической гибели батискафа Titan в июне 2023 года ставит целью раскрыть возможные психологические механизмы, лежащие в основе рискованного поведения лидеров, и показать, как их бессознательные конфликты могут влиять на принятие решений и нести угрозу не только им самим, но и их команде.

В статье анализируются ключевые концепции, отражающие связь между нарциссизмом, влечением к смерти и самоуспокоительными приемами, а также детально рассмотрена фантазия о поглощении объекта в контексте теории интроективных процессов Хиншелвуда.

Статья предназначена для специалистов в области психоанализа и психологии, а также для всех, кто интересуется вопросами лидерства, психологическими механизмами рискованного поведения и изучением бессознательных мотивов, влияющих на опасные решения.

Жерар Швек описывает механизмы влечения к смертельной опасности как способ самоуспокоения и как способ справиться с депрессией. Он указывает на возможность использования опасности как источника возбуждения, который может быть связан с детской травматической реальностью. Люди могут стремиться к опасным ситуациям, чтобы повторить пережитую травму и возбудить целый ряд влечений. Также игры со смертью могут рассматриваться как способ борьбы с депрессией. Автор упоминает, что некоторые, в том числе и спортсмены-экстремалы, могут постоянно искать способ вернуться в травматическую реальность детства, которая привела к возбуждению и сексуальному совозбуждению. В таких случаях их поведение больше напоминает травматофилию влечений, чем защитные механизмы Я (Швек, 2015). Недостаточный материнский уход или его отсутствие, а также характер укачивания младенца могут нести в себе разрушительные последствия для психики ребенка. В дальнейшем он может стать неласковым или вовсе отказаться от контакта с матерью, такое отвергающее поведение ребенка может выражаться в приступах гнева. В таких случаях моторная функция будет служить попыткой справиться с возбуждением. Младенец, не имеющий возможности унять свое возбуждение посредством материнской заботы, будет искать моторной разрядки (Швек, 2015).

Такой регресс в будущем с психического на поведенческий уровень характеризует людей, находящихся в поиске экстремальных ситуаций. Младенцы, отвергающие нежность матери, предпочитают чувствовать ужас одиночества, чем страдать от страха, который они испытывают, находясь рядом с матерью, ставшей источником их беспокойства. Они предпочитают справляться сами, чем рисковать в ожидании расположения матери, которую они не считают надежной. Для них лучше быть теми, кто отталкивает свою мать или выражает к ней агрессию, чем поддаваться и быть жертвой материнских проявлений. В раннем возрасте они уже ведут себя как непокорные (Швек, 2015). Повторение травматического опыта уже во взрослом возрасте – это способ попытаться интегрировать психически прошлые травмы, которые они испытали, но не пережили полностью. Это означает, что психика не может проделать работу горя. Их стремление к опасным ситуациям указывает на то, что материнской

контейнирующей функции было недостаточно, чтобы помочь ребенку пережить этот опыт. Нахождение в экстремальных ситуациях – это бессознательная демонстрация попыток сохранения перцепции, так как психическая работа по созданию репрезентаций не продлевается. Такие попытки повторяют пережитый ранее ужас, но не приводят к разрядке, поэтому повторяются снова и снова. Таким образом происходит повторяющаяся попытка найти объект и придать смысл диффузной тревоге. Изучая ранние младенческие травмы, Жерар Швек ввел такое понятие, как, аутоэротизм – «это жизненная сила, которая тяготеет к удовольствию или к нулевому уровню возбуждения... Ритмическая аутоэротическая деятельность отличается от деятельности самоуспокоительного приема» (Швек, 2015, с. 52). Младенцы могут прибегать к самоукачиванию, чтобы успокоиться и уснуть. Отсутствие связывания влечений говорит о невозможности получения эротического удовольствия, что приводит к поиску сверхмощных ощущений, нацеленных на доказательство существования. Постоянный поиск ощущения страха становится своего рода наркотиком, от которого невозможно отказаться. Страх становится привлекателен тем, что его необходимо обуздать и как будто только после этого почувствовать себя живым. И каждый раз столкновение с новыми опасностями – это попытка как-то назвать и обозначить страх, посмотреть ему в глаза и понять его. Зачастую это лежит в основе экстремальных экспедиций. Еще одной причиной стремления к смертельной опасности можно назвать борьбу с депрессией. Невозможность распознать эмоции и причину тревоги ввиду отсутствия ментализации также может привести к необратимым последствиям. Виной всему все то же отсутствие достаточно хорошей и контейнирующей материнской функции, с которой младенцу приходится справляться самостоятельно. И вот уже этот переживший ужас младенец в теле взрослого человека проживает бесконечный круг расщепления и невозможности связывания влечений (Швек, 2015).

Согласно мнению Жерара Швека, люди стремятся совладать с травматическими событиями через активное повторение опыта, они могут пытаться лечить одно зло другим злом, используя активное повторение ситуаций, чтобы избежать страха и справиться с травмой. Саморазрушение и влечение к смерти становятся формой самоуспокоения. Экономический аспект самоуспокоительных приемов – снижение возбуждения через активное повторение травмы, пережитой ранее пассивно. Образуется тенденция к повторению определенных действий и сценариев.

Можно выделить несколько способов, которыми человек пытается свести напряжение к нулю через самоуспокоительные приемы.

1. Активное повторение ситуации. Люди могут активно повторять ситуации, которые вызывали чрезмерное возбуждение в прошлом, в попытке справиться с этим возбуждением и достичь удовлетворения. Это активное повторение может быть способом защиты Я, направленным на совладание с травмирующей ситуацией и отводящим человека от роли пассивной жертвы.

2. Механическое поведение. Некоторые люди могут прибегать к механическому, автоматическому поведению с бесконечным повторением

однообразных действий в попытке снизить возбуждение и достичь спокойствия. Однако такой подход не всегда приносит удовлетворение, а скорее заключает человека в систему навязчивого повторения, не приводящего к реальному расслаблению.

3. Повторение травматического опыта. Некоторые люди могут пытаться свести напряжение к нулю путем повторения травматического опыта, чтобы попытаться совладать с ним и преодолеть его воздействие. Этот процесс может включать повторение опасных ситуаций или действий, чтобы попытаться достичь удовлетворения или спокойствия.

Сабина Шпильрейн объясняет влечение к смерти другим образом: по ее мнению, деструкция выступает как внутренний конфликт между индивидуальностью, Эго и коллективным бессознательным. Она описывает это как инстинкт продолжения рода или инстинкт самосохранения рода, что приводит к самоотчуждению Я и раскрытию универсальности или типичности Я. Таким образом, можно рассматривать влечение к смерти в контексте попытки отсоединения от Эго. Влечение к смерти, согласно идеям С. Шпильрейна, проистекает из инстинкта самосохранения рода. Этот инстинкт направлен на продолжение рода и сохранение его целостности, а это в свою очередь может приводить к конфликту с индивидуальными потребностями и стремлениями. В результате возникает внутренний конфликт между индивидуальностью и универсальностью, который может проявляться через влечение к смерти и деструктивные процессы. Таким образом, влечение к смерти можно рассмотреть в данном ключе как результат внутреннего конфликта между индивидуальностью, Эго и коллективным бессознательным, а также как проявление инстинкта самосохранения рода (Шпильрейн, 2008).

По мнению Г. Розенфельда и согласно его взгляду на инстинкт смерти, есть ряд качеств, которые также могут привести к деструктивным последствиям – например, идеализация всемогущественных деструктивных частей самости может привести к потере чувства реальности и способности мыслить, что создает опасность острого психотического состояния (Розенфельд, 2008). Идеализация самости является ключевым аспектом нарциссизма и может иметь как позитивные, так и негативные последствия. В контексте деструктивного нарциссизма такая идеализация относится к процессу преувеличения и преобразования собственного Я в идеальное, всемогущее и безупречное. Нарцисс стремится к поддержанию этой идеализированной картины себя и часто отвергает или подавляет любые аспекты своей личности, которые не соответствуют этому идеалу. В своей работе Г. Розенфельд опирается на труды З. Фрейда (*Freud, 1920*) о врожденном стремлении к саморазрушению и идею о том, что только благодаря действию инстинкта жизни и связыванию влечений стремление к саморазрушению может быть преобразовано. Фрейд подчеркивал, что инстинкт смерти проявляется как разрушительное стремление, которое может быть направлено как наружу, на объекты, так и внутрь, на самого человека. Это некая деструктивная сила внутри человека, которая может проявляться как хроническое парализующее сопротивление или

как скрытая энергия, удерживающая человека в стороне от жизни и вызывающая тревоги.

Функционирование в регистре нарциссического расстройства психики, по мнению Фрейда, существует по ту сторону принципа удовольствия, где работа психики может осуществляться через различные механизмы, которые не всегда соответствуют стремлению к удовольствию. Например, Фрейд описывал случаи, когда принцип удовольствия может быть подавлен принципом реальности или другими силами в психическом аппарате. Он также говорил о конфликтах и расщеплениях в психическом аппарате, которые могут привести к несовместимости различных влечений или их компонентов. Эти конфликты могут возникать в процессе развития личности и формирования сложных структур Я. Например, некоторые влечения могут быть несовместимы между собой или с требованиями реальности, что создает источники неудовольствия. Принцип неудовольствия, согласно теории Зигмунда Фрейда, играет важную роль в развитии личности. Неудовольствие может возникать из различных источников, таких как неудовлетворенные влечения, конфликты внутри психического аппарата, внешние опасности и трудности адаптации к реальности. Принцип удовольствия, введенный Зигмундом Фрейдом, имеет свои истоки в работах Фейераха и Гельмгольца, которые занимались физиологией и психологией. Они предполагали, что организм стремится к удовольствию и избегает неудовольствия, что влияет на его поведение и реакции на внешние стимулы (Фрейд, 2006).

Фрейд развил эту идею, утверждая, что принцип удовольствия является одним из основных принципов работы психического аппарата. Он предположил, что психика стремится к удовольствию и избегает неудовольствия, что влияет на формирование личности, поведение и мотивацию.

В одной из следующих своих работ, «Влечения и их судьбы», Фрейд дает определение понятия влечения, которое вносит ясность в одно из самых основополагающих понятий всего психоанализа (Фрейд, 2006). Влечение рассматривается как промежуточное между психической и соматической сферой, определяемое как представления, заряженные определенной суммой либидозной энергии. З. Фрейд также вводит термин «репрезентант», указывая, что влечение не может находиться непосредственно в сознательной сфере и его представителями выступают психические явления, такие как представления, образы, эмоции и аффекты. З. Фрейд разделяет влечение к жизни и влечение к смерти как два основных влечения, которые, по его мнению, присутствуют в каждом человеке. Влечение к жизни (эрос) представляет собой стремление к сохранению и развитию жизни. Оно связано с любовью, сексуальностью, творчеством и другими проявлениями жизненной энергии. Эрос направлен на удовлетворение жизненных потребностей и стремление к росту и развитию. Влечение к смерти представляет собой влечение к разрушению, возвращению к состоянию покоя и устранению напряжения. Фрейд связывает влечение к смерти с агрессией, саморазрушительными тенденциями и стремлением к самоуничтожению. Оно представляет собой темную, деструктивную сторону психики. Фрейд считал, что эти два влечения находятся в постоянной

борьбе друг с другом внутри психики человека. Баланс между этими двумя влечениями определяет поведение, эмоциональное состояние и психическое здоровье человека. Неконтролируемое преобладание влечения к смерти может привести к различным психическим расстройствам, таким как депрессия, агрессия, самоповреждение и другие формы патологического поведения, в то время как эрос способствует жизненной активности и стремлению к удовлетворению. З. Фрейд описывает стремление к саморазрушению как проявление влечения к смерти, которое присутствует в каждом человеке. Он объясняет его, в частности, бессознательным желанием вернуться к состоянию покоя и устранению напряжения. Фрейдовская концепция влечений к жизни и смерти отражает представление о двойственности человеческой природы, включающей два противоречащих друг другу влечения.

Два других выдающихся специалиста, Х. Кохут и О. Кернберг, активно обсуждали явление нарциссизма – патологической самооценки, выражающейся в излишнем восхищении самим собой, чрезмерном самомнении и надменности у некоторых индивидуумов. Их точки зрения на нарциссизм различаются. По мнению Хайнца Кохута, нарциссизм является необходимым этапом в развитии каждого ребенка. Обычно этот этап пройден и преодолен в детстве. Однако бывает, что-то идет не так и человек не может преодолеть этот этап, оставаясь взрослым с незавершенным нарциссизмом.

Согласно Кохуту, нарциссизм характерен для тех людей, которым не хватило признания и любви со стороны родителей на этапе нарциссического развития. Если им не было предоставлено достаточно любви в раннем детстве, то потребность в таком признании остается у взрослого человека. Кохут так смотрит на нарциссические расстройства личности: он делит пациентов на две группы функционирования, психопатология одних находится между психозами и пограничными состояниями, а других – между невротами и легкими расстройствами личности. В свою очередь пациентов с нарциссическими расстройствами он выделяет в отдельную группу за счет проявления переноса, который бывает двух видов: идеализированный и зеркальный (Кохут, 2017). Таким переносам предшествует заблокированная стадия развития грандиозного Я. Эта хрупкая часть личности, требующая внимания, эмпатии и отзеркаливания матерью, посредством которых рождаются уверенность и полноценное ощущение себя как наполненной личности, как бы замирает в развитии в младенческом возрасте.

В этом случае нехватка материнского внимания и инвестирования сильно травмирует ребенка, это приводит к фиксации на архаичной стадии и бесконечному поиску идеального объекта. По мнению Кохута, психопатология доэдипальной стадии начинается с формирования архаического грандиозного Я и завершается преобразующейся внутренней идеализацией Эго. Он рассматривает это с точки зрения трансформации «биполярного Я», предполагая, что один полюс этого Я – это накопление в себе всех амбиций раннего детства, в то время как другой полюс – это место для основных идеализированных структур цели Я, которые проявляются

позже. Эти полюса формируются благодаря материнскому отражению и поддержке. Такая структура «биполярного Я» отражает начальную психопатологию. По мнению Кохута, агрессия, жадность и постоянное чувство недовольства при нарушениях в нормальном развитии неразрывно связаны с дезинтеграцией Я. Кохут отмечает, что важным аспектом психопатологии доэдипальной стадии является неспособность родителя адекватно отражать потребности и желания ребенка, что препятствует формированию здорового самоощущения. В результате дети могут столкнуться с чувством беспомощности, недооцененности и недостаточности. Эти негативные эмоции могут привести к развитию компенсаторных механизмов защиты, таких как повышенная агрессия или избегание близких отношений. Таким образом, психопатология доэдипальной стадии, согласно Кохуту, связана с формированием архаического грандиозного Я, которое позднее преобразуется внутренним Идеалом Эго. Это процесс трансформации «биполярного Я», который отражает начальную психопатологию и может привести к различным нарушениям личности. Фрейд в свое время так обозначил интерпретацию нарциссизма: Я пациента идентифицируется с объектом, а репрезентация инфантильного Я проецируется на этот объект (Фрейд, 2006).

Отто Кернберг, в отличие от Кохута, видит нарциссизм как патологическую черту, связанную с защитой от ощущения собственной ничтожности. Для Кернберга цель психотерапии заключается в интеграции личности. Нарциссизм рассматривается им как защитный механизм, прибегая к которому человек пытается заглушить ощущение своей ничтожности. Это приводит к расщеплению личности, когда человек не в состоянии одновременно воспринимать как свои хорошие, так и плохие качества. Нарциссичный индивидуум склонен либо углубляться в самовлюбленные фантазии, либо ощущать отчаяние, не находя равновесия между этими двумя состояниями. Кернберг утверждает, что нарциссизм может привести к серьезным психическим расстройствам, таким как нарциссическое расстройство личности или нарциссическое расщепление. В таких случаях человек не способен построить здоровые отношения с окружающими, так как его внутренняя фрагментация мешает ему видеть других людей как целостных индивидов. Психотерапия с такими пациентами направлена на работу над интеграцией личности, помогающую им принять свои разные стороны и научиться жить в мире с собой и другими (Кернберг, 2014).

В свою очередь, Альфред Лэнгле, известный психотерапевт и председатель международного Общества экзистенциального анализа и логотерапии в Вене, рассматривает нарциссизм как антропологическо-экзистенциальный феномен (2002). Он подчеркивает, что нарциссизм представляет собой нарушение, затрагивающее сферу взаимодействия между структурой Я и бытием Person. Нарцисс внутренне слаб, так как ему не хватает развитых функций Я, которые позволяют человеку чувствовать свою индивидуальность и ценность. Отсутствие соотношения с внутренним приводит к тому, что нарцисс обращается к внешнему миру для заполнения этой пустоты, что может проявляться через высокомерие,

гиперкомпенсации, зависть и другие типичные паттерны нарциссического реагирования. Лэнгле использует термин «грандиозное одиночество», которое отражает состояние, когда человек чувствует себя одиноким и изолированным даже в окружении других людей. Этот термин может использоваться для описания внутреннего переживания пустоты, отчуждения и отсутствия подлинной связи с окружающим миром и другими людьми. Грандиозный нарциссизм характеризуется чрезмерным чувством собственной важности, величия и уникальности. Люди с грандиозным нарциссизмом могут иметь завышенное самомнение, стремление к власти и контролю над окружающими, а также недостаток эмпатии. Они могут проявлять высокомерие, пренебрежение правилами и нормами общества, а также стремление получать похвалы и внимание (Лэнгле, 2002).

Таким образом, разные точки зрения на нарциссизм отражают сложность этого явления и многогранный характер его проявлений в поведении и психологическом здоровье человека.

Компания OceanGate Expeditions была основана в 2009 году и изначально занималась исследованиями в глубоководных областях. Стоктон Раш, основатель компании, обладал обширным научно-техническим опытом: в 1981 году в возрасте 19 лет он стал самым молодым в мире пилотом реактивного транспорта, а спустя три года получил степень в области аэрокосмической инженерии в Принстонском университете.

Компания OceanGate начала организацию подводных туров для любителей наблюдения за затонувшими кораблями в 2017 году, а первая группа туристов отправилась к «Титанику» в 2021 году. Подводное погружение длится восемь часов и стоит 250 000 долларов, что в два раза превышает стоимость каюты на «Титанике» в современном эквиваленте. Согласно расписанию на сайте OceanGate, на 2023 год было запланировано проведение 13 подобных экспедиций.

Ранее группа из 38 членов комитета по пилотируемым подводным аппаратам американского Общества морских технологий предостерегала от подобных погружений, говоря о небезопасности батискафа. Они написали письмо Рашу, выражая беспокойство по поводу разработки «Титана» и предупреждая о рисках, связанных с запланированными миссиями. Эксперты отметили, что использование компанией экспериментального подхода и решение отойти от традиционных методов оценки безопасности может привести к серьезным проблемам в будущем. Несмотря на уверенность Стоктона Раши в безопасности своего судна, в 2018 году компания получила несколько предупреждений, включая послание от Дэвида Локриджа, директора по морским операциям компании. В своем отчете Локридж указал, что судну требуются дополнительные испытания, и предупредил о рисках для пассажиров при погружении на большие глубины субмариной. Например, смотровое окно в передней части батискафа было сертифицировано для работы на глубине до 1300 м, в то время как батискаф совершал погружения на глубину до 4000 м. Тогда Раш проигнорировал критику и решил уволить Локриджа, а также подал на него в суд за разглашение коммерческой тайны. Стоктон Раш утверждал, что

подводные погружения, организованные компанией OceanGate, являются более безопасными, чем полеты на вертолете или ныряние с аквалангом. OceanGate при этом ставила в известность всех участников экспедиций об экспериментальном характере миссии, требуя подписания соглашения со всеми рисками, включая смертельные.

Утром 18 июня 2023 года к месту крушения Титаника с «Титаном» на борту команду доставило канадское судно. Обычно для полного погружения требовалось в среднем около трех часов, но всего через 1 час 45 минут после погружения связь с «Титаном» прервалась. Во время предыдущих погружений связь уже несколько раз прерывалась вплоть до нескольких часов, поэтому на поверхности никто не забил тревогу. Но по прошествии восьми часов, которые были отведены на экспедицию, судно так и не поднялось на поверхность. 19 июня начались поисковые работы, которые были затруднены за счет удаленности и труднодоступности места погружения, плохой освещенности и состояния моря на тот момент. К вечеру следующего дня объединенная спасательная команда США и Канады сообщила об обнаружении обломков: о том, что найдены часть обшивки и рамы пропавшего батискафа, также обломки нашли на дне в 200 метрах от самого «Титаника». Найденные обломки свидетельствовали о катастрофическом разрушении судна, то есть никаких 96 часов у экипажа не было, это время, на которое был рассчитан запас кислорода на борту. Спустя 1 час 45 минут из-за сильного перепада давления батискаф схлопнулся как консервная банка. Опытные дайверы сообщают, что, погрузившись к тому времени примерно на 3000 м, «Титан» разрушился в одно мгновение из-за износа аппарата. Наружное давление составляло 380 атм, а внутри аппарата – 1 атм. Судно просто разрушилось в одно мгновение внешним давлением. Такое явление называется имплозией – потерей устойчивости оболочки из-за перепада давления. Но при должном соблюдении норм безопасности всего этого можно было избежать. Руководитель лаборатории глубоководных аппаратов Института океанологии РАН Анатолий Сагалевич рассказал, что батискаф был построен с грубейшими нарушениями всех подводных правил и законов. «Я был удивлен, что этот аппарат вообще не сертифицировался... Есть определенные правила постройки и эксплуатации этих судов, связи, навигации. Это, конечно, сыграло роль, это были работы с целью получения денег», – отметил испытатель глубоководных аппаратов¹.

Итак, с самого начала создания компании мы наблюдаем пренебрежение нормами безопасности. Уникальные характеристики якобы не позволяли классифицировать аппарат в регистре Ллойда (крупнейшее классификационное общество, объединяющее судовладельцев, судостроительные фирмы, изготовителей судовых механизмов и страховые компании).

¹ Хронология ЧП с пропавшим у обломков «Титаника» батискафом // РЕН ТВ. 2023. URL <https://ren.tv/longread/1115515-titanik-ne-otpuskaet-batiskaf-khronologiya-proisshestviia-s-titanom> (дата обращения: 15.02.2024)

«Инновации находятся за пределами уже принятой системы», – таким образом объясняли отсутствие классификации в самой компании. Сертификация инновационных проектов и идей часто имеет многолетний цикл утверждения из-за отсутствия ранее существовавших стандартов, указывали там. По словам руководства OceanGate, «Титан» использует систему мониторинга в режиме реального времени для контроля за состоянием аппарата во время погружения, а команда оценивает риски по 25 факторам. «Экспериментальный подход компании и ее решение отказаться от стандартных методов оценки безопасности могут привести к потенциально катастрофическим проблемам», – отметили в письме эксперты из группы тридцати восьми.

Подобные Рашу люди могут легко попадать в опасные ситуации из-за уверенности в собственной непобедимости. Это поведение может привести к серьезным последствиям как для самих нарциссов, так и для окружающих. Люди с таким расстройством личности могут принимать решения, которые повышают риск для других, не учитывают их интересы и благополучие. Они могут использовать других людей для достижения своих целей, не задумываясь о возможных негативных последствиях.

Следующая гипотеза развития рискованного поведения – необходимость психической разрядки через моторику. Иногда недостаточное развитие аутоэротизма может привести к тому, что человек начинает искать экстремальные ощущения, чтобы подтвердить свое существование. Вместо эмоциональных переживаний и внутренних состояний такие люди могут ориентироваться на физические ощущения и мускульное напряжение. Эти действия могут запускать процесс, в рамках которого эротическое влечение переплетается с желанием смерти. Вместо того чтобы стремиться к удовлетворению через сексуальные фантазии и оргазм, люди могут прибегать к самоуспокоительным методам в поисках утешения. Этот путь, основанный на поиске экстремальных ощущений и замещении эмоциональных переживаний физическими стимулами, может привести к опасным последствиям. Вместо того чтобы находить радость и удовлетворение во взаимодействии с собой и другими, такой человек может стать зависимым от опасных и деструктивных действий. Поэтому важно развивать здоровый аутоэротизм, основанный на уважении к себе, своим желаниям и границам, чтобы не погрузиться в опасный круг саморазрушения. Таким образом, я полагаю, что самоуспокоительные приемы могут заменять невозможные фантазии наслаждения оргазмом и служить поиску успокоения.

Грандиозные фантазии также позволяют индивидуумам с высоким уровнем нарциссизма восстанавливать чувство собственного величия и укреплять самооценку после нанесения ущерба их надменному Эго. То есть они могут рассматриваться как защитный механизм, который помогает индивидуумам с патологическим нарциссизмом справляться с негативными эмоциями и стрессом. При фантазировании о будущих успехах происходит компенсация фрустрации и укрепление чувства важности и превосходства.

Функционирование в таком ключе дает возможность пребывать в постоянной фантазии и иллюзии. Человек как бы оторван от реальности объективной и строит свою собственную реальность, отвечающую его запросам и удовлетворяющую его фантазии, при этом он может мысленно и физически находиться в состоянии изолированности от людей и внешнего мира. У него могут возникнуть сложности с установлением близких отношений, проживанием подлинной радости и получением удовлетворения от жизни. Оставаясь наедине со своими чувствами и эмоциями, он испытывает чувство грандиозного одиночества из-за отсутствия эмпатии, невозможности построить близкие отношения. Заполнение своей внутренней пустоты он может искать через внешние источники признания и внимания, что временно облегчает его состояние, но не решает основных проблем. Таким образом, проживание в собственных иллюзиях порождает внутреннее переживание пустоты, отчуждения и отсутствия подлинной связи с окружающим миром и другими людьми.

Будучи в позиции лидера, человек оказывает влияние и на свою команду. Опираясь на статью «Facets of grandiose narcissism predict involvement in health-risk behaviors» (Buelow, Brunell, 2014), можно сделать следующий вывод относительно поведения Стоктона Раша. Ощущая собственную грандиозную значимость и важность, он с уверенностью повел за собой команду людей, невзирая на опасность погружения и риски, неоднократно озвученные инженерами и командой, находящимися на суше. Он руководствовался лишь своими собственными потребностями и желанием получения всеобщего и публичного признания, ведь погружение транслировалось практически по всему миру, на многих телеканалах и освещалось в других средствах массовой информации. Такое поведение Стоктона Раша отражает типичные черты грандиозного нарциссизма, когда личность ставит собственные потребности и желания выше всего, игнорируя возможные риски и последствия для себя и окружающих. Важно отметить, что грандиозный нарциссизм может приводить к опасным ситуациям, когда личность неспособна адекватно оценить реальные угрозы и риски из-за искаженного восприятия себя, непоколебимой уверенности в себе. В случае со Стоктоном Рашем его стремление к славе и признанию перевешивало любые предостережения и разумные соображения, что в конечном итоге привело к трагическим последствиям.

Отсутствие баланса между влечением к жизни и влечением к смерти указывает на невозможность получения удовлетворения от сексуальных наслаждений, что заставляет искать экстремальных ощущений, направленных на подтверждение своего существования. Мы считаем, что постоянный поиск ощущений страха стал для Стоктона Раша своего рода зависимостью, от которой ему сложно было отказаться. Страх для него был притягателен тем, что, преодолевая его, чувствуешь себя живым. Встреча с новыми опасностями была попыткой идентифицировать и понять страх, взглянуть ему в глаза. Часто именно это желание испытать себя и свои границы лежит в основе участия в экстремальных приключениях. Они являются поиском способа ощутить настоящее присутствие в мире, побороть своих внутренних демонов и преодолеть страхи. Но если этот поиск

не сбалансирован и является единственным, это приводит к деструктивным последствиям.

Следовательно, здесь также можно говорить об отсутствии связывания влечений и явном превалировании влечения к смерти у основателя компании OceanGate.

Спортсмены-экстремалы часто за счет своих занятий стремятся преодолеть то состояние беспомощности, которое они испытали когда-то ранее, в детстве в отношениях с матерью или другой значимой фигурой, чтобы почувствовать, что даже когда кажется, что уже невозможно помочь себе, все же можно добиться успеха (Швек, 2015). По-видимому, они выбирают замену своих прежних безысходных и бессмысленных страданий на более понятные вызовы, чтобы избавиться от первоначальных проблем. Потребность, вызванная чувством отчаяния и неконтролируемым чувством перевозбуждения, объясняет такие поступки. Изучая случай Стоктона Раша, я рассуждаю о том, что происходила в некотором роде игра со смертью, когда тело превращалось в инструмент, в оперативный механизм двойного действия: воспрепятствования травматическому опыту и укрощения его. Как если бы он пытался справиться с травматическими событиями путем активного повторения и изменения своего опыта. В некотором роде использовалось «лечение злом другого зла», повтор ситуации для преодоления травмы. Саморазрушение и стремление к смерти стали для Раша способом саморегуляции: повторение травматического опыта взрослыми может быть попыткой интегрировать не до конца пережитые психические травмы прошлого. В экстремальных ситуациях у него могло проявляться стремление сохранить восприятие, так как процесс психической работы над созданием представлений не завершается. Повторение травматического опыта вызывает ужас, не разрешая его, что приводит к цикличности этих попыток. Таким образом можно пытаться найти объект и придать смысл диффузной тревоге через повторение. Возможно, именно поэтому Стоктон прибегал к подобному поведению. Отсутствие баланса между влечениями может привести к невозможности получения удовольствия от эротических переживаний, что также заставляет человека искать более интенсивные ощущения, направленные на подтверждение своего существования. Постоянный поиск страха начинает действовать как наркотик, от которого трудно отказаться. Похоже, что Стоктон как бы находился в постоянном поиске пугающих ощущений. Только лишь возбуждение, получаемое вблизи постоянной смертельной опасности, могло снимать напряжение и давать временное облегчение. Так, эмоционально, человек реагирует на психическую травму, полученную в раннем детстве. Из-за отсутствия возможности ментализировать травматичный опыт человек не фантазирует, а в реальности пытается вновь и вновь пережить кошмар.

Страх становится захватывающим, поскольку, преодолевая его, можно почувствовать себя живым. Каждый новый вызов или опасность становятся способом обозначить и осознать свой страх. Можно предположить, что регулярный износ оборудования после каждого погружения, который требовал дополнительного обследования и ремонта, не пугал Раша,

а, наоборот, придавал азарта, вызывая желание использовать именно этот, деформированный аппарат. Он прекрасно знал о техническом износе и ненадежности, в частности, даже невозможности использования батискафа на заявленной глубине. Но когда только страх становится единственным способом получения адреналина, инстинкт самосохранения или отсутствует вовсе, или отходит на второй план и не срабатывает как охранитель для соблюдения норм безопасности. Наоборот, привлекательными становятся страх и нахождение в пространстве околосмертного опыта, в пространстве, которое в искаженном восприятии дает ощущение жизни и в то же время спокойствия.

Так как психоанализ и его интерпретации неразрывно связаны с бессознательным и метафорами, невозможно не обратить внимание на форму самого батискафа и символизм погружения. В психоанализе глубины океана могут символизировать материнскую утробу, и погружение человека на глубину метафорически означает часто желание погрузиться в тишину, спокойствие и умиротворение. Как и стремление к погружению в глубины реальной жизни может свидетельствовать о желании слияния с материнским началом, возвращения к внутриутробному состоянию для обретения покоя. Это может отражать подсознательное стремление к защите, утешению и возвращению к источнику жизни, к материнской заботе и любви. Глубины океана также могут символизировать тишину и спокойствие (Фрейд, 2006).

В психоаналитическом словаре В. П. Самохвалова значение воды также интерпретируется как лоно, из которого берет начало жизнь, это нечто бесформенное, в котором может зародиться новое начало, некий гомеостатический элемент (1999). Погружение в воду означает желание восстановления собственных сил и регрессивное стремление вернуться в лоно как исходной точке, где все началось. Это способ восстановить силы, обрести спокойствие и найти внутренний покой. Вода – это возможность очищения и обновления, обретения гармонии и равновесия.

В свете рассуждений о ненасытном желании вернуться в младенческое состояние вспоминается выражение «ненасытная утроба», которое означает прожорливого ненасытного человека. В контексте данного кейса я рассуждаю также о ненасытном желании полностью завладеть матерью, «съесть» ее без остатка и захватить всю ее любовь. Концепция интроективных процессов, предложенная Хиншелвудом, вносит важное понимание в агрессивные компоненты жадности и их воздействие на объект в фантазии (2007). Хиншелвуд считает, что оральная враждебность жадности настолько сильна, что объект, в фантазии, разрушается. Жадность проявляется и реализуется через ненасытное стремление к удовлетворению оральных потребностей, таких как пища, любовь, забота и внимание. Люди, испытывающие жадность, могут ощущать постоянный голод, пустоту и одиночество, стремясь заполнить этот внутренний дефицит через агрессивное или завистливое поведение. Жадность может также привести к фантазиям о поглощении объекта или овладении им до тех пор, пока он не исчезнет, оставив только Эго. Жадность проявляется как стремление к насыщению себя ценными аспектами объекта. Причины

жадности могут иметь различные истоки, включая конституционные особенности личности, воздействие окружающей среды и развитие сложных фантазийных отношений между собой и внутренними объектами. Некоторые люди могут испытывать жадность как результат неудовлетворенных оральных потребностей в раннем детском опыте или из-за недостаточности психической пищи в раннем детстве.

Ввиду того что в открытых источниках отсутствует информация по поводу отношений Стоктона Раша с его матерью, резюмируя вышеизложенное, я могу выдвинуть предположение о некоторой двойственности: с одной стороны, погружение на глубину океана вызвано бессознательным желанием воссоединения с матерью, получения бесконечной материнской любви и заботы, желанием полностью завладеть ее вниманием и ресурсами, в то же время ненасытным, ввиду регулярных погружений. С другой стороны, такой акт намеренного непоколебимого погружения, в обход всех преград и предостережений проектирующих и эксплуатирующих служб, является актом агрессивного воздействия на материнский образ, как желание ее полного поглощения, подчинения и, возможно, уничтожения. Здесь мы возвращаемся к фаллической форме батискафа. Я вижу в таком поведении бессознательное агрессивное воздействие на родительский образ как попытку воинственно атаковать и вторгнуться в пространство материнского. Это может быть способом компенсации внутренних конфликтов и неудовлетворенности, а также способом защиты от потенциальной угрозы со стороны объекта.

Обращает на себя внимание и тот факт, что погружной аппарат «Титан» не являлся самостоятельным плавательным судном, к месту погружения он был доставлен специальным бортом и спущен на воду. Как если бы это был младенец на руках матери, который еще не может самостоятельно функционировать и нуждается в полноценной опеке. После того как команда переместилась внутрь батискафа, его герметично закрыли снаружи. То есть после этого самостоятельно оттуда выбраться было невозможно, открыть батискаф изнутри было нельзя. Это могли сделать только инженеры, находящиеся на основном судне после поднятия аппарата. То есть по сути команда находилась в ситуации полной беспомощности, и в случае возникновения внештатной ситуации эти члены экипажа никаким образом не смогли бы спастись самостоятельно, без внешней профессиональной помощи. Мы смело можем предполагать, что у Стоктона Раша были личные мотивы для такого рискованного погружения, которые могли привести к его бессознательному решению оставить себя без возможности спасения. Тут возможно бессознательное самоубийство. Стоктон Раш не хотел быть спасен, он преследовал другие цели и бессознательно подразумевал, что может не вернуться. Своими руками он сделал все необходимое, чтобы его невозможно было оттуда достать и ничто внешнее не могло помешать реализовать его грандиозный замысел, замысел слияния и воссоединения с матерью. Батискаф был оснащен запасом кислорода на 96 часов, и именно после того, как по подсчетам спасательных служб кислород должен был закончиться, были найдены первые останки разрушенного аппарата.

В этом случае остальные члены экипажа для него служили лишь функцией для выполнения задуманного плана. Как известно, нарциссы могут эксплуатировать других людей для личной выгоды. Стоктон Раш стремился удовлетворить свои собственные потребности и желания за счет других, не учитывая их интересы и чувства. Такая эгоцентричность не подразумевает заботу и внимание к окружающим, слепое следование своим намерениям – единственная цель, которую он мог преследовать. Следует также обратить внимание на оборудование, которое использовалось на борту батискафа «Титан» для управления судном. Как уже известно, батискаф не являлся самостоятельным плавательным судном и к месту погружения он был доставлен другим бортом. Далее управление погружением осуществлялось за счет игрового джойстика. То есть рискованная глубоководная экспедиция к останкам «Титаника» на глубину 3750 метров управлялась практически в игровом формате. Тут налицо некая грандиозная инфантильность, фантазия о том, что управлять ненадежным судном в толще воды под огромным давлением можно без особых усилий. «Мы все делаем здесь вот этим джойстиком от компьютерных игр», – рассказал он в одном из интервью. Батискаф доставлял обеспеченных туристов (стоимость такой экскурсии составляла \$250 000) к обломкам «Титаника» в максимально некомфортных условиях. Все погружение вместе с подъемом занимало порядка восьми часов, при этом на борту не было уборных комнат, еды и медикаментов на случай необходимости. Все это время пассажиры сидели на корточках, прислонившись к стене. Оборудование пространства для удобного нахождения во время погружения для Стоктона не имело никакой важности, это и логично в его парадигме, ведь погружение рассматривалось как веселая игра, управляемая джойстиком. Это в очередной раз говорит о незрелости принимаемых решений. Функционирование в таком ключе дает повод еще раз задуматься о фантазиях и иллюзиях, которые психически и физически изолируют пребывающего в них человека от других людей и внешнего мира. Стоктон Раш являет типичные черты грандиозного нарцисса, ставя собственные потребности и желания превыше всего и игнорируя возможные риски и последствия для себя и других из-за иллюзии собственного бессмертия и всемогущества.

Изучение влечения к смертельной опасности через призму психоаналитических концепций позволяет увидеть, какие внутренние конфликты и потребности могут лежать в основе такого поведения. Важно осознавать, что экстремальное поведение не всегда является простым проявлением риска и азарта, а может быть результатом сложных психических механизмов, включая защитные реакции на детские травмы и недостатки в самоидентичности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кернберг О. Ф. Тяжелые личностные расстройства / Пер. М. И. Завалова. М.: Когито-Центр, 2014. 464 с.
2. Кохут Х. Анализ самости / Под ред. А. М. Боровикова. Пер. А.М. Боровикова М.: Когито-Центр, 2017. 368 с.
3. Лэнгле А. Грандиозное одиночество / Пер. О. Ларченко // Московский психотерапевтический журнал. 2002. № 2.
4. Розенберг Р. Творчество Мелани Кляйн // Энциклопедия глубинной психологии. Т. 3: Последователи Фрейда. М.: Когито-Центр, МГМ, 2002. С. 84–124.
5. Розенфельд Г. Деструктивный нарциссизм и инстинкт смерти. [Электронный ресурс] // Журнал практической психологии и психоанализа. 2008 № 4. URL: <https://psyjournal.ru/articles/destruktivnyu-narcissizm-i-instinkt-smerti> (дата обращения: 20.02.2024)
6. Филатов Ф. Р. Учение С. Н. Шпильрейн о деструкции: Теоретические и психобиографические аспекты // Российский психологический журнал. 2016. Т. 13. № 2.
7. Фрейд З. По ту сторону принципа удовольствия // Психология бессознательного. М.: Просвещение, 1990. С. 382–424.
8. Фрейд. З. Собрание сочинений в 10 томах. Т. 1: Лекции по введению в психоанализ и Новый цикл / Под ред. М. Б. Аграчевой, А. М. Боковой, Е. С. Калмыковой. Пер. М. В. Вульфа, Н. А. Алмаева. М.: Фирма СТД, 2006. 605 с.
9. Хиншелвуд Р. Д. Словарь кляйнианского психоанализа / Под общей ред. Романовой И. Ю. Пер. с англ. И. Ю. Романовой.. М.: Когито-Центр, 2007. 566 с.
10. Швек Ж. Добровольные галерщики / Под ред. Л. Фусу. Пер. Г. Рошкэняну, Е. Давид. М.: Когито-Центр, 2015. 230 с.

Psychoanalytical view of extreme behavior of leaders using the example of the bathyscaphe "Titan"

P. G. Abalmasova

Abalmasova Polina G., Master of Psychology at the Higher School of Economics, executive coach, psychoanalytic business consultant.

Life in the modern world is not only about work, family, home and hobbies. It is also an emotional component in each area of life. Modern man is overloaded with the information field and external stimuli. An increased level of external anxiety has become the norm, not to mention the internal state, in which its own processes are taking place in parallel. Internal problems and unconscious conflicts that a person is unable to cope with on his own can push him to risky behavior so that he can relieve stress and get at least a temporary discharge. Such methods of discharge include extreme sports, including deep-sea diving. Such risks can provoke leaders and team members to rash actions and decisions associated with the loss of control over the situation, which often lead to tragic consequences. In this context, we can compare deep-sea diving with symbolic "unconscious dives" containing hidden meanings and motives. One such example of diving into the depths of the ocean, in my opinion, is the case of the bathyscaphe Titan of the OceanGate company, which ended in tragedy. In this paper, I consider this disaster from a psychoanalytic point of view, analyzing the history of the OceanGate company, its approach to the creation of deep-sea vehicles and its attitude to unsafe diving, the interaction of the leader of the OceanGate company Stockton Rush and the team on board the Titan at the time of the last dive, which led to the destruction of the vessel and the death of all crew members on June 18, 2023.

Keywords: psychoanalysis, symbolism, narcissism, narcissistic injuries, wounded narcissism, death drive.

ПСИХОАНАЛИЗ ИСКУССТВА

Фетишизация искусства как способ восполнения нехватки визуальной оболочки

Т. А. Спирина

Спирина Татьяна Анатольевна – магистр психологии (НИУ ВШЭ), психоаналитический психотерапевт, клинический психолог, ассоциированный член Московской психоаналитической ассоциации.

В последние несколько десятилетий благодаря развитию новых технологий в медицине происходят все более отчетливо проявляющиеся изменения в восприятии образа тела. Искусство показывает нам тело через призму все более совершенных методов визуализации. Вслед за популяризацией рентгеновского сканирования ряд художников стал использовать медицинские изображения в своем творчестве. Медицинский образ тела – это образ внутреннего тела, тела, которое деконструировано, которое является чужим и воспринимается как инородное. В статье рассматривается вопрос о том, что происходит в психическом при столкновении с этими образами. Как известно, тело – это геометрическое место встречи взрослого и ребенка, из которого разворачивается субъектность. При разных формах недостаточности первичного окружения мы сталкиваемся с провалом организующих функций психических оболочек. В таком случае психика может избрать разные пути для защиты от дезорганизации, один из которых – попытка скорректировать реальность при помощи искусства. Будет ли этот способ фетишистским или подлинно трансформирующим, зависит от организующей функции взгляда. Другим возможным решением может стать конструирование визуальной оболочки в аналитическом процессе. В этом случае необходимо будет учесть некоторые модификации кадра, критически важные для пациентов, в теле которых имеются кристаллизованные зоны фригидности по Кристофу Дежуру.

Ключевые слова: тело в психоанализе, психические оболочки, визуальная оболочка, фетиши, провал организующей функции взгляда, взгляд как психический организатор, недостаточность первичного окружения, кадр, субъективирующая функция объекта.

«Восприятие и любовь, возможно, имеют одинаковую природу».
Франсис Паш

Новорожденный ребенок обнаруживает свое тело и аффективную природу жизни в неравных отношениях со взрослым, осуществляющим за ним уход. Главное место встречи ребенка и взрослого – это прежде всего тело. Как с феноменологической, так и с психоаналитической точки зрения тело предстает как геометрическое место, из которого постепенно разворачивается субъектность. И именно в этом геометрическом месте может произойти либидинальное нарушение физиологических функций, если ухаживающий взрослый не способен играть из-за собственных бессознательных фантазий, вызывающих тревогу, ненависть или отвращение к телу младенца.

В терминах теории соблазнения Лапланша (*Laplanche, 1999*), ребенок получает сообщение, скомпрометированное сексуальным бессознательным взрослого. Это сообщение поступает к ребенку через тело и имплантируется на уровне кожи. Далее ребенок пытается перевести сообщение взрослого, то есть в то, что он сам ощущает в своем теле вследствие имплантации этого сообщения. Но это удастся не всегда. На протяжении этого процесса могут происходить различные сбои, которые препятствуют способности ребенка переводить, то есть связывать возбуждение.

В результате, согласно Кристофу Дежуру, в теле кристаллизуются зоны фригидности, от которых эмоциональный опыт ускользает, и на месте живого тела возникает пустое, холодное, ангедоничное, анестезированное тело, которое ощущается как вместилище влечений к смерти (*Dejours, 2009*).

Гипотеза Кристофа Дежура о кристаллизации холодных зон, лишенных какого-либо эрогенного потенциала, приводит его к идее об анатомизации истории отношений между ребенком и взрослым, что мы можем видеть в клиническом материале некоторых наших пациентов или на примерах художников, у которых произошли критические сбои в формировании психических оболочек. Так, Дидье Анзье пишет о дефиците «Я-кожи» у Фрэнсиса Бэкона (Анзье, 2015). В рамках этой статьи я бы хотела сосредоточить внимание на последствиях провала визуальной оболочки, которую Анзье упоминает, но детально не концептуализирует.

Зрение специфично по отношению к другим сенсорным системам. Согласно Фрейду, взгляд имеет либидинальную ценность – он является частью пары противоположностей: вуайеризм/эксгибиционизм (Фрейд, 1905). Кроме этого, взгляд – это разновидность прикосновения, которую мы обнаруживаем в первых отношениях, когда ребенок тянется к груди и смотрит на свою мать. Существует тесная связь между сосанием груди и захватом взгляда. Глаз – единственный орган, который видит, что его видят. У Винникотта взгляд выполняет функцию движения, которое отрывается от тела и может быть воспринято только в динамике.

Ги Лавалле описал контенантную петлю зрения, способную ассимилироваться с психической оболочкой (Анзье, 2011). Согласно его исследованиям, изначально воспринятый визуальный стимул, формирующий образ

на сетчатке глаза, не имеет для субъекта никакого значения. Но далее этот стимул вступает в контакт с бессознательными репрезентациями, которые в свою очередь проецируются на воспринятый образ, иными словами, происходит символизация воспринятого. При этом часть воспринимаемого негативируется, а остальная часть интроецируется в Я. Таким образом, контейнирующая петля обеспечивает переход от образа к слову, от бессознательного мышления к сознательному. То есть Ги Лавалле перемещает идею Анзье о фантазме общей кожи матери и младенца в область зрения, выдвигая гипотезу об общей «визуальной коже». Малыш у груди, фиксирующий глаза своей матери, находится внутри ее глаз, без дистанции, внутри двумерной идентификации. Вспомним здесь слова Пьеры Оланье о том, что первую репрезентацию тела младенца выковычивает мать (*Aulagnier, 2015*). Франсис Паш определяет функцию этого важнейшего психического организатора в «Щите Персея» следующим образом: взгляд, в котором «ребенок увиден и помещен на какое-то место, он ни желаем, ни ненавидим, а только увиден и поставлен на свое место, он рассматривается. Взгляд, в котором ребенок видит себя и остальной мир, потому что этот взгляд ничего для себя не оставляет, скрупулезно отдавая то, что получает, даже воздух, который циркулирует между вещами, и сами вещи, которые он ему показывает, наконец, благодаря этому факту и поверх всего свою свободу, он ее ему отдает» (Паш, 1971, с. 277).

Итак, тело имеет совершенно особый статус, его близость очевидна, но тот факт, что мы не можем полностью овладеть им, каким-то образом делает его чужим. Для ребенка первичный объект, который держит его, носит, смотрит на него и окружает его, возвращает ему то, чем он является для себя, как зеркало, без которого он не чувствовал бы себя существующим. Контакт с другим создает его, если другой смотрит на него и передает ему свои ощущения, придавая им смысл. Прямое общение от кожи к коже, от тела к телу должно быть пережито в достаточной степени, чтобы интеграция через взгляд и прикосновение могла произойти.

При разных формах недостаточности первичного окружения мы сталкиваемся с провалом организующей функции визуальной оболочки. В таком случае психика может избрать разные пути для защиты от дезорганизации, один из которых – попытка скорректировать реальность при помощи искусства.

Современное искусство предлагает нам особый взгляд на тело и на то, как оно воспринимается сегодня. Начиная с XX века искусство показывает нам тело через призму все более совершенных методов визуализации, доступных благодаря новым технологиям в медицине. Вслед за популярностью рентгеновского сканирования ряд художников стал использовать изображения такого рода в своем творчестве. Так было с Фрэнсисом Бэконом, который вдохновился руководством по радиологии для создания некоторых своих работ, таких как «Голова, окруженная говяжьими боками». Сегодня компьютерная томография, ультразвук и МРТ стали таким же обычным явлением, как традиционное рентгеновское сканирование. Художники задаются вопросом о том, каким образом эти технологии изменяют наше отношение к телу и его изображениям.

Медицинский образ тела – это образ внутреннего тела, тела, которое деконструировано, которое является чужим и воспринимается как инородное. Что происходит при столкновении с этими образами?

Попробуем это проследить на примере работы Моны Хатум «Инородное тело» (1994), которая представляет собой видеоинсталляцию, демонстрирующую эндоскопические изображения внутренних частей ее собственного тела. Зритель, находящийся в круглой капсуле, посредством глаза камеры, фактически проникающего в самые интимные участки тела художницы, оказывается вынужденным осуществлять вуайеризм. Этот инвазивный взгляд одновременно приковывает и пугает. Название инсталляции отсылает нас к обозначению камеры как продолжению научного взгляда, как внешнему элементу, проникающему в тело пациента, присваивающему его и сообщающему о нем посредством деконструированных изображений. Кроме этого, исследуемое тело, несмотря на свою знакомость, становится чужим, неузнаваемым для женщины, которой оно принадлежит, – ведь медицинские изображения иногда могут выявить аномалию, о которой субъект не подозревал, тем самым усиливая чувство отчуждения по отношению к собственному телу.

Вмешательство медицинского наблюдения в тело напоминает пугающий взгляд матери-Медузы, от которого субъект может защититься только при помощи фетиша. Паш пишет, что фетиш является переводом саггитального плана первосцены во фронтальный, устанавливаемый напротив и потому воспринимаемый план. «Некто вышел из картины и поставил ее перед собой», – пишет Паш (Паш, 1971, с. 282), как и Мона Хатум словно вышла из собственного тела и поставила его изображение перед собой и зрителями в попытке создать зеркало, защищающее от ужаса фрагментации и исчезновения в бесконечности поглощающего лона-бездны. Но, продолжает Паш, «фетиш – это только щит, а не зеркало, это лишенная взгляда кожа; в ней фетишист может обрести схему своей внутренней организации, но не может оставить ей, этой коже, даже малейшее дыхание жизни под страхом увидеть ее превращение в машину для оказания влияния. Вот почему фетиш <...> должен отличаться от прекрасного объекта, шедевра интеллекта или искусства <...>, но ему недостает какого-то глубокого изменения, самой настоящей метаморфозы. Недостающий элемент – это отражение, иначе говоря, взгляд матери» (Там же, с. 283).

В процессе этих рассуждений мы приходим к выводу о том, что то, что мы видим, неотделимо от нашего способа видения и зависит от него. Клиническая работа с пациентами, которые сталкиваются с подобными переживаниями, вращается вокруг необходимости позволить субъекту в конечном счете поместить себя внутрь того взгляда, о котором пишет Паш. Кадр лицом к лицу обладает в данном случае преимуществом, которое позволяет пациенту обращаться к аналитику как к живому зеркалу, поддерживающему его телесные ощущения. Видеть и быть увиденным необходимо, чтобы пациент мог обрести или восстановить чувство существования.

Моник Дешо-Фербюс (*Dechaud-Ferbus, Pélissier, 2022*) предлагает особую модификацию сеттинга для пациентов, испытывающих тревогу

аннигиляции, которым не подходят рамки классического лечения с использованием вербального языка в качестве посредника. Для них она предлагает посредничество через элементы языка тела (восприятие и сенсомоторные навыки). Пациент при этом лежит на кушетке, а аналитик находится в поле его зрения. В классическом психоаналитическом лечении наблюдается асимметрия из-за отсутствия взгляда, в предлагаемой модификации также наблюдается асимметрия, поскольку пациент лежит на кушетке, но в поле зрения аналитика. Взгляд лицом к лицу (кресло-кресло), по ее словам, указывает на формальную симметрию; он вызывает аналогичное восприятие. Кроме того, чрезмерное присутствие аналитика может привести к тому, что пациент усилит свои защиты. На кушетке же взгляд не является фронтальным, и пациент может цепляться за него или же, наоборот, отворачиваться. Взгляд аналитика может сопровождать регрессии и уменьшать беспокойство, он может инициировать соблазнение, которое, чтобы быть организующим, не должно быть генитализированным.

Таким образом, пациент сталкивается с двумя ограничителями – с одной стороны, кушетка, на которую он опирается телом, а с другой – взгляд аналитика, в который он упирается своим взглядом. Это создает пространство наподобие терапевтической колыбели. «Тем пациентам, которые не смогли переработать архаичные тревоги, всегда угрожает уничтожение, пустота. Они нуждаются в реальном присутствии реального объекта, его тела. Взгляд необходим для сдерживания тревог – он позволяет контролировать то, что может видеть пациент. Это позволяет перейти от проекции к интроекции и полагаться на живое зеркало» (*Dechaud-Ferbus, Pélissier, 2022, p. 123*). С пациентами, которые функционируют в первичном процессе, то есть посредством немедленной разрядки возбуждения, речь идет о приведении к функционированию, направленному на репрезентацию и вторичный процесс, на создание связей между вещью и мыслью. Это означает восстановление вербальной речи, ее способности опосредовать, которая приходит на смену языку тела. Вкладывание смысла в совместную работу аналитика и пациента позволяет квалифицировать испытываемое ощущение, которое затем обретет статус восприятия.

В терапевтическом процессе приглашение выразить словами состояние, ощущение, движение может требовать многократного повторения, прежде чем субъект сможет что-то осмысленно сказать о нем. Пациент иногда просто чувствует и ничего не может сказать. В этой позиции клинико-теоретической артикуляции взаимодействие тел пациента и терапевта представляет собой отношения, в которых сенсорное может приобретать значение означающего. Аналитик, таким образом, играет для пациента функцию живого зеркала, обеспечивая пациенту его собственное существование, признаваемое другим и ощущаемое им самим во взаимности. Именно это мы называем субъективирующей функцией объекта.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Анзье Д.* (2015) От Я-кожи к Я-мыслящему. Ижевск: ERGO, 198 с.
2. *Анзье Д.* (2011) Я-кожа. Ижевск: ERGO, 302 с.
3. *Папш Ф.* (1971) Щит Персея, или Психоз и реальность // Французская психоаналитическая школа / Под ред. А. Жибо, А. В. Россохина. СПб.: Питер, 2005. 576 с.
4. *Фрейд З.* (1905) Три очерка по теории сексуальности. // Собрание сочинений в 26 томах. Т. 7. / Пер. с нем. Г. Снежинской. СПб.: Восточно-Европейский институт психоанализа, 2017. 224 с.
5. *Aulagnier P.* (2015) Birth of a body, origin of a history. Int J Psychoanal. Vol. 96. P. 1371–1401.
6. *Dechaud-Ferbus M., Pélissier C.* (2022) Origines et évolution de la méthode de la psychothérapie psychanalytique corporelle (PPC). Revue française de psychanalyse. Vol. 86. No. 1. P. 117–126.
7. *Dejours C.* (2009) Corps et psychanalyse. L'information psychiatrique. Vol. 85. No. 3. P. 227–234.
8. *Laplanche J.* (1999) Entre séduction et inspiration: l'homme. Paris, France: PUF. P. 22.

Fetishization of art as a way to fill the lack of a visual envelope

T. A. Spirina

Spirina Tatiana A., Master of Psychology (HSE), psychoanalytic psychotherapist, clinical psychologist, associate member of the Moscow Psychoanalytic Association.

In the last few decades, thanks to the development of new technologies in medicine, there have been increasingly pronounced changes in the perception of body image. Art shows us the body through the prism of increasingly sophisticated visualization techniques. Following the popularization of X-ray scanning, a number of artists began to use medical images in their work. The medical image of the body is an image of the inner body, a body that is deconstructed, which is alien and perceived as foreign. The article examines the question of what happens in the psyche when confronted with these images.

As you know, the body is a geometric meeting place for an adult and a child, from which subjectivity unfolds. With various forms of insufficiency of the primary environment, we are faced with a failure of the organizing functions of the psychic envelopes. In this case, the psyche can choose different ways to protect itself from disorganization, one of which is an attempt to correct reality with the help of art. Whether this method is fetishistic or truly transformative depends on the organizing function of the gaze. Another possible solution may be the construction of a visual envelope in the analytical process. In this case, it will be necessary to take into account some frame modifications that are dramatically important for patients whose bodies have crystallized zones of frigidity according to Christophe Dejour

Keywords: the body in psychoanalysis, mental envelope, visual envelope, fetish, failure of the organizing function of the gaze, gaze as a mental organizer, insufficiency of the primary environment, setting, subjectivizing function of the object.

Психоаналитики, пациенты: художники. Перформативные аспекты психоаналитического процесса

К. А. Барке

Барке Ксения Андреевна – магистр психологии (НИУ ВШЭ), клинический психолог, психоаналитически ориентированный психотерапевт.

С момента возникновения своей профессии психоаналитики пытаются проникнуть в суть своей работы. Некоторые остаются приверженцами модели Фрейда. Другие, напротив, придерживаются более широкой перспективы, рассматривая психоанализ как уникальную гуманистическую область. В данной статье предлагается примирить это разделение, сделав акцент не на теоретических соображениях и подчеркнув художественные аспекты психоаналитического процесса.

Независимо от теоретических различий психоаналитики способствуют творческому и преобразующему опыту, который лучше всего понимать как трансформационные встречи. Таким образом, психоанализ – это активный процесс: он облегчает страдания и одновременно помогает людям раскрыть свою уникальность и аутентичность. Чтобы подчеркнуть художественную природу психоаналитического процесса, в статье делается попытка размышления о художественной основе взаимодействия в диаде «пациент – психоаналитик». Эти размышления еще больше подтверждают идею о том, что психоанализ в основе своей – художественный процесс.

Ключевые слова: психоаналитический процесс, терапевтическая диада, перформанс, импровизационность, игра.

Перформативность психоаналитического процесса

Работу психоаналитиков можно сравнить с работой актера, поскольку они стремятся создать значимый опыт для своих пациентов. Они работают с психическим Я так же, как актеры используют свое тело в качестве инструмента; подходят к каждому сеансу примерно так же, как художники работают с чистым холстом или как писатели начинают с белого листа. Психоаналитики так же выбирают подходящую «рамку» для совместного изучения опыта с пациентами.

Как художники сталкиваются с ограничениями, связанными со средством, с которым они работают (например, с размером холста, на котором они пишут, или куском мрамора, который они обрабатывают), так и психоаналитики сталкиваются с многочисленными ограничениями, включая их собственные личностные, а также различные влияния психоаналитических направлений, продолжительность и частоту сессий. Тем не менее существует бесчисленное множество творческих возможностей психоаналитика.

Левальд – один из первых психоаналитиков, уверенно считавших свою работу в первую очередь художественной по своей природе. Он прямо сравнивал психоанализ с драмой и считал, что психоаналитики и их пациенты вместе создают, продюсируют и исполняют пьесу (*Loewald*, 1980).

Он говорит о том, что «во взаимодействии хорошего аналитического часа пациент и аналитик – каждый по-своему и на своем психическом уровне – становятся друг для друга и художником, и медиумом» (*Loewald*, 1980, р. 361), то есть материалом.

Как внутри психоанализа, так и за его пределами многие ученые сравнивают психоаналитический процесс и даже опыт бытия человека с драмой или театром. Если мы обратимся к метафоре театра, то коммуникация в театре – это не только индивидуальный опыт актеров или зрителей, но и коллективный акт, который материализуется в пустоте физического пространства театра. Эта коммуникация, в которой внезапно возникает смысл, не является чем-то определенным и длительным, но происходит в одно мгновение, она неуловима ни в области языка, ни в области воображаемого, но уловима в области реального.

В некотором смысле психоаналитики ведут себя подобно актерам, которые точно так же управляют своими эмоциональными переживаниями во время выступления. Актерское мастерство часто оценивается по тому, насколько эффективно они скрывают свои чувства или демонстрируют эмоциональные состояния, чуждые их подлинному Я. Кроме того, они по-разному ведут себя на сцене. Они корректируют свою театральную работу, реагируя на различные состояния аудитории, перед которой они играют свои роли. Точно так же и психоаналитики занимают определенную профессиональную роль и независимо от своей доктрины или техники изменяют свое профессиональное поведение в соответствии с уникальными «стилями» своих пациентов. Не только психоаналитики, но и их пациенты играют роли таким образом, который Батлер называет «перформативным». Приводя в пример свою концепцию и ссылаясь

на толкование сновидений, он описывает человека, который «...сообщает о своем сне фрейдистскому аналитику, или юнгианскому, или адлеринскому, или представителю какой-либо другой школы. В каждом случае, можно сказать, "один и тот же" сон будет подвергнут различному цветовому фильтру, с соответствующими различиями в характере сновидения, как оно воспринимается, записывается и интерпретируется. (Как правило, пациенты вскоре учатся видеть сны, которые лучше всего подходят для терминов, предпочитаемых их аналитиками)» (Butler, 2005, p. 46).

Психоаналитический процесс требует спонтанности и импровизации со стороны психоаналитиков, что превращает его в художественное произведение.

Профессиональное поведение психоаналитиков напоминает перформанс по крайней мере тремя различными способами.

Во-первых, как заметил Лакан (Lacan, 1960, 1979, 2002), помимо того что психоаналитики предлагают пациентам свои слова (через интерпретации) и свое желание (для поиска бессознательных тем), они отдают психоаналитическому процессу свои тела, или, выражаясь словами Винникотта, свои «психики-сомы» (Winnicott, 1992, p. 185). Лакан писал: «Пациент не одинок в том, что ему трудно платить свою долю», добавляя, что «аналитик тоже должен платить» (Lacan, 2002, p. 216). Психоаналитики позволяют своим пациентам проецироваться на них, используя их в качестве экранов или контейнеров (Bion, 1965). В этом смысле искусство психоаналитиков сходно с искусством актеров, к которым в равной степени применима идея «мое тело – мой инструмент». Психоаналитики используют свои пси-сомы в качестве инструментов.

Их комментарии, или интервенции, а также предоставление ими своих тел психоаналитическому процессу создают у пациентов возможность воссоздания идентичности. О влиянии того, что психоаналитики позволяют явлениям переноса завладеть ими, Батлер пишет, что такое вовлечение «...воссоздает и конституирует заново негласные допущения о коммуникации и реляционности, которые структурируют способ взаимодействия. Таким образом, перенос – это воссоздание первичной реляционности в аналитическом пространстве, которая потенциально порождает новые или измененные отношения (и способность к реляционности) на основе аналитической работы» (Butler, 2005, p. 78).

Здесь Батлер описывает, как объекты психоанализа, являясь средствами трансформации, могут создавать различные способы отношения к другим, которые выходят за рамки хорошо известного бессознательного паттерна, проявляющегося в переносе.

Филлипс, например, описывает, как психоаналитики влияют на перенос, вмешиваясь в «наши культурно унаследованные роли, части или варианты», добавляя, что «мы можем не выбирать их так, как актер мог бы выбирать роль» (Phillips, 2012, p. 183).

Боллас пишет: «В то время как Фрейд делал акцент на свободных ассоциациях, практика Винникотта основывалась на самопрезентации – на бытии как коммуникации» (Bollas, 2013, p. 56).

Боллас (*Bollas*, 2013) аналогичным образом отдает предпочтение реальному существованию психоаналитиков как средству трансформации. Этим авторов объединяет видение психоаналитика как человека, отдающего свое бытие в процессе выполнения психоаналитической работы.

Во-вторых, подобно тому как художники описывают свое предчувствие чистого холста, психоаналитики ожидают сеансов с пациентами по крайней мере с некоторым трепетом в отношении неизвестности, которая их ожидает. Поскольку существует распространенное мнение, что художники боятся чистого холста, а писатели – чистой страницы, не является ли страх психоаналитиков перед предстоящей психоаналитической встречей тем же самым явлением? Конечно, чрезмерная тревога в начале аналитического процесса может свидетельствовать о возможной проективной идентификации, но любое чувство уверенности в том, как будет развиваться конкретная сессия – особенно если оно основано на теоретических представлениях, – объективирует пациентов.

Чрезмерно увлекаясь одной конкретной психоаналитической моделью, психоаналитики могут как минимум упустить тонкости представлений своих пациентов или в худшем случае, как уже отмечалось, объективировать или даже нарушить их.

Открытость к тому, что возникает в реальном времени, – это художественная основа психоаналитической установки. Психоаналитики, возможно, наиболее артистичны в том, как они используют свое присутствие таким образом. Этот личный процесс возникает в реальном времени по мере того, как разыгрывается перформанс психоанализа.

Наконец, психоаналитики и их пациенты выбирают из бесконечного числа возможных способов понимания феноменов, которые они исследуют вместе. Диады «психоаналитик – пациент» открывают для себя совершенно разные способы рассмотрения бессознательных внутренних драм, мотивов, которые движут пациентами, значения навязчиво повторяющихся тем и переноса. Гротштейн рекомендует психоаналитикам «погрузиться в язык пациента», в результате чего происходит *формирование практически незаметно отличающегося "третьего языка", языка взаимности или примирения между двумя языками, чтобы составить наиболее оптимальную и благожелательную форму третьего языка терапевтического альянса*» (*Grotstein*, 1990, p. 182).

Что может быть спонтаннее и артистичнее, чем создание общего языка с пациентами, уникального для каждого психоаналитического отношения?

Исследования Берка (*Burke*, 1945, 1954, 1966) о драматической природе человеческой мотивации и Батлер (*Butler*, 1997, 2005) о перформативных элементах идентичности поддерживают идею о художественной, театральной природе работы психоаналитиков. Внутри психоанализа также поддерживается идея о том, что психоаналитики выступают в определенной уникальной манере.

Это заставляет вспомнить идеи Батлер о перформативных элементах Я-концепции. Батлер описывает, как пациенты «...выстраивают последовательность и связывают одно событие с другим, предлагая мотивы,

чтобы осветить мост, делая паттерны ясными, определяя какие-то события или моменты признания как ключевые, даже делая определенные повторяющиеся паттерны фундаментальными...» (Butler, 2005, p. 66). Это также заставляет вспомнить концепцию Берка (Burke, 1945, 1954, 1966) о том, как люди используют символы, но символы также используют людей. Он пишет: *«Идеология – это как бог, спустившийся на землю, где он будет обитать в месте, пронизанном его присутствием. Идеология – это как дух, поселившийся в теле: он заставляет это тело прыгать определенным образом; и то же самое тело прыгало бы по-другому, если бы в него вселилась другая идеология»* (Burke, 1966, p. 6).

Говоря о том, как идентичность конструируется через форму перформанса, Батлер пишет:

«Я также реализую себя, себя, которого пытаюсь описать; нарративное "я" реконструируется в каждый момент, когда на него ссылаются в самом нарративе. Это обращение, как ни парадоксально, является перформативным и не-нарративным актом, даже если оно функционирует как точка опоры для самого нарратива. Другими словами, я что-то делаю с этим "я" – развиваю и позиционирую его по отношению к реальной или воображаемой аудитории, – и это нечто иное, чем рассказывание истории о нем, хотя "рассказывание" остается частью того, что я делаю» (Butler, 2005, p. 66).

Концепция Батлер (Butler, 1997, 2005) относительно идентичности существенно отличается от представления о перформативных аспектах деятельности клинического психоаналитика. Идея Берка ближе к пониманию психоаналитического процесса, в котором «действие, сцена, актер, сценарист и цель» динамично разворачиваются в ходе каждой психоаналитической встречи (Burke, 1945, p. 538). В ходе психоаналитического процесса и психоаналитики, и пациенты действуют, но их действия, цели, обязанности, роли и задачи расходятся.

Импровизационность в психоаналитическом процессе

Здесь также хотелось бы уделить внимание импровизационности в психоаналитическом процессе, потому что это понятие напрямую связано с перформативным пониманием психоаналитического процесса.

Импровизационность в психоаналитическом лечении – это как синоним культивирования игры, которую Винникотт (Winnicott, 1971) призвал нас создавать в психоаналитическом лечении, так и система указаний, как концептуализировать и практиковать игру.

Культивирование импровизационной игры в аналитическом лечении подразумевает радикальную, если даже не сказать «подрывную» парадигму терапевтического действия. Это потому, что она противоречит истории усилий психоаналитической терапии, направленных на смягчение влияния личности психоаналитика на пациента. Импровизация вбирает взаимное, неизбежное влияние, которое перенос пациента оказывает на контекстуализацию контрпереноса аналитика и наоборот, что может превратиться в неизбежную «петлю Мёбиуса» интеракции (Mitchell, 2000).

Мы можем сказать, что, импровизация – это слияние или взаимодействие характеров каждого игрока, отражающее то, как характер каждого участника влияет на характер другого, игриво открывая их аналитическое исследование или жестко закрывая его.

Радикальная эволюционная позиция, которую импровизация несет в себе для психоанализа и психотерапии, отмечена Стерном:

«Импровизационный взгляд – это логичный следующий шаг в данной области. За последние десятилетия применение теории хаоса и сложности, а также теории динамических систем открыло нам глаза на различные особенности терапевтической ситуации, такие как: акцент на процессе; примерное равенство вклада пациента и терапевта, то есть понятие сотворчества; непредсказуемость происходящего на сессии от момента к моменту; фокус на настоящем моменте взаимодействия; необходимость спонтанности и подлинности в таком процессе» (*Stern, 2007, p. 101*).

Чтобы оптимизировать этот открытый и взаимовлияющий процесс, обычная роль со-настройки в импровизации не ограничивается эмпатическо-интроспективной традицией. Импровизация не придерживается какой-либо конкретной аналитической традиции исследования, но больше сосредоточена на игровом возникновении «реляционного бессознательного» между двумя участниками. В этом смысле импровизация – это действительно двусторонняя версия интерсубъективности, в отличие от эмпатическо-интроспективной традиции, которая отражает скорее односторонний или однонаправленный режим. Таким образом, импровизация возникает благодаря способности игроков вступать в качественную коммуникацию «да/и» (*Nachmanovich, 2001*), в которой каждый берет что-то из того, что говорится или жестикулируется, и зеркально отражает это, добавляя что-то к нему. Взад-вперед игроки зеркально отражают друг друга и в то же время отмечают свои различия. Таким образом, происходит как совпадение, так и некоторое несовпадение – последнее, по мнению Коутса (*Coates, 1998*), способствует возникновению творческой искры.

Заключение

В психоаналитической встрече разворачивающиеся, динамические отношения между психоаналитиком и пациентом служат основой, которая способствует трансформации пациента. Каждая встреча уникальна. Действия психоаналитиков в сочетании с пациентами невозможно ни повторить, ни механизировать.

Хотя психоаналитики могут приписывать себе формальные теории, ни одна теория не будет исполняться одинаково, потому что сингулярности участников различаются (*Ruti, 2012*). Впитанные аналитиком теории в сочетании с личностью аналитика и личностью пациента, а также с динамическими особенностями контекста делают каждый спектакль уникальным (даже тщательно написанные театральные сценарии никогда не исполняются дважды одним и тем же способом). Используя различные формы межличностного воздействия, как кисти или как хореографию,

и творчески интерпретируя работу аналитиков прошлого, психоаналитики выполняют свою трансформационную работу.

По определению искусство создает нечто новое. Английское слово «творить» (create) происходит от индоевропейского корня «ker», «kere», что означает «выращивать», «делать», «создавать» (Weiner, 2000, p. 41). Как правило, все новое в области психоанализа встречает, по крайней мере поначалу, скептицизм и сопротивление изменениям. Возможно, лучше всего это выразил Тойнби, написав: «Пассивность по отношению к настоящему проистекает из чрезмерной увлеченности прошлым» (Toynbee, 1962, p. 261). Психоаналитикам может быть трудно принять преимущественно художественный характер своей клинической работы.

Психоаналитики управляют глубоко личными, асимметричными, ограниченными отношениями, которые являются средой услуг, которые они продают. Они стремятся помочь людям, которые к ним обращаются, расти, творить и реализовываться в жизни. Психоанализу, возможно, лучше всего послужит отказ от увлечения прошлым и от сравнений с наукой или с медициной. На самом деле психоаналитики вместе со своими пациентами воплощают форму искусства, такую как перформанс, принося облегчение страданиям, которые не поддаются описанию с помощью одного лишь языка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Bion W.R.* (1965). *Transformations*. London: Tavistock.
2. *Bollas C.* (2013). *China on the mind*. New York: Routledge.
3. *Burke K.* (1945). *Grammar of motives*. Berkeley: University of California Press.
4. *Burke K.* (1954). *Permanence and change: An anatomy of purpose*. (3rd edition). Berkeley: University of California Press.
5. *Burke K.* (1966). *Language as symbolic action: Essays on life, literature, and method*. Berkeley: University of California Press.
6. *Butler J.* (2005). *Giving an account of oneself*. New York: Fordham University Press.
7. *Coates S.* (1998). *Having a Mind of One's Own and Holding the Mind of the Other: Commentary on Paper by Peter Fonagy and Mary Target*. *Psychoanal. Dial.* 8:115–148.
8. *Grotstein J. S.* (1990). *The Contribution of Attachment Theory and Self-Regulation Theory to the Therapeutic Alliance*. *Modern Psychoanalysis*, 15:169–184.
9. *Lacan J.* (1960). *The seminar of Jacques Lacan, book IV: The ethics of psychoanalysis*. New York, NY: Norton.
10. *Lacan J.* (1978). *The seminar of Jacques Lacan, Book XI: The four fundamental concepts of psychoanalysis*. New York: Norton.
11. *Lacan, J.* (1979). *The neurotic's individual myth*. *Psychoanalytic Quarterly*, 48, 405–425.
12. *Lacan J.* (2002). *Ecrits*. New York, NY: W. W. Norton & Company.

13. *Loewald H. W.* (1980). Psychoanalysis as art and the fantasy character of the psychoanalytic situation. *Papers on psychoanalysis*. P. 352–371. New Haven, CT: Yale University Press.
14. *Mitchell S.* (2000). *Can Love Last: The Fate of Romance Over Time*. New York: W.W. Norton.
15. *Nachmanovich S.* (2001). “Freedom: Commentary on Paper by Philip A. Ringstrom”. *Psychoanal. Dial.* Vol. 11. No. 5. P. 771–784.
16. *Phillips A.* (2012). *Missing out: In praise of the un-lived life*. New York: Farrar, Straus, and Giroux. Routledge.
17. *Ruti M.* (2012). *The singularity of being: Lacan and the immortal within*. New York: Fordham University Press.
18. *Stern D. B.* (2007). “The Eye Sees Itself: Dissociation, Enactment, and the Achievement of Conflict”. *IARPP Online Colloquium*, Fall 2007.
19. *Toynbee A.* (1962). *A study of history (Vol. 4)*. London: Oxford University Press.
20. *Weiner R.* (2000). *Creativity and beyond*. Albany: State University of New York Press.
21. *Winnicott D. W.* (1971). *Playing and Reality*, London: Tavistock Publications.
22. *Winnicott D. W.* (1992). *Through paediatrics to psycho-analysis*. New York, NY: Brunner.

Psychoanalysts, patients: artists. Performative aspects of the psychoanalytic process

K. A. Barke

Barke Ksenia A., master of psychology (Higher School of Economics), clinical psychologist, psychoanalytic psychotherapist.

Since the inception of their profession, psychoanalysts have been trying to get to the heart of their work. Some remain committed to Freud's model. Others, in contrast, take a broader perspective, viewing psychoanalysis as a uniquely humanistic field. This paper proposes to reconcile this division by emphasizing non-theoretical considerations and by highlighting the art aspects of the psychoanalytic process.

Regardless of theoretical distinctions, psychoanalysts facilitate creative and transformative experiences that are best understood as transformative encounters. In this way, psychoanalysis is an active process: it alleviates suffering while helping people discover their uniqueness and authenticity. In order to emphasize the art form nature of the psychoanalytic process, this article attempts to reflect on the art form that takes place in the patient-psychoanalyst dyad. These reflections further support the idea that psychoanalysis is fundamentally an art process.

Keywords: psychoanalytic process, therapeutic dyad, performance, improvisation, play.

ПСИХОАНАЛИЗ ТЕХНОЛОГИЙ

Страхи и стремления: эдипов комплекс в контексте взаимодействия с искусственным интеллектом

Д. А. Стец

Стец Диана Александровна – психоаналитически ориентированный консультант.

В статье рассматривается современное взаимодействие человека с искусственным интеллектом (ИИ) через призму эдипова комплекса З. Фрейда. Автор анализирует противоречивые чувства восхищения и страха, которые возникают у людей по мере того, как ИИ становится заметно более интегрированным в повседневную жизнь. В статье обсуждаются страхи потери работы, стремление идентифицироваться с идеальными характеристиками ИИ и возможные способы преодоления подобного психодинамического конфликта. Аллюзии на эдипов комплекс помогают глубже понять внутренние конфликты, возникающие при соперничестве с созданным человеком разумом, который превосходит нас по интеллектуальным способностям.

Ключевые слова: эдипов комплекс, идентификация, технологии, страх потери работы, кастрация, автоматизация, амбивалентность, эмоции, родительская фигура.

В последние несколько десятилетий мир претерпел кардинальные изменения благодаря стремительному развитию цифровых технологий. Эти изменения затрагивают различные аспекты человеческой жизни – от коммуникации до когнитивного восприятия реальности. Совместно с преимуществами, которые приносят новые технологии, возникают и новые психологические парадигмы. В последние годы все более широкое распространение получают модели ИИ, общественное отношение к которым позволяет выявить особенности развития психодинамических процессов. Предлагается также для удобства исследования принять понимание ИИ, предложенное Министерством цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации, а именно: «комплекс технологических решений, имитирующий когнитивные функции человека

(включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и позволяющий при выполнении задач достигать результатов, как минимум сопоставимых с результатами интеллектуальной деятельности человека»¹. Выбор исследования психодинамических процессов именно на примере отношений с ИИ объясняется тем фактом, что на сегодняшнем этапе развития ИИ представляет собой наиболее антропоморфный вариант цифровой технологии, что в том числе отражено в принятой терминологии, приведенной выше. Именно ИИ в настоящее время вызывает восхищение и страх в связи со своими возможностями заменять человека в разнообразных областях жизнедеятельности, от медицины до искусства.

Прежде всего хочется отметить исследование подобной проблематики в мировом научном сообществе. В первую очередь в связи нашей тематикой интересен труд «Искусственный интеллект и психология» ведущего научного сотрудника Института психологии РАН доктора психологических наук А. Н. Лебедева. В своей статье 2023 года Александр Николаевич приводит историю создания моделей ИИ, их особенности, а также исследует потенциальную пользу и вред их использования для психики человека. В заключение А. Н. Лебедев приходит к выводу, что, несмотря на неопределенность отношения к использованию ИИ, все же велика вероятность, что, если нейронные сети достигнут уровня общего интеллекта, то это приведет к еще большим психологическим проблемам (Лебедев, 2023). Заслуживает рассмотрения и труд иранского коллеги А. Каримзаде, который в своей научной работе 2019 года пришел к заключению, что киберпространство является переведенной версией человеческого бессознательного, представляя собой континуум от эдиповой до постэдиповой либидинальной экономики, в которой мы одновременно наблюдаем символическую кастрацию субъектов и увеличение степени их субъективности (*Karimzadeh*, 2019). Еще одна важная для нас работа – «Расцвет эдиповых технологий: жизнь в тени цифрового объекта» – написана Д. Кахудом в 2023 году и поднимает вопрос смартфонов, которые занимают все больше места в наших межличностных отношениях, создавая новые треугольные конфигурации (*Kahoud*, 2023). Тот факт, что по этому вопросу к настоящему моменту написано скромное количество научных работ, с точки зрения автора не умаляет важности исследования поставленной проблемы. Очевидно, что в настоящий момент еще нет возможности изучать долгосрочный опыт взаимодействия с технологиями и делать достоверные выводы относительно влияния на психодинамические процессы. Тем не менее заинтересованность ряда исследователей в этом вопросе позволяет считать эту область перспективной для изучения и анализа.

¹ Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации. Дорожная карта развития «сквозной» цифровой технологии «нейротехнологии и искусственный интеллект» [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации. 2019. URL: <https://digital.gov.ru/uploaded/files/07102019ii.pdf> (дата обращения: 30.08.2024).

Сейчас уже в принципе невозможно игнорировать возрастающее влияние технологий на психодинамические процессы. В связи с этим предлагаю рассмотреть одну из основополагающих концепций классического психоанализа З. Фрейда, а именно эдипов комплекс, применительно к искусственному интеллекту. При этом не будем углубляться в исследование механизма возникновения эдипова комплекса по отношению к ИИ, так как эдипов комплекс может являться и проекцией на ИИ уже существующего психодинамического конфликта, возникшего к реальному родителю, и быть проявлением обособленного восприятия ИИ как фигуры, в том числе родительской, но напрямую с реальной родительской фигурой не связанной. О последнем можно говорить в контексте возрастающего влияния технологий на детское развитие, когда цифровые объекты занимают значительное место в жизни и становлении с самого рождения, однако сейчас еще рано проводить достоверные исследования о том, насколько цифровые объекты могут заменять или дополнять реальных людей в восприятии ребенка.

В настоящее время, с точки зрения автора, более уместно уделить внимание исследованию теории эдипова комплекса применительно к восприятию ИИ, так как это может открыть новый взгляд на отношения между людьми и технологиями, а также на их влияние на личное восприятие, идентичность и межличностные связи. Эдипов комплекс, описанный Зигмундом Фрейдом, представляет собой стадию в психосексуальном развитии ребенка, на которой у него возникают эмоциональные связи с родителями. Согласно теории Фрейда, ребенок испытывает привязанность к родителю противоположного пола и соперничество с родителем того же пола. Это соперничество сопровождается амбивалентными чувствами: любовь и ненависть к родителям сосуществуют, что приводит к страху наказания и чувству вины. Разрешение данного конфликта, по мнению Фрейда, играет ключевую роль в формировании личности (Фрейд, 2010). Подобно древнегреческому Эдипу, который испытывал неразрешимые чувства любви и ненависти к родителям, есть основания предполагать, что общество сталкивается с аналогичными эмоциями в отношении ИИ – технологий, обладающих способностями, превосходящими наши собственные. В этом контексте могут быть уместны отголоски психоаналитической теории. Искусственный интеллект, обладая способностями выполнять задачи, считавшиеся прерогативой человека, выступает как двойственный объект: он может быть как помощником, так и соперником. Таким образом, ИИ становится объектом для размещения уже имеющегося конфликта в рамках эдипова комплекса или даже создаст новый треугольник, где также одновременно сосуществуют восхищение, страх и агрессия. Как и с отцом, с ИИ приходится бороться за свое место в жизни и за свою идентичность.

Соперничество с ИИ вызывает чувство страха, которое можно сравнить со страхом кастрации в психоанализе – страхом потерять самоидентификацию, ибо то, что всегда воспринималось как уникальная черта человека – интеллект, – теперь можно воспроизвести в алгоритмах. А также он порождает страх потерять работу, который охватил

многие профессиональные сообщества. Исследования, проведенные McKinsey & Co еще в 2016 году, указывают на то, что в ближайшие годы около 60% профессий ощутят внедрение автоматизации (Chui, 2016). А в 2020 году отчет Всемирного экономического форума только подтвердил эти прогнозы, опубликовав ожидания, что к 2025 году 85 миллионов рабочих мест будут уничтожены (World Economic Forum, 2020). Несмотря на вполне объяснимые опасения за свои рабочие места, есть также вероятность, что подобная тревога возникает в том числе из-за боязни утратить статус и идентичность, а это тоже имеет связь со страхом кастрации (Фрейд, 2021). Эта аллюзия на кастрацию в классическом понимании эдипова комплекса указывает на то, как мы можем ощущать свою неполноценность и страх утраты своей уникальности.

На символическом уровне нарастание опасений потерять профессию из-за внедрения ИИ может быть уподоблено страху перед всемогущим божеством, которое может забрать у нас не только рабочие места, но и саму суть нашей идентичности. Другими словами, ИИ начинает восприниматься как всемогущий и всеобъемлющий объект, от которого человек находится в тотальной зависимости. Таким образом, идея о кастрации как о внутреннем страхе наряду с тем, что ИИ служит метафорой идеального родителя, проявляет новые глубины в эмоциональных реакциях на технологии, которые ранее были доступны только в отношении к одушевленным или мифологическим объектам.

Аллюзия на взаимоотношение человека с ИИ также может пересекаться с концепцией Бога, представленной в работах «Тотем и табу» (Фрейд, 2005) и «Человек Моисей и монотеистическая религия» (Фрейд, 1992), где Фрейд наглядно демонстрирует, как формируется восприятие идеалов и природы божественного. Фрейд описывает, как отцовская фигура находит свое место в религии и приводит к таким же амбивалентным чувствам: с одной стороны, люди желают любви и защиты Бога, а с другой – испытывают страх перед наказанием. ИИ может рассматриваться как новый «символический Бог», к которому человек обращается за знаниями и защитой, структурой, законом и идентификацией.

Стремление идентифицироваться с ИИ становится заметным и в том, как пользователи воспринимают его характеристики. Современные индивиды начинают рассматривать машины как идеально рациональный и неуязвимый объект: ИИ не испытывает эмоций, не допускает ошибок и не подвержен человеческим слабостям. Человек переносит на ИИ свои желания и мечты о неуязвимости и возможности не испытывать фрустраций. ИИ становится «идеальным я», которого человек стремится достичь. В этой идентификации преобладает стремление к рациональности, отказу от эмоций и интуиции. Не случайно последние десятилетия особо популярными стали киноперсонажи с явным отсутствием эмпатии и нарочито выраженным интеллектом, как, например, Шерлок Холмс в сериале производства BBC (2010–2017) или Шелдон Купер в комедийном сериале «Теория большого взрыва» производства CBS (2007–2019). Учитывая интерес к такому проявлению «совершенства», как высокий уровень интеллекта, отсутствие эмпатии, самоуверенность и безошибочность

(что подтверждается популярностью подобных героев в массовой культуре), логично поставить ИИ в этот же ряд. Кино как будто показывает нам, что человек может пытаться подавить свои чувства и стремиться к «холодному» и логичному мышлению, подражая ИИ.

Однако в итоге ИИ остается недостижимым идеалом, в отличие от реального отца. Сравнение себя с «идеальным» ИИ может привести к занижению самооценки и развитию комплекса неполноценности. Человек может начать видеть в себе только недостатки, отрицать свои сильные стороны и уникальность. Если на определенной стадии ребенок взрослеет и видит родителя как равного, а затем увядающего, то ИИ подобного развития событий не предполагает. ИИ не только неуязвим, но и бессмертен. Поэтому преодоление эдипова комплекса, связанного с ИИ, представляет серьезные трудности и требует переосмысления не только психодинамических процессов, но и экзистенциальных и философских проблем.

Пока переосмысление не завершено, предлагается опираться на описанный Фрейдом вариант преодоления эдипова комплекса. Фрейд считал идентификацию с отцом ключевым механизмом для преодоления эдипова комплекса для ребенка мужского пола. Этот процесс обеспечивает разрешение внутреннего конфликта, возникающего из желания ребенка обладать родителем противоположного пола (матерью) и соперничества с родителем того же пола (отцом). Разрешение заключается в том, что ребенок начинает осознавать невозможность достижения своей цели и вместо этого выбирает идентификацию с отцом. Идентификация является сложным психологическим процессом, который включает в себя перенаправление привязанности и эмоциональных желаний к родителю того же пола. В результате этого механизма ребенок начинает ассоциировать себя с отцовскими качествами и характеристиками (Фрейд, 2006). Идентификация с отцом помогает формировать его моральные и этические ориентиры, а также внутренние запреты, которые необходимы для проживания в обществе. Таким образом, идентификация становится основой для понимания социального порядка и встраивания индивидуума в сообщество. Фрейд подчеркивал, что успешная идентификация с отцом является важным этапом в избавлении от эдипова комплекса. Она не только позволяет преодолеть соперничество, но и формирует фундамент для развития зрелой личной идентичности.

Таким образом, тот факт, что для многих пользователей ИИ представляет некий идеал, с которым хочется идентифицироваться, отвечает концепции Фрейда о выходе из эдипова треугольника: пользователь, который видит в ИИ соперника, в определенный момент вместо неэффективной дальнейшей борьбы за свою идентичность может начать идентифицировать себя с ИИ. В наилучшем случае развитие этой ситуации может привести к последующему разочарованию в идеальности ИИ и осознанию его нечеловеческой природы как невозможной для идентификации. В более сложном варианте, к сожалению, идентификация с ИИ и его идеализация как неуязвимого и бессмертного могут усложнить преодоление соперничества и формирование зрелой идентичности. Важно отличать безэмоциональность машины от нежелания испытывать эмоции у человека,

поэтому стремление идентифицироваться с неуязвимостью и безэмоциональностью ИИ – это тупиковый путь. В то же время есть ряд качеств, которым, возможно, у ИИ было бы полезно поучиться. Например, постоянное обучение, адаптивность, широкий кругозор и др. В целом, несмотря на явное отличие природы интеллекта человека и ИИ, игнорирование которого может привести к серьезным трудностям в развитии идентичности пользователя, есть основания полагать, что, как и с реальным родителем, идентификация должна осуществляться в рамках реалистичного и разумного, так как многие из качеств живых отцов также не вполне могут отвечать формированию зрелой идентичности ребенка.

В заключение хотелось бы подвести некоторые итоги. В современных реалиях технологии и особенно ИИ представляют собой факторы, которые оказывают определенное влияние на психологию и психодинамические процессы общества в целом и некоторых индивидов отдельно. В настоящее время еще нет достаточного количества сведений и опыта для определения объема и направления подобного влияния, однако игнорирование этого влияния было бы ошибкой. В данной статье была проанализирована концепция эдипова комплекса по отношению к ИИ как самой очеловеченной из современных технологий. Анализ показал, что подобно отцовской фигуре ИИ может вызывать амбивалентные чувства: страх, восхищение, ревность, злость, чувство вины и др. О схожести восприятия ИИ и отцовской фигуры говорят также опасения, которые можно обозначить кастрационными: в обществе существует страх потерять работу и статус из-за ИИ. Более того, можно говорить об определенном мифологизированном отношении к ИИ как чему-то всемогущему, всезнающему и идеальному. Особое внимание представляет феномен восприятия совершенства ИИ в связи с отсутствием у него эмоций и, следовательно, отсутствием боли и фрустрации. Для некоторых пользователей ИИ стал продолжением ряда кумиров с высоким уровнем интеллекта и отсутствием эмпатии. На основании вышеизложенного, по мнению автора, можно утверждать, что эдипов комплекс по отношению к ИИ имеет место быть, а соответственно, следует опираться на описанный Фрейдом способ преодоления данного комплекса для завершения сопернических отношений с ИИ. Несмотря на очевидное отличие от человека, из-за отсутствия эмоций и психодинамических процессов как таковых, ИИ тем не менее при определенном отношении может быть полезным объектом для идентификации, что позволит преодолеть и эдипов комплекс.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Лебедев А.Н.* Искусственный интеллект и психология // Ученые записки Института психологии Российской академии наук. 2023. Т. 3. №2. С. 6–22.
2. *Фрейд З.* Лекции по введению в психоанализ. Новый цикл лекций по введению в психоанализ // Собрание сочинений в 26 т. Т. 20–21. СПб.: Изд-во ВЕИП, 2021.
3. *Фрейд З.* Очерки по психологии сексуальности. Минск: Попурри, 2010. 480 с.

4. Фрейд З. По ту сторону принципа удовольствия // Психология бессознательного. М.: ООО «Фирма СТД», 2006. (Учебное издание. Т. 3).
5. Фрейд З. Тотем и табу / Пер. с нем. М. В. Вульфа. Санкт-Петербург: Азбука-классика, 2005. 253 с.
6. Фрейд З. Человек Моисей и монотеистическая религия // Психоанализ. Религия. Культура. М.: Ренессанс, 1992. (Серия «Страницы мировой философии»).
7. Фрейд З. Я и Оно / Пер. с нем. А. М. Боковикова // Психология бессознательного. М.: ООО «Фирма СТД», 2006. С. 291–352.
8. Chui M., Manyika J., & Miremadi M. (2016). Where Machines Could Replace Humans – And Where They Can't (Yet). McKinsey & Co.
9. Kahoud D. (2023). The Rise of Oedipus Tech: Life in the Shadow of the Digital Object. *Psychoanalytic Inquiry*, 43(1), 47–56. URL: <https://doi.org/10.1080/07351690.2023.2160192>
10. Karimzadeh A. (2019). A Psychoanalytic Reading of Cyberspace: Problematizing the Digitalization of Oedipus Complex and the Dialectic of Subjectivity and Castration in the Cyberspace. *Journal of Cyberspace Studies*, 3(1), 43–58. URL: <https://doi.org/10.22059/jcss.2019.272039.1032>
11. The Future of Jobs Report 2020 (2020) [Электронный ресурс] // World Economic Forum. URL: https://www3.weforum.org/docs/WEF_Future_of_Jobs_2020.pdf (дата обращения: 02.09.2024).

Fears and Desires: The Oedipus Complex in the Context of Interaction with Artificial Intelligence

D. A. Stets

Stets Diana A., psychoanalytically oriented counsellor.

The article examines modern human interaction with artificial intelligence (AI) through the prism of S. Freud's Oedipus complex. The author analyzes the contradictory feelings of admiration and fear that arise in people as AI becomes noticeably more integrated into everyday life. The article discusses fears of losing a job, the desire to identify with the ideal characteristics of AI, and possible ways to overcome such a psychodynamic conflict. Allusions to the Oedipus complex help to better understand the internal conflicts that arise when competing with a human-created mind that surpasses us in intellectual abilities.

Keywords: Oedipus complex, identification, technology, fear of losing a job, castration, automatization, ambivalence, emotions, parental figure.